ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 41 (4743)
10 октября
1979 г.
СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 51-й

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»
Статьей критика А. Устинова продолжаем разговор о проблемах «деревенской прозы»

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ
Беседа с Мустаем Каримом: «Правда в искусстве должна быть окрыленной»
стр. 4

ЧиП
Виктор Астафьев отвечает на вопросы читателя
стр. 6

ЕДИНСТВО И ДРУЖБА

Берлин, 6 октября 1979 года. Торжественное заседание, посвященное 30-летию образования ГДР. На трибуне — товарищ Л. И. Брежнев.

Телефото спец. корр. ТАСС **В. МУСАЭЛЬЯНА** и **В. СОБОЛЕВА**

Сергей САРТАКОВ

СИЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

Эхо тридцатилетия Германской Демократической Республики громко звучит во всем мире, свидетельствуя о могуществе социалистического содружества. За тридцать лет первое социалистическое государство рабочих и крестьян на немецкой земле достигло больших успехов и, опираясь на нерушимый союз с СССР и другими братскими странами, стало надежным бастионом мира и социализма в Европе.

Новой яркой демонстрацией дружбы наших стран стал визит в ГДР советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым. Подписанная в ходе визита программа специализации и кооперирования производства между СССР и ГДР до 1990 года отражает размах и глубину социалистической интеграции, умножает экономическое могущество наших стран.

«Возникновение и утверждение ГДР, — отметил в своей речи в Берлине товарищ Л. И. Брежнев, — явилось новой огромной победой дела социализма и мира, имело действительно историческое значение».

Но ничто не далось само собой, и мир и дружба наших народов не были даровыми [illegible]. И тем, что сегодняшние успехи социализма и мира в Европе стали реальностью, мы обязаны прежде всего бессмертному подвигу советских людей, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом.

После разгрома фашизма в мае 1945 года рука советского солдата вывела на стене рейхстага строки из стихотворения Валерия Брюсова «России», написанного еще в 1920 году:

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя коснулась грудь —
Всех впереди, страна-вожатый,
Над мраком факел ты вздымула,
Народам озаряя путь.

Мы не знаем, кто был тот солдат, но сущность исторического момента понимал он верно, и не случайно вспомнились ему прекрасные брюсовские строки. Именно тогда многие народы Европы, выведенные из мрака войны и фашизма, сделали свой выбор и пошли по пути, проложенному в 1917 году страной-пионером, страной Ленина.

Вопреки всем проискам международного империализма ГДР выросла и окрепла, обрела высокий международный авторитет благодаря своей активной политике мира, неустанным усилиям, направленным на то, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила опасность новой войны.

«30 лет Германской Демократической Республики — это одновременно и три десятилетия нашей дружбы с Советским Союзом, которая постоянно крепла», — подчеркнул в своей речи 6 октября Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер.

Глубоко символично, что именно из Берлина, столицы ГДР, прозвучали новые миролюбивые инициативы Советского Союза, с которыми выступил товарищ Л. И. Брежнев. В критически важный момент, когда агрессивные силы империализма пытаются подвести мину под здание мира в Европе, накалить обстановку и усилить военные приготовления, Советский Союз подал пример миролюбия и доброй воли. Решение о сокращении в одностороннем порядке численности советских войск в Центральной Европе, готовность сократить по сравнению с нынешним уровнем количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах СССР, — свидетельство подлинной политической мудрости советского руководства.

И то, что новые мирные инициативы прозвучали в октябре, придает им особый исторический отсвет. Для нас октябрь — месяц революции. В 1977 году октябрь стал месяцем новой Конституции. Для советских людей этот месяц памятен еще и потому, что в октябре 1964 года состоялся Пленум ЦК КПСС, который с новой силой продемонстрировал верность ленинским нормам партийной жизни и принципам партийного руководства. Претворение в жизнь курса, избранного партией после октябрьского Пленума 1964 года, привело к новому подъему политической и трудовой активности советских людей, к мощному росту экономического, политического и оборонного могущества СССР, дальнейшему укреплению его позиций на международной арене.

И новые советские предложения, направленные на упрочение мира и разрядки в Европе, на ограничение гонки вооружений, исполнены уверенности в могуществе братских стран социализма, ставших главными факторами мира и стабильности в Европе и во всем мире.

Становление ГДР и ее успехи неразрывно связаны с укреплением дружбы и солидарности народов наших стран. Тысячами и тысячами прочных нитей связаны мы друг с другом. И эти тесные связи стали действительно жизненной потребностью для нас.

Советские писатели дорожат своей дружбой и творческим сотрудничеством с писателями ГДР. Литература ГДР правдиво и ярко отражает те революционные перемены, что произошли и происходят в республике. Далеко за ее пределами известны имена Анны Зегерс и Германа Канта, Макса Вальтера Шульца и Юрия Брезана, Дитера Нолля и Эрвина Штриттматтера, Стефана Хермлина и Фолькера Брауна, а также многих других замечательных прозаиков, поэтов, драматургов. Мы рады возможности глубже познакомиться с достижениями наших коллег во время Дней культуры ГДР, которые будут проходить вскоре в Советском Союзе.

Вместе с Леонидом Ильичом Брежневым мы можем сказать: да, в сегодняшнем бурном мире у нас — социалистического содружества — надежная почва под ногами. Ее мы создавали сами, добиваясь неуклонного прогресса наших экономик, развивая социалистическую демократию, обеспечивая постоянный рост благосостояния наших народов, укрепляя общими усилиями нашу оборону.

Сила социалистического содружества — в его совместных успехах, в его единстве, в его уверенности в избранном пути.

РУКОПОЖАТИЕ

Крепнет и развивается тесное сотрудничество социалистических стран во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни. Одним из ярких проявлений этого сотрудничества стали тесные связи нашей столицы со столицами братских стран социализма.

В прошлом году москвичей принимал Берлин. В числе гостей была делегация Московской писательской организации, у которой давняя крепкая дружба с Берлинской окружной писательской организацией. Тогда-то и родился замысел книги «Встречи с Берлином», вышедшей сейчас в издательстве «Московский рабочий». Естественно, что писатели-москвичи, рассказывающие в своих очерках о людях, которые живут и трудятся в столице ГДР, повествуют не только о сегодняшнем дне. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны, поэтому их раздумья переплетаются с воспоминаниями о пережитом и увиденном в военные и послевоенные годы.

С. Высоцкий, М. Барышев (составитель книги), Л. Карелин, В. Осинин, В. Карпов, О. Горчаков, А. Воинов, Ю. Авдеенко, В. Амлинский, Л. Ющенко, В. Осипов — авторы сборника.

БЕРЛИН, СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР

Дорогие друзья!

В этот знаменательный день, когда народ Германской Демократической Республики отмечает тридцатую годовщину образования первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства, примите горячий братский привет от писателей Советского Союза, а также от миллионов советских читателей.

Литература ГДР — это живая летопись, в которой история становления нового, социалистического государства, осуществленная под руководством Социалистической единой партии Германии, тесно связана с историей становления новой, социалистической личности.

Приветствуя вас сегодня, мы с чувством глубокого удовлетворения отмечаем, что дружба между нашими писательскими организациями неизменно развивается по восходящей линии, она приобретает все более конкретный, деловой и повседневный характер, способствуя укреплению мировой социалистической литературы.

Желаем вам, дорогие друзья, новых больших успехов в вашей творческой деятельности, направленной на благо дальнейшего процветания вашей родины — Германской Демократической Республики, на благо народов наших стран.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Гордиенко К. А. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Гордиенко** Константина Алексеевича орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
2 октября 1979 г.

Юбилейный вечер

— Творчество Эдуардаса Межелайтиса — выражение ленинского отношения к человеку. Оно воспитывает любовь и верность к Советской Родине, укрепляет интернациональную ответственность и классовую солидарность с трудящимися всего мира. Это поэзия, которая действенно помогает нашим современникам решать сложные эстетические, философские и нравственные проблемы, учит глубоко понимать социальную жизнь и духовную культуру, — эти слова первого секретаря ЦК КП Литвы П. Гришкявичуса, сказанные им при вручении писателю ордена Октябрьской революции во Дворце работников искусств в Вильнюсе, стали как бы лейтмотивом всего юбилейного вечера, посвященного 60-летию Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного поэта республики, заместителя Председателя Президиума Верховного Совета Литовской ССР Эдуардаса Межелайтиса.

Выступившие на вечере доктор филологических наук [illegible], народный поэт Литвы Ю. Марцинкявичюс говорили о славном жизненном пути поэта.

Секретарь правления СП СССР В. Озеров, министр культуры Литовской ССР [illegible], председатель правления Союза композиторов Литвы В. Лаурушас, представители общественности Вильнюса и Каунаса, [illegible] района, [illegible], а также представители братских литератур С. Капутикян (Армения), А. Вертинский (Белоруссия), Я. Петерс (Латвия) поздравили юбиляра с 60-летием и высокой правительственной наградой.

— Человек, — сказал Эдуардас Межелайтис, — вот главная цель моей жизни, моего творчества. Одни меня считают поэтом, другие — публицистом, третьи — общественным деятелем. Я не опровергаю ни то, ни другое, ни третье, ибо все, что я делаю, — это только средства для выражения «концепции человека». Если я могу принести человеку радость, я чувствую себя счастливым, и пока моя рука будет держать перо, она будет служить человеку, народу, Родине, партии.

ВИЛЬНЮС

Наш корр.

Дни «Литературной газеты» в Болгарии

В Народной Республике Болгарии во второй раз проводятся Дни «Литературной газеты». Их торжественное открытие состоялось 7 октября в Пловдиве. Участники Дней посетят места, связанные с жизнью и творчеством Николы Вапцарова, а завершится программа Дней 12 октября в Софии. Там же будет проведен «круглый стол» болгарских и советских писателей на тему «Вторая мировая война в художественной литературе и историографии».

Александр ЛЕВАДА

ЗАКОН НАШЕЙ ЖИЗНИ

День Конституции СССР — праздник поистине всенародный. Свыше 140 миллионов людей два года тому назад приняли непосредственное участие в обсуждении проекта Конституции, выступили с устными и письменными предложениями, касающимися Основного Закона Советского государства. Отмечая это знаменательное явление, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своем докладе о проекте новой Конституции СССР сказал: «Задумываешься над такими выступлениями и письмами и приходишь к выводу: ведь в них отражена огромная победа социализма — новый человек, который не отделяет себя от государства, считает интересы государственные, общенародные своим кровным делом».

Новый человек в новом обществе! Для него Основной Закон родного Советского государства стал не только основополагающим документом нашего общественного, государственного бытия, но и своеобразным зеркалом собственного сознания, своей души, своего миропонимания и мироощущения. А это значит, что советские люди воспринимают Конституцию СССР не только в аспекте политическом, общественном, правовом, но и в нравственном — как Великую Хартию, в которой нашли свое отражение и важнейшие принципы морального кодекса людей развитого социалистического общества.

Для нас, писателей, эта сторона вопроса, естественно, представляет особый интерес как важнейший идейный и психологический ориентир на путях человековедения в исследовании и воссоздании в своих произведениях образов героев нашего времени, советских людей — строителей коммунизма.

В статьях Конституции запечатлены немеркнущие, исполненные глубочайшего смысла положения о равенстве наций, о нерушимой ленинской дружбе и братстве народов Советского Союза, о советском патриотизме и социалистическом интернационализме. В аспекте нравственном величие этих основополагающих конституционных постулатов в том, что чувства братства и дружбы народов, как и сознание своего интернационального долга, уже стало для советских людей органичным.

Отсюда и возникает естественность и органичность этой темы в советской многонациональной литературе. Идет ли речь о мирном творческом труде советских людей или же о самоотверженной борьбе с врагом в годы Великой Отечественной войны — чувство дружбы и братства народов излучает сама жизнь, наша советская действительность.

Радостно думать, что раскрепощенный труд советских людей, труд как творчество стал важной темой советской литературы, с предельной выразительностью сформулированной еще Максимом Горьким на Первом всесоюзном писательском съезде. В этой теме, как и в самом подходе к ней, в отчетливом понимании ее глубинного значения — одна из самых важных особенностей литературы социалистического реализма.

Снова и снова вспоминается, с какой силой свидетельствуют о величии советских людей трудовые подвиги, столь ярко показанные в книгах Л. И. Брежнева «Целина» и «Возрождение». Эти же черты характерны для образов героев лучших произведений советской литературы. Мы по праву гордимся этой ярчайшей особенностью советской литературы и с удовлетворением отмечаем, что именно нравственный аспект так называемых производственных тем все более привлекает творческое внимание писателей.

Новая Конституция СССР, ее статья 6 провозглашает, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. «Партия ведет!» — провозгласил в своем знаменитом стихотворении замечательный украинский советский поэт Павло Тычина. Эта его строка воспринимается как рефрен для всех лучших книг советских писателей.

Советские люди с гордостью подлинных патриотов отметили 7 октября День Конституции СССР — [illegible] государственного бытия нашего социалистического общества.

КИЕВ

На соискание Государственных премий РСФСР

Комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры, рассмотрев работы, представленные на соискание Государственных премий РСФСР 1979 года, сообщила имена кандидатов, допущенных к участию в конкурсе. Среди соискателей — прозаики, поэты, драматурги.

В списке кандидатов в области литературы — Н. Горбачев (роман «Битва»), О. Кожухова (книга «Донник»), Л. Решетников (книга стихов «Благодарение»), Г. Регистан (Г. Г. Эль-Регистан — сборник стихов «Река», лирические циклы «Космические ямбы», «Элегии», опубликованные в журналах «Москва» и «Молодая гвардия»), В. Солоухин (повести и рассказы последних лет — «Прекрасная Адыгене», «Травы», «Мед на хлебе», [illegible]), А. Чепуров (книга стихов [illegible]), Н. Шундик (роман «Белый шаман»).

Э. Брагинский выдвинут на соискание премии как один из авторов сценария художественного фильма «Служебный роман», [illegible] — как автор пьесы «Александр из деревни Альдермеш» («Белая ворона»), А. Штейн — как автор пьесы «Версия».

ЗРИМЫЕ СТРАНИЦЫ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Книги Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» стали для миллионов людей в нашей стране и за рубежом школой жизни, вдохновенным и достовернейшим свидетельством подвигов советского народа.

В эти дни наше внимание приковано к голубому экрану — началась демонстрация пятисерийной документальной картины «Возрождение».

Экран вновь возвращает нас в первые послевоенные годы, к разрушенным городам, к героическим будням восстановления «Запорожстали» и Днепрогэса, к титанической многогранной работе первого секретаря Запорожского и Днепропетровского обкомов партии Л. И. Брежнева, к замечательным людям, о которых столь тепло вспоминает он. Увидим мы и сегодняшнюю новь Приднепровья, где, как пишет Леонид Ильич, «есть частица моего труда, моих раздумий, моих волнений, бессонных ночей...».

Фильм «Возрождение» поставлен на Украинской студии телевизионных фильмов. (Сценарий В. Барсука, А. Путинцева. Режиссер — Е. Рябко. Текст читает народный артист СССР В. Тихонов.)

Днепрогэс имени В. И. Ленина сегодня.

РАДОСТЬ ВСТРЕЧ

В СССР проходят Дни чехословацкой литературы

—Еще не исполнилось года с той поры, как в Чехословакии состоялись Дни советской литературы. Огромный их успех — высочайшее свидетельство упрочения дружбы наших народов, наших литератур. Мы до сих пор испытываем к вам чувство глубокой благодарности за организацию этих Дней, во время которых в полной мере проявилось искреннее, братское к нам отношение, — сказал первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, обращаясь к делегации чехословацких писателей, приехавших в Москву на совместное заседание секретариатов правлений союзов писателей двух стран. Подобные творческие обсуждения, на которых рассматриваются вопросы взаимодействия литератур, перспективы дальнейшего сотрудничества, актуальные вопросы литературной жизни, стали важной формой деловых, дружеских контактов.

— На пути укрепления связей наших литератур были радости, были трудности, но долголетний опыт показывает, что этот путь — единственно правильный, у него есть будущее, он обещает нам новые достижения как в укреплении дружбы народов, так и в развитии дружбы литератур, — подчеркнул Г. Марков. — И вот мы начинаем новый этап наших отношений — проведение в Советском Союзе Дней чехословацкой литературы. Мы тщательно готовились к этому событию, мы хотели, чтобы предстоящий праздник способствовал как можно более широкому ознакомлению советских читателей с современной чехословацкой литературой.

На большом столе, за которым собрались на заседание руководители союзов писателей двух стран, разложены журналы, где в преддверии Дней напечатаны переводы произведений писателей братской страны.

— Наша задача, — говорит Г. Марков, показывая гостям журналы, — состоит в том, чтобы и дальше, используя богатые возможности периодики, продолжать всемерно увеличивать демонстрацию ваших художественных новинок.

Он передает чешскому поэту Д. Шайнеру и словацкому драматургу Я. Соловичу недавно изданные книги их стихов и пьес, переведенных на русский язык.

— Я думаю, что наши повседневные связи, — сказал затем оратор, — позволяют видеть ход литературного развития.

Событием огромного значения для всей многонациональной советской литературы явилось присуждение Ленинской премии Леониду Ильичу Брежневу за книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Его замечательные произведения были опубликованы в журнале «Новый мир» — органе правления Союза писателей СССР, — и в этом мы видим внимание партии к нашей литературе, доверие к ней, которое рождает у нас, писателей, чувство признательности и высокой ответственности за свою миссию.

— 1980 год — год 110-летия со дня рождения В. И. Ленина. В Шушенском Красноярского края состоялась в нынешнем сентябре всесоюзная творческая конференция, посвященная Ленину, ленинизму, воплощению бессмертного учения в жизнь. Этой конференцией мы начали большую работу по подготовке к знаменательной дате.

В сообщении первого секретаря правления о литературной жизни заметное место было уделено вопросам воспитания смены. Он рассказал, в частности, о VII Всесоюзном совещании молодых. В его выступлении были затронуты разные аспекты многогранной деятельности Союза писателей. Г. Марков, остановившись на задачах, которые стоят на нынешнем этапе, говорил о том, как писательская организация стремится их решить.

— Советские писатели, — сказал он, — «сплочены вокруг Коммунистической партии, поддерживают ее внешнюю и внутреннюю политику, активно участвуют в борьбе за осуществление ее исторических решений».

—Накануне такого крупного события, как впервые проводимые в Советском Союзе Дни чехословацкой литературы, мы с новой силой осознаем, что значит для нас наша общая дорога, — подчеркнул в своем слове председатель Союза чехословацких писателей Я. Козак. — Глядя на эти журналы, в которых опубликованы работы чешских и словацких поэтов и прозаиков, каждый из нас понимает, что значит дружба и сотрудничество литератур для взаимного познания народов, для обмена мыслями, для общей идеологической борьбы.

Я. Козак говорит о том, что ежегодно в ЧССР выходит 200—220 названий книг советских авторов, и можно сказать, что советская литература стала составной частью нашей культурной жизни. Читателям доступны многие крупные произведения классики и современная литература. На всех этапах социалистического строительства в Чехословакии, отмечает он, советская литература помогала формированию нового человека.

Я. Козак коснулся в своем выступлении ряда вопросов, решение которых, по его мнению, сыграет свою положительную роль в деле дальнейшего сотрудничества литератур.

— Нужно непременно заботиться о том, чтобы лучшие произведения советской литературы как можно оперативнее находили путь к чехословацкому читателю, — сказал он. — Мы хотим организовать координационную комиссию, в которую будут входить русисты. Ее задача — давать рекомендации для издания. Кроме того, основательнее стоит использовать посещения советскими авторами ЧССР и чехословацкими—СССР, с тем, чтобы привлечь их к более широкому участию в разного рода семинарах, конференциях. Есть очень хорошая черта в нашем содружестве — практика создания, выпуска совместных книг. Вдохновляющий пример такого рода — сборник «Братство». Этому образцу надо следовать и дальше. Еще один аспект деятельности в русле углубления нашего сотрудничества — работа с переводчиками.

— Хочется поблагодарить вас за то, — сказал в заключение Я. Козак, — что в Советском Союзе каждый год издаются десятки названий книг чехословацких писателей. Это помогает распространению, воздействию нашей литературы и на Западе, потому что русский язык является мировым языком. В канун открытия Дней чехословацкой литературы в СССР хочется сказать о том, что каждая такая встреча нас взаимно обогащает и делает сильнее.

Выступивший затем секретарь Союза чехословацких писателей Л. Беньо подробно охарактеризовал состояние современной литературы Чехословакии.

— Мне думается, что важной формой сотрудничества является ставший уже традиционным обмен между журналами, — сказал С. Баруздин. — Только в этом году чешский «Литерарни месичник» дал на своих страницах подборку «Дружбы народов», а гостями нашего журнала были два издания — «Литерарни месичник» и «Словенске погляды». Такого рода контакты редакция «Дружбы народов» намерена всячески углублять.

Укреплению деловых связей писательских организаций СССР и ЧССР и литературных фондов посвятил свое выступление А. Кешоков.

Вопросы дальнейшего изучения экономического, социального, духовного развития обеих стран, взаимопознания народов, обмена опытом во всех областях жизни, вопросы взаимного перевода, вопросы взаимного издания книг, более тщательного их отборе, с тем чтобы и советские, и чехословацкие читатели получали действительно все лучшее, что создается писателями СССР и Чехословакии, — эти вопросы поднимались в выступлениях председателя Союза чешских писателей Я. Рыбака, первого секретаря Союза словацких писателей Я. Соловича, народного писателя ЧССР В. Минача, А. Ананьева, С. Сартакова, Р. Рождественского.

Секретарь Союза чехословацких писателей Й. Кадлец, первый секретарь Союза чешских писателей Д. Шайнер, Ю. Верченко говорили о международных связях, о крепнущем содружестве братских социалистических культур, о том, что оно протекает плодотворно и интенсивно, что продолжаются поиски новых его форм.

Выступавшие отмечали, что сотрудничество чехословацкой и советской литератур достигло высокого уровня и носит подлинно товарищеский характер. Открывающиеся Дни чехословацкой литературы в СССР поднимут эти отношения на еще большую высоту.

Итог деловому, творческому, дружескому разговору, состоявшемуся на совместном заседании, подвели Г. Марков и Я. Козак. В его работе принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

4 ОКТЯБРЯ большим вечером в Политехническом начались в нашей стране Дни чехословацкой литературы.

Открывая вечер, Г. Марков сказал:

— Мы рады приветствовать сегодня делегацию литераторов братской Чехословакии. Среди наших гостей — прозаики, поэты, драматурги, критики — широко известные мастера и молодые художники слова: Я. Козак, Я. Солович, Й. Рыбак, Л. Баллек, Л. Беньо, Й. Кадлец, Й. Кот, В. Мигалик, В. Минач, Б. Ногейл, Й. Петерка, З. Плугарж, Й. Пушкаш, В. Рейсел, Б. Ротгерова, И. Скала, И. Стано, К. Сыс, Л. Фелдек, М. Цодрова, Д. Шайнер, С. Шматлак, П. Ярош.

Участники Дней побывают у нефтяников, буровиков, газовиков, геологов, строителей Тюменской области. Они познакомятся с сегодняшним днем Грузии и Армении, Литвы и Латвии. Советские люди, несомненно, встретят гостей с душевным радушием.

Нет сомнения в том, что Дни чехословацкой литературы в СССР явятся новым весомым вкладом в великое дело упрочения дружбы наших народов, наших литератур.

— Мне хотелось бы от имени тех, кто здесь присутствует, от имени всего Союза чехословацких писателей еще до того, как завершатся Дни, выразить благодарность за предоставленную возможность встретиться с вами и вспомнить вашу прошлогоднюю поездку по нашей стране, которая была незабываемой и во время которой мы снова испытали глубокое восхищение советской литературой, — так начал свое выступление Я. Козак.

— Мы гордимся тем, — сказал он, — что присутствуем здесь как соратники советской литературы, как помощники наших коммунистических партий в борьбе за новый, светлый и справедливый мир. Вот потому Дни советской литературы в ЧССР и Дни чехословацкой литературы в СССР имеют такое значение. Они являются великим символом нашей дружбы, символом нового этапа нашего все более глубокого сближения и взаимного творческого обогащения.

Приступая к ведению поэтической части вечера, Р. Рождественский подчеркнул:

— Мы называем наши встречи Днями, но, конечно же, интерес советских читателей к литературе братского народа, как и наших друзей к советской литературе — в чем я убедился, когда мы выступали в Чехословакии на заводах, в селах, в Пражском университете, — не ограничивается рамками этих дней. Он не подвластен календарю и не принадлежит одним только праздникам, пусть самым большим, — он постоянен.

На вечере выступили Й. Рыбак, Д. Шайнер, В. Мигалик, И. Скала, Л. Фелдек, Й. Петерка, К. Сыс. Свои переводы стихов чехословацких поэтов читали С. Викулов, Е. Винокуров, В. Солоухин, Т. Глушкова, Ю. Левитанский, В. Кочетков, М. Львов, П. Вегин, В. Боков, А. Парпара, Р. Рождественский.

По просьбе зала Л. Фелдек читает в своем переводе строки В. Маяковского — «молоткастый, серпастый советский паспорт».

Вечер подходит к концу, но это только начало — начало большой встречи советских читателей с современной литературой Чехословакии, начало большого маршрута дружбы и братства.

На вечере присутствовали заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС К. М. Долгов, советник-посланник посольства ЧССР в СССР З. Хебен, советник по культуре посольства ЧССР в СССР М. Грушковец.

Чехословацкие писатели Йозеф Рыбак и Ян Козак на вечере в Политехническом беседуют с Георгием Марковым и Юрием Верченко

Фото В. ИРОХИНА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ТЕОРИЯ

ЧТОБЫ ПОСТИГНУТЬ СУТЬ ВЕЩЕЙ

Ю. АНДРЕЕВ

Под этой рубрикой с начала нынешнего года «ЛГ» ведет разговор об актуальных проблемах социалистического реализма. На страницах газеты выступили известные советские и зарубежные писатели, критики, литературоведы («ЛГ», №№ 2, 9, 12, 15, 17, 21, 31, 34). Сегодня, продолжая обсуждение, мы публикуем статью доктора филологических наук Ю. Андреева.

Сколько же «открытых систем»?

В своей статье «Перспектива поиска» («ЛГ», № 34, 1979) В. Дмитриев сетует на то, что спор вокруг термина «открытая система» чересчур затянулся. Думаю, надо решительно поддержать мысль, что конструктивный выход из него имел бы положительные следствия для теории социалистического реализма. Все дело в том, куда и как выйти из этого спора.

Скажу сразу: диспут вокруг «открытой системы» теоретически и практически может продолжаться бесконечно по той простой причине, что одним и тем же термином обозначаются совершенно разные явления. Но разве это наука?

В самом деле: в 1975 году Д. Марков, который исключительно много, как никто другой, сделал для историко-литературного изучения социалистических литератур, выдвинул формулу: «Социалистический реализм — исторически открытая система художественных форм» (так была названа заключительная глава первого издания его монографии «Проблемы теории социалистического реализма»). В повседневный обиход эта формула вошла в несколько ином виде: «Социалистический реализм как исторически открытая эстетическая система», — и подверглась обоснованной критике. Академик М. Храпченко, в частности, говорил, выступая в 1976 году на VI съезде советских писателей: «...само понятие эстетической системы предполагает наличие не только основных творческих принципов, но и совокупности «своих» способов, средств художественного выражения, способов и средств, которые непрерывно изменяются и обогащаются и вместе с тем находятся в определенном единстве с другими важнейшими началами системы. Неоправданное обращение к любым художественным средствам способно привести к тому, что эстетическая система может превратиться в конгломерат совершенно разнородных явлений, внутренне не связанных между собой. Социалистический реализм тем самым будет утрачивать свою действенную силу, свою целеустремленность».

Критика «открытой эстетической системы» привела к внешне правильной реакции ее сторонников. Уже в 1977 году статья Д. Маркова в «Вопросах литературы» (№ 1) получает заглавие «Исторически открытая система правдивого изображения жизни» и заключительная глава второго издания его «Проблем теории социалистического реализма» (1978) уже называется «Социалистический реализм — исторически открытая система правдивого изображения жизни».

Согласимся, что «исторически открытая система художественных форм» (1975) и «исторически открытая система правдивого изображения жизни» (1978) — понятия различные. Не буду сейчас задерживаться на определении «социалистический реализм — исторически открытая система правдивого изображения жизни», замечу только, что оно отнюдь не затрагивает специфики социалистического реализма, так как относится и к другим художественным методам, но обращу внимание на очередную, уже третью метаморфозу понятия: после того как под воздействием критики эстетически открытая система сошла со сцены, уступив место новой формулировке, она тихо, не афишируя этого акта, вернулась назад, и сейчас, когда говорят «исторически открытая система», опять подразумевают новые художественные формы и средства образного постижения жизни, то есть все ту же «открытую эстетическую систему». Именно о ней говорит и в ее защиту прямо выступает в своей статье член-корреспондент АН СССР Л. Тимофеев («ЛГ», № 21, 1979).

Что же касается упоминавшейся статьи В. Дмитриева, то она демонстрирует уже четвертый поворот термина: автор использует словосочетание «открытая система» и для указания на то, что она «эстетически открыта», и на то, что это исторически открытая система «правдивого отражения жизни». Спрашивается, какие и сколько вариаций ждут нас еще впереди?

Так стоит ли бесценное время тратить на толчение воды в ступе? Длящиеся уже годами заклинания по поводу различных модификаций «открытой системы» ни к чему не могут привести, кроме незыблемого убеждения в настоятельной необходимости по-научному точной постановки вопроса.

После разъяснений, данных Д. Марковым в 1977 году, стало ясно, что исследователь не стремится к беспредельному пониманию термина «открытая эстетическая система», которое снова и снова демонстрировали, однако, его сторонники в 1978—1979 годах, но беспокоится о том, чтобы от общего дела социалистического искусства не оттолкнуть передовых писателей, пусть и чуждых поэтики реализма. Цель, разумеется, благая. Думается, что и В. Дмитриев, который своеобразными средствами стремился представить мою монографию «Движение реализма» (я коротко остановлюсь на них потом) чудищем обло, огромно, стозевно и лаяй, тоже исходил из благих намерений. Но вот вопрос: те ли это сваи, которые способны выдержать хоть сколько-нибудь основательное научное построение? В фундаменте любой научной теории должны находиться научные положения, а не субъективные пожелания, стремления и отношения. Нельзя обессмысливать важнейшее из литературоведческих понятий «реализм» и превращать его в оценочную похвальную категорию, в орден или в ордер. Идейное единство еще не есть идейно-художественное единство. Социалистическое по взглядам и чувствам авторов искусство существовало и существует в мире, оно развивается и ширится — и прогрессивное содержание поэзии Гарсиа Лорки, например, проявило себя отнюдь не в реалистической форме. Существование и ранее, и сейчас социалистического искусства — прогрессивных по своей устремленности произведений, поэтика которых, однако, далека от реалистической, — факт бесспорный.

Но, собственно говоря, могут задать вопрос, что плохого в стремлении «пересмотреть в какой-то мере и методологию исследований, дополнить ее более современными подходами, соответственно уточнить понятийный аппарат» (В. Дмитриев)?

Какая беда в том, что под термин «социалистический реализм» подведены все без исключения прогрессивные произведения мира, хоть бы они были сюрреалистическими, романтическими, импрессионистскими и т. п.? Что плохого в том, что поэтика социалистического реализма, как его понимают сторонники «исторически открытой системы художественных форм», вбирает в себя и опирается не достижения всех других художественных систем?

Исчезает реализм как целостная система, на его место встает аморфное, безразмерное, прямо скажем, безбрежное образование? Ну и что особенного? Ведь все эти потрясения совершаются в невесомых субстанциях теории, которую можно и пересмотреть, а на практике — гляньте только! — какой простор для многообразия изобразительных средств открылся..

Возможность подобного способа «приращение знания» (В. Дмитриев) в истории уже известна. Она была использована одним догадливым монахом, который при возникшей необходимости перекрестил порося в карася, но этот путь не стал магистралью науки.

«А дело-то в напитке!»

Сначала о богатстве форм. Реализм, достигнув расцвета, представил это богатство в таком многообразии, о котором и не мечталось никаким другим творческим методам, ибо он — единственный из них, который в своем постоянном движении «изображения к изображаемому» (Д. Лихачев «Поэтика древнерусской литературы») чужд односторонности, застылости, канона.

Реализм Пушкина, вобравший в себя все — от грандиозной условности до лукавого бытовизма; предтеча всех современных пространственно-временных сдвигов и превращений, когда требуется, опирающийся на миф, когда требуется — на поток сознания, а когда требуется — на реальную почву, реализм Гоголя; фантастический (как он его называл) реализм Достоевского; проникающий в глубины сознания и подсознания и одновременно охватывающий весь мир психологический, эпический реализм Толстого — какой другой метод принес в прошлом подобное богатство художественных форм и средств? А ведь я назвал только некоторых писателей и только русской литературы!..

Новые художественные возможности открыли писатели XX века — от Максима Горького и Антона Чехова, Владимира Маяковского и Михаила Шолохова до Эрнеста Хемингуэя и Габриэля Гарсиа Маркеса, от Ромена Роллана и Роже Мартена дю Гара до Уильяма Фолкнера и Томаса Вулфа, от Томаса Манна и Лиона Фейхтвангера до Бернарда Шоу и Бертольта Брехта — сотни выдающихся вершин, непохожих одна на другую, составляют вместе могучий хребет современной реалистической литературы, поражающей воображение красотой и своеобразием форм.

Реализм бесконечно богат. Если художнику-реалисту требуется тот или иной прием или художественное средство, он, безусловно, пользуется им: так всегда было, так есть, так будет.

И вот здесь-то как раз и происходит решающий водораздел между строго научным пониманием и теорией «открытой системы»: все дело в том, ради чего эти приемы и средства используются. Один из самых дерзких реалистов-новаторов Б. Брехт утверждал за писателем право пользоваться всеми средствами, которые ему нужны, чтобы овладеть действительностью.

Чтобы овладеть действительностью. Чтобы постигнуть суть вещей. В этом — смысл и главная особенность реалистического искусства. Именно эта главная функция и выделяет его из всех других творческих методов.

Взять, например, искусство романтизма: если извлечь то общее, что содержится в сотнях различающихся в чем-то его определений, то можно утверждать, что коренной особенностью романтизма является идеализация, то есть конструирование авторских представлений о наиболее интересных людях и ситуациях. То есть смысл этого искусства прежде всего в стремлении автора представить свою субъективную модель человека и действительности, а не в том, чтобы вскрыть объективные, наиболее характерные для своего времени их черты. У реализма и романтизма есть такая сфера, где их интересы могут совпадать: это идеализация истинных ценностей, подтверждаемых временем. Но отметим главное: внутреннее стремление романтизма лежит не в русле установления сути действительности такой, какова она есть на самом деле. У него иные эстетические задачи.

И к какому бы художественному методу, помимо реализма, мы бы ни обращались, мы убеждались бы, что у него иные художественные задачи, регламентированные теми или иными рамками, требованиями или канонами. Только у реализма основная задача — познание объективной реальной действительности средствами художественного мышления.

«Что дальше?» — задает в своей статье вопрос В. Дмитриев, полагая, что далее будет продолжена разработка концепции «открытой системы» (неясно, правда, какой из них). Ответить можно коротко и четко: дальше — полное забвение главной познавательной функции социалистического реализма за счет гипертрофированного внимания к формообразующим моментам. В этой связи представляется далеко не случайной полемика Л. Тимофеева в статье «Идти непременно дальше...» («ЛГ», № 21, 1979) и В. Дмитриева «Перспектива поиска» («ЛГ», № 34, 1979) с А. Метченко, ибо в его статье «Зрелость» («ЛГ», № 12, 1979) акцент справедливо поставлен не на формообразовании, которым его оппоненты увлечены без меры, а прежде всего на художественном познании и отображении социалистическим реализмом закономерностей исторического развития.

Разумеется, формотворчество великих реалистов поразительно в своем изобилии, но оно всегда идет вослед ее главным — за функцией художественного проникновения в суть мира человеческих ценностей. А какими конкретно средствами — это уже зависит от задачи, поставленной художником перед собой, от его неповторимой индивидуальности. Хорошо об этом сказал Л. Леонов: «Я не помню примеров, чтобы могучий художник сходил с ума от бессилия выразить воспламенившую его идею... Ибо во всякой идее уже заключен и лучший способ ее выражения. Бутылка-то всегда найдется, было бы вино — налить в нее. А в наши дни, невольно думается мне, слишком часто обсуждают форму некой отвлеченной идеальной, даже универсальной для всех жидкостей на свете бутыли, а также — состав стекла и характер орнамента, какой надлежит в нее нанести. А дело-то в напитке!»

И, возвращаясь к нашей полемике, скажу: спор, затеянный вокруг приоритета средств художественного выражения, эстетики открытой системы и т. д. (образно говоря — вокруг бутылей и их орнамента), объективно вовден, независимо от желания спорящих, потому что он напрочь уводит творческую, ищущую мысль от необходимости прежде всего глубоко, более истинно постигать окружающую нас, постоянно усложняющуюся действительность, ее содержание, уводит от «напитка», снова употребляя образ Л. Леонова.

Я ни в коей мере не против изучения выразительных средств в литературе, и значительная часть монографии «Движение реализма», как в этом легко убедиться при желании, посвящена именно этому вопросу. Более того, в ней сделана даже попытка разрешения антиномии между целостностью реализма как художественной системы и бесконечностью его художественных возможностей. Но я категорически против того, чтобы телегу ставили впереди коня, а стеклотару (даже затейливую) ценили выше, чем вино!

Социалистический реализм сейчас действительно находится на новом витке своего развития, но развитие это совершается совсем в иной сфере, чем полагают приверженцы «открытой системы». Углубляется наше знание о духовной жизни человека и окружающей нас Вселенной, обогащается художественное мышление и в творчестве особо чутких к жизни художников заметно трансформируется за счет познания грандиозных катаклизмов — социальных, научно-технических, экологических,— происходящих в окружающем нас мире!

Вот такое движение социалистического реализма и представляет собой огромную эстетическую ценность, подобное развитие его основной, познавательной функции и следует энергично прежде всего поддержать теоретической мыслью, не плутая в лабиринтах систем, ведущих в никуда.

Маленькая глава, которая могла бы быть очень большой

Мы годами спорим об «открытой системе», не обращая внимания на то, что говорим фактически каждый раз об ином понятии. Подобная небрежность мысли — и наша беда, и наша вина. Очень показательна в этом смысле статья В. Дмитриева «Перспектива поиска». Неясность, размытость постановки вопроса в целом прямо перекликается в ней с неточностью (скажем так) в аргументации. В. Дмитриев цитирует, например, строчки из моей книги «Движение реализма»: «Если закономерно видеть в теории и истории реализма единое в целом учение, то те выводы, которые можно было извлечь из современных исследований, посвященных реализму XIX века, целиком применимы и к реализму XX века, и к реализму социалистическому» (я опускаю знаки ужаса, поставленные в тексте оппонентом).

Но: 1) Почему в криминал возводится та мысль, что выводы, извлекаемые исследователями литературы XIX века, применимы и к литературе XX века? Почему бы не процитировать эти выводы со страницы 34: отражение объективных закономерностей жизни реалистической литературой; типизация как средство проникновения в суть действительности и индивидуализация как источник убедительности образов; социальная, психологическая и историческая детерминированность изображаемых характеров; способность характеров к саморазвитию; постоянное стремление к совершенствованию изобразительных средств, чуждое нормированности и канонов, их опора на конкретную действительность?

И почему бы не сказать со всей ясностью, что именно в этих выводах, полученных при изучении литературы XIX века, должно испугать исследователя литературы XX веке?

2) Почему цитирование обрывается здесь и не продолжается тотчас далее, где говорится: «Изучение социалистического реализма позволяет показать и то новое, что вносит в теорию и практику реализма дальнейшее его развитие»?

3) Почему не цитируется это принципиально новое, указанное на этой же странице?

Далее, вероятно, для нагнетания сенсационной обстановки (ретрограде поймали!) В. Дмитриев сообщает, что, «по мнению автора, в историческую панораму становления и развития реализма не укладываются Возрождение, Шекспир, Рабле».

Стоп! А вдруг кто-либо да прочитает мою книгу и обратится с письмом к В. Дмитриеву с такими словами: «Уважаемый Виктор Андреевич! Почему вы а) перелагаете на Ю. Андреева суждения столь видных ученых, как В. Жирмунский, Н. Конрад, Д. Лихачев, Д. Благой, изложенные в его книге, и почему вы б) передаете их мнение столь искаженно? Ведь они не выступали против того, что Возрождение, Шекспир и Рабле не укладываются в историческую панораму становления реализма, они как раз так и считали. Но они (и Ю. Андреев вслед за ними) утверждают, что только реализм XIX веке может быть назван реализмом в полном смысле этого слова, «хотя он и был подготовлен всем предшествующим развитием прогрессивной мировой литературы» (Ю. Андреев, стр. 10)

Итак, в книге черным по белому: «был подготовлен», а В. Дмитриев переводит: «не укладываются».

Чтобы не утомлять читателя, обращу его внимание еще только на одно высказывание моего оппонента: «Ю. Андреев пошел гораздо дальше кого бы то ни было в регламентирующих устремлениях — он обосновал целую теорию движения... без развития. О своей книге он говорит так: «Монография названа «Движение реализма», а не «Развитие реализма» потому, что в некоторых случаях речь пойдет не столько о качественных изменениях этого творческого метода, сколько об огромных его вариативных возможностях внутри единой целостной системы» (стр. 42).

Правильно процитировано. Вот только непонятно, почему эти «некоторые случаи», по мнению В. Дмитриева, составляют теорию, отменяющую развитие в принципе. И главное, как можно было читать 42-ю страницу, не прочитав 41-й, где формулируется смысл и новация монографии «Движение реализма»? Там говорится о том, что внешние формы реалистической литературы меняются относительно медленно, но «бурное, весьма интенсивное развитие реалистического метода, постоянное его совершенствование в отражении действительности, в проникновении в суть изображаемых характеров, обстоятельств и отношений совершается в глубине, на уровне гносеологических закономерностей, в связи с законами развивающегося мышления».

Вы не согласны с той мыслью, которой посвящена монография,— что постоянное развитие реалистической литературы совершается в глубине, в неразрывной связи с развитием человеческого мышления? Это ваше право, оспаривайте ее, но как же можно утверждать: «Ю. Андреев обосновал целую теорию движения... без развития»? О, точность, приходи побыстрее в литературоведение!

Прерывая анализ «необъективной интерпретации со стороны некоторых оппонентов» (выражение В. Дмитриева) буквально на полуслове, еще и еще раз скажу в завершение статьи: наша наука может развиваться, лишь опираясь на научные же положения и научные методы обращения с фактическим материалом. Иначе — пустое словесное коловращение.

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ТРАССА

В Хабаровском крае с 18 по 30 сентября состоялись Дни советской литературы, которые Союз писателей РСФСР провел при участии писательской организации Украины. Дни были посвящены 325-летию воссоединения Украины с Россией. В состав делегации, которую возглавлял секретарь правления СП РСФСР В. Поволяев, входили лауреат Государственной премии СССР, секретарь правления СП РСФСР А. Коптяева, лауреат Государственной премии СССР Н. Задорнов, секретарь правления Киевской писательской организации В. Кочевский, секретарь правления Ленинградской писательской организации Р. Назаров, председатель правления издательства «Советский писатель» В. Еременко, писатели Р. Винонен, Я. Мустафин, Д. Паттерсон (Москва), О. Цакунов (Ленинград), М. Асламов (Хабаровск), А. Драгохруст (Минск), Н. Равлюк, С. Тельнюк, Б. Чалый (Украина). Писатели встречались с тружениками Хабаровска, Биробиджана, Чегдомына, Комсомольска-на-Амуре, Амурска, со строителями бамовских станций и поселков Алонка, Ургал, Солони, Сулук, Уркальту, Березовка, Хурмули, Солнечный.

Делегация была принята первым секретарем Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черным, первым секретарем обкома КПСС Еврейской автономной области Л. В. Шапиро.

Утверждение, что БАМ строит вся страна, приобретает особое значение, когда на БАМе побываешь сам, увидишь все собственными глазами.

...Об этой истории я слышал довольно давно, еще в прошлом году, но с участниками ее я столкнулся лишь сейчас и лишь сейчас узнал детали происшедшего.

Но вначале несколько слов о поселке, где эта история имела место. Станционный поселок Солони, который возводит «ТаджикстройБАМ», расположен у подножия золотистой веселой сопки. Зимой, когда трещал мороз и завывали по ночам свирепые метели, в таджикском поселке неожиданно остановился дизель электростанции, и балки-домики буквально ослепли; в темных, лишенных электрического света окошках замерцал холод. А мороз все давил и давил, он стискивал землю металлом — тут и бывалые сибиряки могут растеряться. О людях же, что с морозами знакомы лишь понаслышке, и говорить нечего...

Но строители не растерялись: собрали всех женщин и детей в одном здании — в столовой, где постоянно поддерживалось тепло; снарядили специальную бригаду, поручив ей изготовление печек-буржуек, отдельная группа начала чинить дизель. Пока не было света, замерзла скважина, дававшая воду для отопления, для бытовых и производственных нужд, поэтому воду пришлось носить ведрами — делали это совместно, бригадами. По четыре часа каждая бригада... Трудными были те дни, те часы... Строители Таджикистана с честью выдержали это испытание — первое испытание природы, они дали поселку тепло, отогрели скважину, и жизнь в строительном отряде вошла в нормальное русло.

Обо всех деталях этой истории нам рассказал участник событий Михаил Мальцев — председатель постройкома отряда. В ту тяжелую пору он работал бригадиром. Сейчас же он возглавляет профсоюзную организацию, но все равно скучает по бригаде, каждый день появляется в ней, чтобы узнать, как идут дела, не заваливается ли план, все ли спорится.

— Спорится, и неплохо спорится, — констатирует он. Прислушивается к недалекому шуму. Это под сопкой шумит река Солони. — Бригада в надежных руках, Виктор Каменюк ее возглавляет. Коммунист, толковый специалист — такому не жалко отдавать дело, к которому прикипел всей душой, всем сердцем...

Подобных встреч и разговоров, рассказов о житье таежном, бамовском, было в нашей поездке немало.

БАМ! Железное полотно вьется вдоль огненно-желтых, будто бы облитых жидкой бронзой, сопок. Осень тут красочна, живописна, она сходна со звонкой песней. Реки темны, быстры и холодны.

Пассажирское движение еще не открыто, ведь дорогу надо испытать, посмотреть, как она будет вести себя в жару и холод, в пургу и дождь, как будет чувствовать себя под нагрузкой. Поэтому пока по ней ходят поезда грузовые. В кабине тепловоза, который тянет наш «незапланированный», пропущенный на трассу благодаря специальному разрешению вагон, — машинист П. Еланцев, его помощник А. Матвеев, начальник дистанции Г. Борвнко, начальник отделения временной эксплуатации Восточного участка БАМа В. Молленкус. Они приехали сюда из Сибири, из «страны Тюмении», где строили, а потом испытывали железную дорогу Тюмень — Сургут; когда же дорога та была сдана в эксплуатацию — двинулись «бригадой» на восток, на легендарный БАМ.

Каждый километр построенной дороги прочно врезается в память всех, кто совершает эту поездку, и я уверен, что мои друзья-попутчики, прозаики и поэты, участвующие в Днях литературы, обязательно об этой дороге напишут...

Конечными пунктами нашей дороги были города Комсомольск-на-Амуре и Амурск.

Многие из нас слышали о знаменитой «Амурстали» — заводе, в годы войны поставлявшем броневой металл, обеспечивающий в тылу победу. Слышать-то слышали, а вот бывали на заводе не все. Я здесь тоже впервые. В многотиражке завода в годы войны работали дальневосточные писатели, в том числе Петр Комаров, Юлия Шестакова и другие...

Заместитель директора «Амурстали» В. Кудашев, водивший нас по цехам и увлеченно рассказывавший о них,— человек молодой. Захватывающее зрелище ожидало нас в цехе, когда мы увидели прокатку металла. По рольгангам ползли длинные змеистые полосы раскаленного металла, обдавали все кругом жаром, гулко прикладывались всей своей тяжелой массой к тверди катков, извивались, гнулись, как обыкновенный картон... А ведь это была сталь, тяжелый и прочный металл...

На многих предприятиях, на многих стройках выступали — всего свыше 300 выступлений — в этой поездке писатели, и каждая встреча имела свое яркое лицо, свои особенности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. А. СУРКОВУ — 80 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Комиссия по военно-художественной литературе направили Алексею Александровичу Суркову приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, выдающегося советского поэта и общественного деятеля, со знаменательным юбилеем — 80-летием со дня рождения.

Ваша творческая судьба человека, вышедшего из глубины родного народа, слилась навсегда с его судьбой. В огненный 1918 год Вы надели красноармейскую шинель и на фронтах гражданской войны отстаивали с винтовкой в руках родную Советскую власть. Селькор, секретарь укома комсомола, партийный работник, журналист, Вы всегда жили делами страны и партии, преданно и самоотверженно служили им.

В 1918 году «Красная газета» опубликовала Ваши первые стихи, в 1930 году вышла в свет первая книга Вашей поэзии. Творческая работа сочетается с учебой в Институте красной профессуры, с работой в журналах «Октябрь», «Рост», «Литературная учеба», с преподавательской деятельностью. Вам посчастливилось работать с великим Горьким, быть коллегой, товарищем, другом многих замечательных советских прозаиков и поэтов.

С первых дней Великой Отечественной войны Вы добровольцем уходите на фронт. Ваш мужественный и искренний поэтический голос в эти нелегкие годы помогал советским людям в борьбе с фашизмом, рождал в их сердцах отвагу и волю к победе.

И сегодня, в дни строительства коммунизма, Ваша поэзия по-прежнему любима миллионами читателей. Им дороги гражданская направленность, боевой темперамент и патриотический пафос Ваших стихов и песен.

Будучи одним из бессменных руководителей Союза писателей, редактором многих его изданий, Вы принесли и приносите неоценимую пользу нашему общему делу, твердо и последовательно отстаивая коммунистическую направленность советской литературы, принципы социалистического реализма.

Плодотворна и многогранна Ваша общественная деятельность. В течение многих лет Вы являетесь депутатом Верховного Совета СССР. Вы — участник всемирного движения сторонников мира со дня его основания, член президиума Советского комитета защиты мира.

Родина высоко оценила Ваш неустанный труд. Вам присвоено звание Героя Социалистического Труда, Вы награждены многими орденами и медалями, удостоены Государственных премий СССР.

Сердечно обнимаем Вас, дорогой Алексей Александрович, и от всей души желаем Вам долгих-долгих лет жизни, неиссякаемой бодрости, творческого горения и большого человеческого счастья».

■

В 1941 году молодой Константин Симонов написал, обращаясь к своему старшему товарищу: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». «Алеша» — то есть Алексей Сурков, помнил. И не только трудные военные смоленские дороги времен Великой Отечественной. Подо Ржевом, в 1942-м, он написал знаменитые ныне строки:

Видно выписал писарь мне
дальний билет,
Отправляя впервой
на войну.
На четвертой войне
с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.

Так — в жизни. Так — и в его поэзии, которая запечатлела все важнейшие этапы героической истории Страны Советов. Сурков тянул солдатскую лямку и в своих стихах. Причем не просто «тянул» лямку, но отменно выполнял свой солдатский долг. Вспомните «Конармейскую песню», написанную как воспоминание о жарких схватках на фронтах гражданской войны, или «Песню смелых», созданную в суровом 1941 году. Впрочем, что значит — вспомните? Эти песни у всех на слуху. Они — из золотого нашего песенного фонда.

«Кто был ничем, тот станет всем», — поется в нашем партийном гимне. Судьба Алексея Суркова — еще одно подтверждение этих пророческих слов. Сын бедняка крестьянина, с детства познавший все тяготы и лишения, выпадающие на долю представителя неимущих классов, он не колеблясь встал на сторону тех, кто боролся с социальной несправедливостью, впитал в себя и пронес через всю свою — вот уже восьмидесятилетнюю — жизнь идеалы революции, идеалы ленинской партии. Депутат Верховного Совета СССР, один из руководителей Союза писателей СССР, член Всемирного Совета Мира — на всех этих постах он борется за воплощение в жизнь ленинских идеалов. И, конечно, борется за это своим поэтическим словом, выразившим его бескомпромиссную убежденность в полном торжестве наших коммунистических идей.

Есть у Алексея Суркова стихотворение «Герой» — о лирическом герое своей поэзии, о том, что еще со времен гражданской войны

Сыпняками, тревогами,
вошью изглоданный,
По дорогам войны
от Читы до Донбасса,
Он ходил — мировой
революции подданный,
Безыменный гвардеец
восставшего класса.

Таков и сам поэт — «революции подданный», встречающий свой славный юбилей в расцвете недюжинных сил и большого таланта. Пожелаем же ему счастья!

Василий КАЗИН

■

Еще на Первом съезде писателей Алексей Сурков говорил в своем выступлении: «История мировой поэзии показывает нам, что поэтический гений всегда реализуется как выражение самых смелых, самых далеко идущих идей и чувств своей эпохи».

Эти слова, сказанные почти полстолетия назад, определившие поэтическое кредо самого поэта, и ныне звучат актуально, напоминая каждому литератору о путях реализации его дарования, о долге перед страной, перед народом, созидающим коммунизм.

Алексей Александрович Сурков с первого же своего стихотворения, опубликованного в петроградской «Красной газете» в 1918 году, заявил о себе как о первопроходце социалистического реализма. А называя первый свой сборник «Запев», он как бы пророчески определил и собственную роль — запевалы в общем поэтическом строю.

В его стихах и песнях удивительно просто и естественно возникали образы героев гражданской войны, отражались сложнейшие события. Словно не поэт писал о них, а события сами вынесли из глубин на поверхность истории точные поэтические строки, похожие на взмах клинка.

Вспоминаю, как мы, молодые офицеры, командиры взводов, рот, батарей, вместе с одногодками—солдатами своих же подразделений — пели песни на слова Алексея Суркова, черпая в каждом слове силу духа.

Возвращаясь с тактических учений, мы распевали: «Смелый к победе стремится, смелым — дорога вперед. Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Как точно слова ложились на душу, определяли четкий шаг бойца! Казалось, какой-то волшебник вложил слова песни в наши уста.

Когда газетная полоса впервые донесла до наших окопов стихи «Бьется в тесной печурке огонь...», бойцы устроили соревнование: кто скорее запомнит стихотворение (мелодия нам еще тогда была неизвестна). Не утаю, я испытал большую радость, когда, запомнив стихи со второго чтения, воспроизвел их от начала до конца и удостоился премии — чарки из фляжки командира роты. Эти стихи излучали волшебные звуки музыки, и сколько мелодий на их слова рождалось в окопах и землянках!

Алексей Александрович, осененный мудростью своего возраста, предстал перед современностью на вершине огромного своего опыта как поэт и как неутомимый общественный деятель. Хочется сказать: дорогой Алексей Александрович, да будет твоя жизнь такой же долгой, как жизнь твоих песен, шагающих по земле от поколения к поколению!

Алим КЕШОКОВ

■

Все правильно: паспортные данные верны и в соответствующем томе «Литературной энциклопедии» подтверждается дата — восемьдесят лет, а я вижу Алешу молодого, в шинели и тяжелых сапогах, насквозь пропыленного, даже седого от пыли, возвращающегося с передовых в поезд редакции газеты Западного фронта «Красноармейская правда». Сурков смертельно устал, трясся весь день в таком же пыльном, как он, вездеходике, дважды попадал под бомбежку, но теперь ему надо успеть написать в завтрашний номер стихи, посвященные боям на ближних подступах к Москве. И поэт тут же садится за работу. Несмотря на то, что они писались наспех в тесном вагонном купе и секретарь редакции буквально сидел над душой, торопя и подгоняя его, в стихах сохранились отзвуки артиллерийской стрельбы и отсветы ракет, озаряющих бледные солдатские лица, и запах подмосковного леса и обгорелого металла, вся боль и тревога тех дней. Стихи не были газетными однодневками — Сурков вел свой мужественный и немногословный поэтический дневник. Сурова и строга военная муза поэта. Это можно ощутить даже из самих названий его сборников: «Декабрь под Москвой», «Дороги ведут на Запад», «Наступление», «Россия карающая».

Известно всем, что Владимир Маяковский, словно точный барометр, предсказал приближение революционной грозы. Надо было жить, как Алексей Сурков, вместе со сражающимся народом, принимать близко к сердцу все его горести и страдания, чтобы осенью сорок второго под Ржевом, превращенным в сплошное пепелище, поверить в неотвратимость нашей победы и безошибочно назвать даже месяц ее прихода: «После долгих ненастий недружной весны ждет и нас ослепительный май».

И, наверное, поэтому, когда Константину Симонову необходимо было сказать самые важные, заветные, щемящие слова о начале войны, обо всем, что мы испытали и пережили, он счел нужным обратиться и Алексею Суркову: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» И адресат сразу же отозвался на слова собрата. Так неожиданно возвращалась в нашу эпоху старинная традиция эпистолярных поэтических посланий, так через линии брустверов и траншей, сквозь немыслимый огонь и дым вели разговор два поэта, два солдата.

В послевоенные годы Алексей Сурков много странствовал по планете, бывал в разных землях и из своих поездок привозил не беглые зарисовки и наблюдения праздного туриста, а страстные свидетельства человека, заинтересованного в завтрашнем дне мира. В книгах «Восток и Запад», «Песни о человечестве» он, в сущности, остается поэтом-воином...

Хочу кончить эти заметки самым свежим впечатлением от встречи с сурковской песней. Недавно побывал я на вечере ветеранов одной из армий Второго Белорусского фронта. Надо было послушать, как эти люди, не раз проползавшие под колючей проволокой, лежавшие в снарядных воронках, горевшие в танках и хоронившие своих друзей, пели «Землянку». Нет, они не пели, они исповедовались в чем-то сокровенном и дорогом. Когда они дошли до строк: «До тебя мне дойти нелегко, А до смерти — четыре шага», у меня перехватило дыхание. С этими минутами откровения и высокого подъема человеческого духа мне и хочется поздравить восьмидесятилетнего поэта.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

Сергей НАРОВЧАТОВ:

ЛУЧШИЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ

Политехнический — слово это настраивает на поэтическую волну. Политехнический — овеянный именем Маяковского. Политехнический — дух молодости, романтики, держава стиха...

Зал полон. «Мы собрались здесь сегодня, — говорит, открывая вечер, А. Сурков, — чтобы поздравить нашего дорогого товарища по оружию Сергея Наровчатова с 60-летием и присвоением ему высокого звания Героя Социалистического Труда».

Ст. Лесневский, К. Кулиев, М. Дудин, К. Ваншенкин, Ю. Кузнецов, А. Медников, В. Боков, Н. Зиновьев, М. Козьмин, Г. Шергова, В. Жуков, Л. Васильева, М. Максимов, Ф. Чуев, А. Межиров, В. Дементьев, М. Львов, М. Соболь говорили о многогранном таланте юбиляра, о его жизни и творчестве, о фронтовом поколении, которое сняло шинели, «не оставляя линии огня».

— Это лучший день в моей жизни, самый радостный, самый праздничный,— сказал Сергей Наровчатов.— Я хочу поблагодарить нашу партию, наше правительство за ту высочайшую награду, которой отмечены мои скромные заслуги. Где бы я ни находился, на севере, на юге, на востоке, за рубежами нашей Родины, в самой глубине России,— везде меня не оставляла верная, твердая, требовательная рука партии. Она не давала мне свернуть в сторону. Она показывала мне направление, точное и верное.

Я с благодарностью вспоминаю о всех людях, с которыми меня свела жизнь. И надо сказать, что хороших среди них было неизмеримо больше, чем дурных. Я благодарен бесчисленному числу людей, которых встречал на фронтовых дорогах, после войны, встречал среди миллионов читателей поэзии. И отплатить я старался тем, что делал, всем своим творчеством. Но понимаю, что отплатил, конечно, еще не полностью. В тот период времени, который мне отпущен судьбой, — не знаю, велик он или мал, — я постараюсь восполнить что смогу.

Книги, книги, книги... Сейчас их модно приобретать. Но эти — не дань моде, не оброк престижности. Они — свидетельство интересов, склонностей, вкуса, привязанностей собирателя — начали входить в его дом давно и стали друзьями, собеседниками, помощниками. Разве не ими вызваны к жизни «Необычное литературоведение», «Лирика Лермонтова», статья о поэзии, разве не они были незаменимым подспорьем, когда вынашивались образы дерзкого ушкуйника новгородца Василия Буслаева или землепроходца атамана Семена Дежнева?

«Читать выучился рано — трех лет. С тех пор чтение — постоянная и ненасытная потребность», — рассказывал С. Наровчатов в автобиографии. На недавнем своем авторском вечере в Останкинской телестудии на вопрос: «Когда вы успеваете читать?» — он ответил: «Как это получается — объяснить не могу, но читаю много. Без книги не ложусь и не встаю. Моя порция — примерно 300 страниц в день. И в командировки всегда беру литературу...»

— А что вы читаете сегодня?

— Последние, сентябрьские номера «толстых» журналов, «Беседы при ясной луне» Шукшина, испанских поэтов — сборник вышел только что в «Прогрессе», «Литературную историю США» — у меня обычно на столе сразу несколько книг. Перечитываю «Остров Сахалин» Чехова и редкое издание — начало прошлого века — Левшина «Жизнь Потемкина-Таврического».

О библиотеке С. Наровчатова, об имеющихся в ней редкостях писалось не раз, поэтому не стану перечислять разделы и имена в этой коллекции. Книги участвовали в нашей беседе, по мере надобности Сергей Сергеевич доставал их с полок, листал, показывал иллюстрации.

Я пришла к Наровчатову в самый канун юбилея и, поздравив с наступающим шестидесятилетием, спросила: «О чем бы вы сами хотели сказать в этот день, о чем думаете сейчас?»

— 60-летие — такая дата, что, с одной стороны, она подытоживает значительный период жизни — по крайней мере сорок лет творческой работы и даже более, потому что первые стихи у меня появились еще раньше. С другой стороны, 60-летие ставит задачу какой-то новой ступени: на базе создавшегося не забыть сделать то, что ты еще не успел сделать. В свое время Твардовский очень хорошо сказал: чем дальше к шестидесяти подходит, тем тебе виднее, что ты уже не успеешь... Конечно, еще достаточный простор для деятельности остается, но больше начинаешь ценить время, не хочется размениваться на многое...

...Письменный стол стоит у окна, и видно, как ветер кружит рыжую листву, гонит ее по двору осенней поземкой. Листья грусти? Может, вспомнился студенческий предвоенный год —

Октябрь листвой наявною
Засыпал черный пруд.

— когда с лекций убегали в Сокольники, в листопад. А может, перед глазами другой октябрь, 41-го —

...В тихих ладонях ветры
несут
Кленовое золото высшей
пробы...

Я даже забыл,
что идет война,
А чтоб до войны
до этой добраться,
Лишь из лесу выйди —
дорога видна,
И шесть километров
в сторону Брянска.

— На войне мы определили свою литературную, нравственную, политическую позицию, — говорит С. Наровчатов о своем поколении. — Отсвет пережитого ложится на все, о чем бы я ни писал.

— На страницах журнала «Октябрь» напечатана в этом году ваша новая поэма «Фронтовая радуга». Это было весной. Я понимаю, что при большой общественной работе, при том, что как редактору «Нового мира» вам приходится знакомиться с огромным количеством рукописей, вы могли и не успеть за три летних месяца написать что-то новое.

— Успел. Хотя, откровенно говоря, этим летом я хотел просто отдохнуть, и никаких планов у меня не было. Потом, видимо, долголетняя привычка взяла свое, и уже через 7—10 дней я сидел в Коктебеле за письменным столом и сделал совершенно неожиданно для себя довольно много. Написал историческую новеллу, которая будет опубликована в первом номере «Нового мира».

— Это что — проза в стихах? Своеобразное продолжение поэм о Василии Буслаеве и Семене Дежневе?

— Новеллу роднит с другими моими историческими вещами то, что она проблемная, как и «Василий Буслаев», как и «Семен Дежнев». В ней ставится проблема абсолютной власти, раскрываются те негативные вещи, которые она несет. Конечно, это чрезвычайно общо сказано. Произведение остросюжетное, называется «Абсолют». Действуют в нем исторические лица — Екатерина II, Потемкин, цесаревич Павел, историк Щербатов... Это проза. Вообще, лето прошло у меня под девизом «лета к суровой прозе клонят...».

Написал очерк о медвежьей охоте. В юности я получил «первую известность», если можно так выразиться, благодаря охоте на медведя. Мне было шестнадцать лет, когда в местной газете — наша семья жила в ту пору в Магадане — появился очерк «Юные охотники», обо мне и двух моих товарищах. С тех пор отношение я этому занятию изменилось, и я уже с другой колокольни смотрю сейчас не то, что увлекало меня, казалось доблестью, чем я гордился в молодые годы. Название очерка — «Стрельба по безоружным» — говорит само за себя.

И третье — я написал воспоминания о Михаиле Светлове. Меня с ним связывало давнишнее знакомство, я не рискую назвать это дружбой, потому что все же была большая разница лет. И несмотря на то, что, пользуясь добротой Михаила Аркадьевича, я величал его по имени и на «ты», мы были все-таки людьми разных поколений.

Сергей Наровчатов среди читателей Рязани
Фото А. КАРЗАНОВА

Очерк о Светлове — это, собственно, продолжение книги, которая издана в прошлом году, — «Мы входим в жизнь». Светлов, естественно, встает в ряд учителей. Повторяю, что разница лет была большой: достаточно сказать, что Смеляков, который был старше меня, называл Светлова — это я слышал сам, — среди своих учителей.

Мы познакомились с Михаилом Аркадьевичем на квартире у сестры Ольги Федоровны Берггольц, которая жила в Москве, в районе Арбата, на Сивцевом Вражке. В один из приездов Берггольц туда пришел Светлов. Знакомство с ним началось со стычки. Мы были задирами — все мои сверстники. Я бросил одну резкую фразу. Речь зашла о песенной интонации. А Ольга Берггольц сказала, что эта песенная интонация соединяет «Гренаду», «Каховку» и т. д. Мне надоели рассуждения за столом, и я заявил: «Мы вас отменим со всей вашей песенной интонацией».

Моя выходка была тем более дика, что Светлова как поэта я очень любил и знал десятки его стихов наизусть. Светлов обиделся. Но вместо того, чтобы резко оборвать меня, как я того заслуживал, он дал мне такую отповедь: «Знаешь что, — говорит, — отменить можно самодержавие, а поэт — это несменяемая профессия, Николая II можно отменить, а нас нет». Это нисколько не помешало нашим отношениям, и отношения сложились на всю жизнь добрые, сердечные. Мы встречались часто, я бывал у него, он — у меня...

Как видите, лето прошло плодотворно — в Коктебеле, у моря, у Карадага за два месяца написаны три вещи.

— И одна из них — новелла. Вы думаете и дальше работать в прозе? Я имею в виду не очерк, не мемуары, не литературоведение, а «чистую» прозу.

— Боюсь на это замахиваться. Не знаю, как будет со временем...

— И все же если бы вы стали писать — то о чем?

— Мог бы, наверное, взяться за большую вещь о своем поколении, потому что оно дает для этого очень много жизненного материала. Если писать, исходя из собственного опыта, то неизбежно будешь говорить прежде всего о годах, которые тебе лучше всего известны и когда ты сам был активно действующей фигурой.

— Да, в ваших фронтовых стихах 42-го года есть такие строки:

В те дни земля меня
дарила
Неразделимостью с собой,
И мной во всем руководила,
И руководствовалась мной.

— Именно поэтому, если бы я начал писать большую прозу, то, вероятнее всего, вспомнил войну, а если не ее, то первые послевоенные годы — конец 40-х — начало 50-х, которые, кстати, мало освещены нашей литературой.

— Обращение к прозе не означает, что теперь стихи не пишутся?

— Стихи пишутся. Но сейчас я просто ничего нового не покажу, потому что еще работаю над ними. Могу только сказать, что это не военная лирика, это осмысление опыта собственной жизни, которая ныне достигла такой внушительной цифры.

Беседу вела
Ирина РИШИНА

ХЛЕБ— ЗАБОТА ОБЩАЯ

«От имени жителей Комсомольского района Кустанайской области искренне благодарим вас за приветствие нашим хлеборобам в горячие дни уборки юбилейного целинного урожая», — говорится в письме, которое Роберту Рождественскому вместе с караваем вручили на днях в Союзе писателей СССР ветеран партии, заведующий отделом газеты «Знамя коммунизма» Комсомольского района А. А. Басов и секретарь Комсомольского райкома ЛКСМ Казахстана Михаил Ядров.

Секретарь правления СП СССР Ю. Суровцев отметил во время состоявшейся беседы, что такое внимание тружеников земли к советским писателям очень важно и ценно. Стали доброй традицией поездки литературных бригад в колхозы и совхозы, выступления на полевых станах, многостороннее участие писателей во всенародной битве за урожай.

Р. Рождественский сердечно поблагодарил целинников и пообещал непременно побывать у них в ближайшее время.

В ПОЧЕТНОМ СПИСКЕ ИМЕНИ АНДЕРСЕНА

Андерсеновский комитет Международного совета по детской и юношеской литературе раз в два года включает мастеров слова разных стран, пишущих о детстве и юности, в Почетный список имени Х. К. Андерсена. В этом году список назван Особым, потому что посвящается Международному году ребенка. Среди писателей, удостоенных этой чести, Сергей Михалков, Агния Барто, Анатолий Алексин, Чингиз Айтматов, Сергей Алексеев, Нодар Думбадзе, Ирина Токмакова, Всеволод Нестайко.

Владимир Германович ЛИДИН

На 86-м году жизни скончался Владимир Германович Лидин, один из старейших мастеров русской советской литературы, стоявший у самых ее истоков, член Союза писателей СССР с года его создания.

Владимир Германович Лидин родился в Москве в 1894 году. Он окончил Институт восточных языков, затем — Московский университет. С первых дней Октябрьской революции В. Г. Лидин стал самоотверженным строителем социалистической культуры, работал в Отделе печати Московского Совета, в красноармейских политотделах, а Реввоенсовете республики.

В 20-е годы выходят из-под его пера книги, принесшие ему известность: «Норд», «Великий материк», «Идут корабли», «Сын человека», «Отступник» и другие. Много выступает В. Г. Лидин в советской печати — в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Красной нови». Уже в те годы он формируется как своеобразный, яркий мастер малой формы—рассказов, новелл, очерков, в которых он воссоздает атмосферу становления новой, социалистической действительности.

В 30-е годы он создает значительные романы и повести: «Могила неизвестного солдата», «Великий или Тихий», «Сын», «Большая река». В них осмыслен опыт строительства нового общества, отображены исполненные героизма будни советских людей.

Всю Великую Отечественную войну Владимир Германович прошел военным корреспондентом, спецкором «Известий» газет 2-го Украинского фронта. В сорок втором году выходит его мужественная документальная книга «Зима 1941 года».

В послевоенные годы и до последних дней В. Г. Лидин много и плодотворно работал в любимом своем жанре рассказа. Мягкие акварельные краски, лиризм, человечность всегда привлекали к его рассказам внимание читателей.

На протяжении всей своей долгой в литературе жизни В. Г. Лидин являл собой образец высокопрофессионального, граждански ответственного отношения к слову, к служению литературе. Великолепны его работы, посвященные писательскому труду, его новеллы о книгах, эссе и воспоминания, посвященные значительным людям русской советской культуры. Поистине неоценим его вклад в дело воспитания литературной смены, его по-горьковски бескорыстная и глубоко заинтересованная работа с молодыми писателями. Многие поколения воспитанников Литературного института имени А. М. Горького считают профессора Лидина своим учителем, обязаны ему своим творческим становлением.

С 1946 года и до последних дней своей жизни В. Г. Лидин работал в Литературном институте имени А. М. Горького, возглавляя многие годы Государственную экзаменационную комиссию Литературного института.

Писатель высокой культуры, он воплощал в себе лучшие черты советской интеллигенции, был мастером и тружеником литературы, литератором и педагогом в подлинном смысле этого слова.

Таким он и останется в нашей памяти.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР.
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП РСФСР.
РЕКТОРАТ ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Павлычко Д. В. орденом Дружбы народов

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Павлычко Дмитрия Васильевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ.
28 сентября 1979 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Сян-Белгина Х. Б. орденом Дружбы народов

За заслуги в области советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Сян-Белгина Хасыра Бикиновича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ.
28 сентября 1979 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Эмина Г. Г. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Эмина Геворга Григорьевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.
МОСКВА, КРЕМЛЬ.
28 сентября 1979 г.

«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА»: БОЛЬШАКИ И ПРОСЕЛКИ

В РАЗГОВОРЕ О ПРОБЛЕМАХ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ», НАЧАТОМ А. ПРОХАНОВЫМ (№ 37), ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В. ГУСЕВ (№ 38), В. КОВАЛЕНКО И В. КРУПИН (№ 40). СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ СТАТЬЮ КРИТИКА А. УСТИНОВА.

Альберт
УСТИНОВ

КТО «ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ»?

В ТОМ, что жизнь опережает литературу, нет беды. И даже хорошо, что литература «цыплят по осени считает». Сколько их, едва вылупившихся, задирают кверху свои желтые клювики с претензией на особое место под солнцем! Добрая, мудрая, прозорливая литература без суеты разберется, кто есть кто. И с этой философски-спокойной позиции можно было бы не принять сердитый пафос статьи Александра Проханова. Уж сколько раз слышали: где современность — целина, космос и т. д.? Но сквозь публицистическую запальчивость в его статье проглядывают действительно тревожные симптомы, наметившиеся в подходе писателей к изображению современной деревни, оценки того, что в ней «настоящее», кто сегодня ее «первый парень»...

Полемизируя с А. Прохановым, В. Гусев предъявляет ему обвинение в «технократизме» (лишь отчасти справедливое) и запальчиво восклицает: «В дилемме робот или культура я предпочту культуру» («ЛГ», № 38). Но ведь не «машину» же призывает воспевать Проханов, и не человека в машинной кабине. Проблема тут сложнее. Попробуем подойти к ней с иной стороны.

В романе «Дом» Федор Абрамов неожиданно для своего героя Михаила Пряслина коснулся очень важного вопроса. На языке литературоведения и критики вопрос этот называется социальной активностью героя. Михаилу Пряслину такое понятие не знакомо ни в научном, ни в житейском аспекте. Поэтому-то и неожиданными оказались для него вопросы комиссии из обкома.

«— Как же вы допустили, товарищ Пряслин, до такого развала ваше хозяйство?

Да, так вот поставил перед ним вопрос Копысов, завотделом обкома, и поначалу у него голова пошла кругом, язык заклинило. А потом вдруг такая ярость накатила, пошел крушить направо и налево:

— Дак вы что же — Таборского выгораживать? Его шайку? За этим сюда приехали?

— Спокойно, спокойно, товарищ Пряслин. С Таборского мы спросим, не беспокойтесь. Ну, а вы, вы лично несете ответственность за положение дел в Пекашине? Вы использовали свои права хозяина?

— Какие, какие права? Хозяина?

— А вы не знали, что рабочий человек у нас хозяин?

И вот пошли и пошли свою ученость показывать. Ты ему из жизни, из практики — десять, когда колхоз был, хоть на общем собрании можно было [illegible] душу, а сейчас что?

— А сейчас что, советская власть у вас отменена?

И так, о чем бы ни зашла речь. В общем, нечего, дорогие товарищи пекашинцы, все валить на кадры, когда сами во всем виноваты».

— А может, и виноваты? — вдруг пришло Михаилу в голову.

Загадку нам Пряслин задает: неужто он только сейчас, на наших глазах, дозревает до этой мысли, каковая, по нашим понятиям, является наипервейшей в умах тружеников деревни? Однако не так все просто. Социальная активность легко сказывается, да не скоро «делается» в жизни, а в литературе и подавно. Общественную активность героя социалистического реализма тесно связывает с проблемой положительного героя. Принято считать, что положительное начало в литературе критического реализма представлено в идеале, — где-то за пределами изображаемого, в общей гуманистической позиции писателя. Социалистическая действительность впервые в истории выводит на сцену свободного человека — хозяина своей судьбы. Не угнетателя или пассивную жертву давящих обстоятельств, а тип, чья социальная активность является условием строительства и существования общества. Положительное начало теперь в литературе персонифицируется в героях, которые не нуждаются в нашем сострадании или жалости, потому что не таковы их взаимоотношения с обстоятельствами.

Однако «суха теория». А вот выросло «древо жизни» — Михаил Пряслин и удивляется, что по теории он, оказывается, обязан быть социально активным, а на практике — так он этого и не подозревал.

Что за природа этой аберрации в сознании? Почему, видя всю фальшь пустышки Таборского, его не то чтобы равнодушие к сельскому хозяйству — просто генетическую несовместимость с деревней, Пряслин как-то фатально, обреченно отдается во власть этого начальствующего дуралея? Видел же, что не так нужно вести хозяйство, не так распоряжаться людьми, скотом, землей, техникой... и только страдал от этого!

ВОТ МЫ и подошли к этому слову, которое, на мой взгляд, имеет особое значение в произведениях на так называемую сельскую тематику. А. Проханов обвиняет всю нашу современную культуру в «заведомом сужении кругозора... каноническом пристрастии к определенному человеческому типу». Глобальность этого вывода вызывает возражение, но что касается литературы, то вот факты: многие герои сельской прозы, которым авторы отдают свои симпатии, за исключением произведений на тему коллективизации, — так сказать, «страдальцы». Здесь и Федор Кузькин Б. Можаева, и Иван Африканович В. Белова, Коспан Т. Ахтанова, Аким В. Астафьева, жители Матёры В. Распутина и некоторые другие, хотя нельзя отрицать, что эти образы созданы талантливыми мастерами советской прозы, к трудам которых читатель относится с большим уважением и доверием.

Большинство перечисленных нами персонажей ведут яростный бой с «кривдой», с ловкачами, карьеристами и приспособленцами, чуждыми здоровым силам общества. Но борьба эта чаще всего ведется в неравных условиях, где положительный герой неизбежно попадает в «страдательное» положение. В общем-то художественные задачи решаются успешно, если мы сострадаем добру, правде, красоте, несмотря даже на неудовлетворенность реальным исходом борьбы, — до воспитательных кондиций наши эмоции доведет тихая работа вкуса, по выражению Шиллера. Но не мешает ли подобный подход всестороннему изображению современной деревни? Ведь если мы изображаем жизнь как деяние, если показываем действительность в ее историческом развитии, то как же обойдемся без фигуры активного героя, чьими усилиями и придается толчок развитию? А страдающий прекрасно-положительный тип, какой бы хороший он ни был, объективно ограничивает поиск эффективных средств при изображении современного труженика земли. В поисках страдающей фигуры писателям приходится уходить все дальше от главных магистралей действительности, куда-нибудь на обреченный остров, в тайгу, в тундру, на лесной кордон. То есть, образно говоря, смотреть не вперед, а назад или вбок.

Причем, создавая мастерские портреты подобных героев, доводя их судьбу до трагических высот, авторы, на мой взгляд, жертвуют частью правды. Скажем, драматизм положения жителей Матёры подогрет, помимо прочего, еще и тем обстоятельством, что новый поселок спроектировали из рук вон плохо. Казус или закономерность? Выйдя из эстетической сферы повести, мы не задумываясь ответим: казус. Не поголовно же у нас проектировщики столь бездарны! Но в самой повести «казусность» этого факта не видна из-за густого тумана жалости. Тут он, этот факт, рассматривается наряду со всеми упоминаниями о другом береге, где есть проектные институты, где строится ГЭС, где «шастают» на мотоциклах и на людях целуются. И все относящееся к этому другому берегу — с каким-то налетом порочности и непрочности...

ПОХОЖЕ, явление, о котором идет речь, распространилось в нашей литературе. Об этом думается, когда знакомишься, например, с произведениями молодых казахских писателей, пришедших в литературу в последнее десятилетие.

Из романа в роман, из рассказа в рассказ кочует стереотип противопоставления нравственного аула безнравственному городу, благостного старика — легкомысленной современной молодежи, порождению пугающего нынешнего века. Если у Ш. Кумаровой бабушка Керимхан в одноименном рассказе бежит из города в аул по причине, так сказать, чисто внешних несоответствий с привычным укладом (народу много, а поговорить не с кем, все дома и квартиры похожи, как воробьиные гнезда, суголока и т. д.), то профессор истории Палмакан у О. Сарсенбаева отправляется в аул из принципиальных соображений: оставшийся вершок жизни прожить в отчем краю, убежав от развращенных городом жены и детей (рассказ «Этот неугомонный Палмакан»). А повесть «Полынь и цветы» Д. Досжанова построена прямо на откровенном противопоставлении стариков (дикая полынь с глубокими корнями) и нынешней молодежи («цветочки... легонькие, красивенькие... внешне яркие, и запах есть, а все как бы без корня, без сока...»). Такие же мотивы находим у Э. Габбасова, Д. Исабекова, О. Бокеева и других. Вечно ценные и потому всегда уместные нравственные постулаты — любовь к своей малой родине, отчему порогу, родной природе, привычным обычаям, традициям, песням и преданиям — в произведениях молодых писателей заслуживали бы всяческого одобрения, если бы не заменяли собой панораму современной жизни.

Нас подталкивает сзади огромная сила художественной инерции. Авторитеты классиков. Художественные приемы, традиции. Отточенный на сострадании читательский вкус, чуткие на жалость эмоции. Так не является ли эстетическая инерция причиной рассматриваемой нами тенденции? Тем более, когда речь идет о традиционной для русской литературы фигуре, которой отдавалась любовь и скорбь великих гуманистов, — т. е. о крестьянине.

Догадка эта не кажется далекой от истины. Деревенская ветвь нашей литературы, несмотря на внушительное количество произведений, меньше других явила на свет социально активных героев (опять же исключая тему коллективизации), хотя «мы все — почти что поголовно — оттуда люди, от земли» (А. Твардовский). Не потому ли еще в литературе о деревне «не задерживались» активные герои, что они нечасто оставались на селе и в жизни, отдавая свою активность другим сферам?

Но вот наступили времена, когда из теории в практику шагнула проблема ликвидации существенных различий между городом и деревней. Благодаря техническому оснащению и электрификации сельскохозяйственного производства сокращается дистанция между умственным и физическим трудом. Сегодня работать в деревне — не значит «быкам хвосты крутить». Особенно существенные сдвиги произошли после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, второго дыхания целины, после освоения новой системы земледелия, известного постановления о Нечерноземье. И в деревне что-то произошло. «Что же случилось в Пекашине?» — так назвал свою рецензию на «Дом» В. Оскоцкий и хотя даже себе еще не ответил, но множество вопросов в тексте свидетельствует, что он верно почувствовал какую-то перемену в изображении деревни как у Ф. Абрамова, так и у других.

В ходе недавней Всесоюзной творческой конференции, посвященной 25-летию освоения целины, состоялся интересный разговор в совхозе «Ждановский» Возвышенского района Северо-Казахстанской области, где первый секретарь райкома Бубнов Г. М. высказал Юрию Гончарову критические замечания по поводу его повести «Последняя жатва». Ю. Гончаров создал произведение о сегодняшней деревне в характерном для нынешней «деревенской прозы» пронзительном ключе. Главному герою, опытному механизатору Петру Васильевичу, человеку трудолюбивому, но скромному, противостоит — и довольно успешно — его зять, молодой и активный до нахрапистости Володька. Все компоненты повествования взывают к нашему чувству жалости: посмотрите, как страдает прекрасно-положительный герой!

Здравый смысл привел Михаила Пряслина к догадке, что в новых условиях деревни недостаточно только страдать — пора принимать на себя часть вины, осознать свою социальную ответственность. Петр Васильевич и с ним еще немало «литературных людей» современной деревни скромно отводят глаза при этом вопросе: мы уж лучше повкалываем... «Я рад, что меня критикуют земледельцы с позиций более высоких, чем те, на которых стоят мои герои», — сказал тогда в совхозе Ю. Гончаров; на той же волне высказывались и другие участники конференции, и такие писательские заявления — не начало ли поворота? Впрочем, «поворот» идет давно, да инерция заносит.

ЦЕЛИННАЯ эпопея советского народа пусть еще и не родила эпопею художественную — тут нельзя не разделить огорчения А. Проханова, — но она создала определенный социально-психологический тип целинника, по точному выражению Л. И. Брежнева, человека «героического склада», который массово представлен в жизни и, к сожалению, пока так же массово — в литературе. Социально активными героями целинной литературы являются реальные герои, обрисованные в многочисленных очерках и рассказах. Это А. И. Бараев, М. Е. Довжик, Ж. Демеев, В. А. Дитюк и многие другие. Но есть и попытки художественно овладеть этим новым типом. Я бы назвал первоцелинников в сборнике очерков и рассказов «Золотое дно» И. П. Шухова — одном из первых художественных откликов на процесс освоения целины, образ партийного деятеля Карпова в неоконченном романе М. О. Ауэзова «Племя младое», директора совхоза Степана Сечкина в фильме «Вкус хлеба» (авторы сценария А. Лапшин, А. Сахаров, Р. Тюрин, В. Черных) и других «делателей жизни».

В. Крупин призывает нас в погоне за современностью не забывать своих истоков, истории. Утверждение это, конечно, бесспорно, но нельзя забывать и о том, что история делается и сегодня, сейчас, и творят ее потомки Дмитрия Донского и Кузьмы Минина — наши героические современники.

Но когда писатель пытается подойти к сегодняшней «буче» со старыми эстетическими мерками сострадания, он волей-неволей ограничивает свой выбор обиженными, затертыми, больными, хилыми. На их сторону перемещаются симпатии автора и как следствие — антипатии к противоположной стороне. Вот тут-то и может скрываться историческая неправда. Без сострадания мы не люди, но наиболее люди из нас те, кто борется, чтобы устранить страдания из жизни человека. К себе эти люди требуют не сострадания, а уважения. В жизни и литературе — соответственно.

АЛМА-АТА

КНИГА В ПУТИ

Фото А. КАРЗАНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Мустай КАРИМ:

«ПРАВДА В ИСКУССТВЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ОКРЫЛЕННОЙ»

— Мустафа Сафич, не хотелось бы начинать с традиционного вопроса: над чем вы сейчас работаете? Оставим это под конец. Сначала вопрос, может быть, чисто читательский. Не так давно была опубликована ваша повесть «Долгое, долгое детство», а в только что вышедшем девятом номере «Дружбы народов» появились ее новые главы. Во вступлении к повести вы откровенно признавались, что собираетесь рассказать о судьбах людей, с которыми жили или прошли кусок пути, то есть намекали на автобиографичность и реальность повествования. Между тем некоторые его главы вроде бы и не совсем реальны, почти фантастичны. Каким же образом правда жизни превращается у художника в правду искусства?

— Может быть, это прозвучит несколько странно, но скажу так: в повести моей все есть правда, настоенная на вымысле. Я оговаривался в предисловии, что имена многих реальных людей не изменены. И эти люди пока не упрекали меня в том, что я что-то рассказал не так, как было, хотя что-то я и домыслил. Некоторые события перенесены в другое место или время, но восприняты так, как я их описал.

Да, читатель, бывает, требует от автора: покажи мне правду такой, как она есть в жизни. Но ведь известно, что об одном и том же событии разные люди рассказывают по-разному. Так и художник, тем более художник. Поэтому, когда пишу, я не знаю, где выдумываю, где рассказываю виденное. Потому что, сам того не замечая, я уже подчиняюсь законам искусства. Действительность же, преобразованная искусством, обретает другое измерение.

А вообще-то вопрос о превращении правды жизни в правду художественную — чересчур сложный. На него не ответил бы и Лев Толстой.

— Не сказывается ли в ваших взглядах на природу художественного то обстоятельство, что вы в своем творчестве отчасти следуете романтическому направлению?

— Знаете мудрую пословицу: не говори ту правду, а которую могут не поверить люди. Так вот, правда в искусстве измеряется не самой правдой, а верой в эту правду. Если читатель поверил, значит, написанное тобой — правда. А чтобы поверили, — надо немного вымысла. Правда в искусстве должна быть чуть-чуть окрыленной, а не навязчиво-назидательной.

Я только что прочитал двухтомный дневник Константина Симонова «Разные дни войны». Думаете, он воспринимается как чисто документальная хроника войны? Ошибаетесь — это художественная книга! Факты жизни, прошедшие через горнило таланта, становятся искусством. Помните, у Сент-Экзюпери: камень, из которого сделан храм, становится не камнем, а камнем храма. То же произошло и с дневниковыми записями К. Симонова, буквально покорившими меня. Они открыли мне всю глубину и нравственные истоки его романов. Казалось бы, какой интерес после его книг о войне читать дневник, так сказать, подготовительные материалы? А интерес в том, что это написано художником. Факты жизни, обогретые талантом писателя, становятся искусством — Камнями Храма.

— Но разве не бывает так — хочешь изобразить все правдиво, а получается натянуто, фальшиво?

— Бывает. Например, в случае, когда заранее навязал себе концепцию. Я как-то решил писать не просто стихи, а цикл стихов. Заранее засевшая в голове мысль заставила меня написать и несколько тех стихотворений, которые диктовались композицией цикла, а не творческой необходимостью. Немудрено, что они получились риторичными, в них не чувствовалось души. И это в поэзии, где все, казалось бы, создается по вдохновению — Пегас, Парнас и все такое... А что же говорить о прозе или, положим, о драматургии, где композиция вещи действительно должна быть если не вычислена, то во всяком случае хорошо продумана! Но продуманность не должна стать заданностью. В иных пьесах мы, например, стараемся привести в удобное соотношение количество положительных и отрицательных персонажей. Неужели это нас должно заботить? Ведь в конце концов Прометей один осветил все человечество!

— Вопрос в связи с упомянутым вами героем. В начале года в «Новом мире» опубликован русский перевод вашей трагедии «Не бросай огонь, Прометей!». К этому герою, как и вообще к мифу, в последнее время обращаются и многие другие художники. Чем вы это объясняете?

— Очевидно, особенностями времени, в которое мы живем. Времени, которое претендует на точный расчет. Машинизация, предельная рационалистичность, проникающие порой в сферу духовной деятельности, глобальность проблем, перед которыми сегодня встало все человечество, поневоле заставляют нас оглядываться на пройденный путь.

Мое обращение к образу Прометея также возникло из раздумий над судьбами людей, науки, культуры, человеческого знания, прогресса.

Всем известно, что Прометей похитил у богов огонь для того, чтобы отдать его людям. Но нигде в древней легенде и ее вариациях не говорится (во всяком случае, я не встречал) о том, как приняли этот дар люди. Мне казалось, что они не могли сразу принять (и понять) огонь. Ведь вся история развития человечества показывает, что новое пробивает себе дорогу в жизнь с драматическими, порой кровавыми осложнениями. Вот почему в моей трагедии люди вначале отворачиваются от Прометеева огня и проклинают его. Прометей, думал я, принес огонь людям не затем только, чтобы они готовили на нем пищу и согревали у костра руки. Прометеев огонь — это самопознание людей. Они и увидели-то себя по-настоящему лишь в свете этого огня, увидели и распрямились, осознали свое величие и предназначение. Прометей не огонь принес, он принес истину: соединив огонь небесный и земной. Он показал красоту человека, в котором телесное и духовное находятся в гармоническом слиянии.

— В пьесе об этом Прометей говорит Афродите: «Хочу глаза открыть я человеку, пусть видит, сколько красоты и мощи есть в нем самом... Потом когда-нибудь он будет мне за это благодарен...» И получает ответ богини любви: «Не жди хвалы, дождешься поношенья». И поношенье, как и возмездие, не заставило себя ждать. Но жестокость наказания, которому у вас подвергается Прометей, должна быть (в отличие от легенды) для него мучительна вдвойне: помимо Зевсова гнева, его должна мучить и человеческая неблагодарность. Между тем жестокость в изображении человеческих взаимоотношений не свойственна вашему таланту.

— Ну, во-первых, не забывайте, что перед вами все же трагедия, а не античные буколики. Трагедия, которая, как я считаю, связана по своей центральной идее с моими двумя предыдущими пьесами в этом жанре — «Ночь лунного затмения» и «Салават». Во всех трех пьесах я пытался воплотить одну идею — раскрепощение человека, его духовное освобождение. В каждой из трагедий эта идея раскрывалась по-разному: в пьесе «В ночь лунного затмения» — в плане личном, в «Салавате» — в национальном, в «Прометее» — я осмеливаюсь сказать, в общечеловеческом. Естественно, решение таких задач в истории не обходится без жертв.

А вообще-то вы правы: героям моим не свойственны ни жестокость, ни упоение страданием. Очень уважаемый мною Сергей Алексеевич Баруздин как-то даже упрекнул меня, что в моей повести «Радость нашего дома», рассказывающей о детях в годы войны, юные герои не ощущают всех тягот войны. Но я не воспринял это как упрек. Детство потому и детство, что оно не понимает или, скажем так, не думает, как ему тяжело. То, что нам было трудно в детстве, мы осознаем, только став взрослыми.

— Очевидно, формула «добро должно быть с кулаками» не подходит к вашему творчеству?

— Я бы выразился так: добро имеет право на то, чтобы отстоять себя, но утверждать себя кулаками оно не должно, если, конечно, не хочет превратиться в зло. Сказанное имеет отношение и к искусству. Я против жестокого натурализма, бытовизма и плоской заземленности в литературе. Литература и искусство, на мой взгляд, должны быть чуть-чуть приподняты над бытом. Могут сказать, что я отрываю искусство от земли, от питающих его корней. Но это уже дело искусства, как ему питаться действительностью.

Может быть, в этом отчасти отрицательном отношении к бытописательству сказывается мое изначальное тяготение к романтике жизни и революционных преобразований 20—30-х годов, а позднее — к героике народного подвига в Великой Отечественной.

— Мустафа Сафич, после того, что вы рассказали, читателю, наверное, легче будет понять и замысел той вещи, над которой вы сейчас работаете?

— Задумал новую пьесу — «Пеший человек». Название пока условное, но, в общем, отвечающее замыслу. Мой герой должен видеть все то, что видит обыкновенный пешеход. Он может находиться и на высоком посту. Но должен ходить по земле и мыслить земными категориями. Мы ведь в последнее время мало ходим, так сказать, ногами — все больше норовим проехать, прокатиться, пролететь. Скоростное передвижение на самолете или мгновенность решений, которые выдает за нас счетная машина, — не отучают ли они нас от внимательного и пристального вглядывания и вдумывания в окружающий мир? А иногда нам надо медленно думать, медленно решать, когда делаем большие дела. Мы ведь пока на земной орбите.

— А нет ли здесь противоречия: с одной стороны, исповедуемая вами формула «чуть выше быта», с другой — призыв спуститься на землю, пройтись по ней пешком?

— Бывает, что тело мчится, опережая звуковой барьер, а душа волочится по земле. Случается и наоборот. Об этом я и хочу поговорить в пьесе.

Беседу записал
Павел УЛЬЯШОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Ф. И. НАСЕДКИНУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Филиппу Ивановичу Наседкину приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Филипп Иванович! Редко кому удается встретить свое семидесятилетие в полном расцвете творческих сил — Вы, дорогой Филипп Иванович, из этой счастливой когорты. И Вам есть чем гордиться. Член КПСС с 50-летним стажем, лауреат премии Ленинского комсомола, известный советский писатель, свой юбилей Вы встретили сразу двумя новыми романами — «Озарение» и «Трудная радость», — опубликованными многотысячными тиражами.

...Сын безземельного крестьянина, батрачонок становится в родном селе председателем крестьянского комитета. И начинается Ваш трудный, но впечатляющий путь по жизни. Вот Вы секретарь сельской ячейки комсомола, а вскоре уже секретарь райкома комсомола. Через 10 лет Вы уже член ЦК ВЛКСМ и через год секретарь ЦК ВЛКСМ! В трудные годы Великой Отечественной Вы — комиссар Главного управления всеобуча. Сельский корреспондент областной газеты, а затем корреспондент «Комсомольской правды». Вы нашли свое писательское призвание.

И несмотря на тяжелый недуг — потерю зрения, — сумели создать целую библиотеку произведений о молодежи и для молодежи. Такие Ваши книги, как «Великие голодранцы», «Большая семья», «Красные Горни» и «Испытание чувств», снискали любовь и признание у миллионов молодых читателей».

И. П. ЧЕРНЫШЕВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, комиссия по военно-художественной литературе направили Игорю Петровичу Чернышеву приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Вся Ваша сознательная жизнь связана с Военно-Морским Флотом. В 1937 году Вы начали службу на морях и достойно продолжали ее почти сорок лет. В годы Великой Отечественной войны Вы сражались против врага на Балтике. Командир «морского охотника», а затем и дивизиона этих катеров, Вы вместе с боевыми товарищами пустили на балтийское дно не один гитлеровский корабль. Родина по достоинству оценила Ваше мужество и ратное мастерство в годы войны и в мирное время, наградив Вас орденами боевого Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

Богатый жизненный и боевой опыт, долгие годы работы в журналистике, любовь к людям определили Ваш приход в военно-патриотическую литературу. Читателям полюбились сильные духом, настойчивые и высоконравственные люди — герои Ваших книг «На «морском охотнике», «Коэффициент надежности», «Трудный фарватер».

В. Э. БЭЭКМАНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по эстонской литературе направили Владимиру Эугеновичу Бээкману приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Трудно перечислить все, что создано Вами за 30 лет литературной деятельности, — стихотворения и поэмы, романы и путевые очерки, книги для юношества и детей, киносценарии, пьесы и публицистические статьи, переводы с языков народов Советского Союза и зарубежных стран.

В Ваших первых поэтических сборниках «Песнь о молодости», «Дорога в жизнь» и других Вы с юношеским пылом писали о героическом подъеме, с которым советские люди начинали послевоенную мирную жизнь. Многограннее и сложнее становится Ваше мироощущение в сборниках «Синий тюльпан», «Дерево, которого нет», «Час пик». Растет Ваше поэтическое мастерство.

Вам не чужды и «вечные» темы, но Вы раскрываете их на новом социально-общественном и философском уровне конца XX века, когда проблемы урбанизации, НТР, экологии неотразимо влияют на формирование сознания современного человека.

Идеологическая борьба и борьба за мир, нашедшие отражение в Ваших стихах и поэмах «Пять минут» и «Свет Восточной Европы», занимают большое место и в Вашей прозе — будь то фантастический по фабуле, но реальный по идее роман «Ночные летчики», сатирический роман-гипербола «Год осла» или основанный на скрупулезном изучении архивных материалов роман о первых месяцах Отечественной войны «И сто смертей».

Ваши многочисленные книги путевых очерков — «Мексика — страна Солнечного камня», «На оборотной стороне планеты» и др. — это социально-философское осмысление истории многих стран и народов.

Не обошли Вы вниманием и подрастающее поколение — в повестях «В суровую весну», «Выше голову, мальчики!» Вы рассказали о суровом военном детстве, а в книгах «Атомик», «Железный Роберт» и других в увлекательной и доходчивой форме познакомили читателей с современными достижениями науки и техники.

Где бы ни трудились Вы — на посту первого секретаря правления Союза писателей Эстонии, исполняя почетные обязанности депутата Верховных Советов СССР и ЭССР или члена Президиума Верховного Совета ЭССР, везде Вы работаете самоотверженно, творчески».

Н. Ю. ФАЗЫЛОВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по узбекской литературе направили Насыру Юлдашевичу Фазылову приветствие:

«В Ваших произведениях талантливо отражена жизнь наших современников. Лучшие Ваши произведения для детей и юношества отличают глубокое знание жизни, понимание детской психологии. Широкую известность принесли Вам и произведения для взрослого читателя — сборники рассказов и повестей «Течение», «Робинзоны», «Птице — крылья», «Письмо о первом снеге», «Повести весны», «Домбра старого Суюна», «Саратан» и другие, поднимающие сложные социальные и морально-этические проблемы.

Мы высоко ценим и Ваш переводческий труд. Вами переведены на узбекский язык повести и романы казахских писателей Г. Мусрепова, С. Муканова, Г. Мустафина, К. Абдукадырова, а также произведения ряда каракалпакских прозаиков».

• • •

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Мухамеджан ШУКУРОВ

ЛЮДИ НУРЕКА

ДВА РОМАНА ОБ ОДНОЙ СТРОЙКЕ

В 1978 ГОДУ вышли на таджикском языке два романа о стройке на Вахше — «Вода к добру снится» Мухиддина Ходжаева и «Нурек» Юсуфа Акобирова. Оба автора накрепко связали свою судьбу с Нурекской ГЭС, а М. Ходжаев и сам работал некоторое время в бригаде бетонщиков. В своих очерках, статьях и рассказах писатели повествовали о трудовых буднях, о делах и заботах нурекчан. Теперь их наблюдения и мысли обобщены в двух больших эпических произведениях.

В совокупности два этих романа дают широкую, объемную картину строительства, в которой масштабность изображения соседствует с глубоким анализом отдельных человеческих характеров, судеб.

И Ю. Акобиров, и М. Ходжаев стремятся исследовать, как огромная стройка, атмосфера трудового коллектива формируют личность, испытывают ее не только на физическую силу и выносливость, но и на нравственную зрелость. И хотя оба произведения относятся к так называемым «производственным» романам, в обеих книгах писательское внимание обращено не к тонкостям технологии, не к деталям производственных процессов, а к анализу внутреннего мира, «диалектики души» людей труда. Каждый из авторов по-своему ищет связь между проблемами производства и вопросами человеческого бытия. В этом плане особенно показателен образ старого опытного инженера Антона Григорьевича Карпова.

Человек, в основе характера которого лежат полная самоотреченность и самоотдача, подчинение себя служению общественному долгу, всегда привлекал нашу литературу. Но теперь сам подход писателей к такому герою существенно изменился. Ю. Акобиров сосредоточивается не на внешней, видимой всем стороне деятельности Карпова, а пристально всматривается в суть этого характера, старается вскрыть нравственно-психологическую основу его поступков и поведения. Карпов в романе Ю. Акобирова — крупная личность, воплощающая в себе ум и волю человека нашего времени, олицетворяющая все лучшее, что присуще представителю советского общества. Такого масштаба, такой силы образ представителя русского народа впервые появляется в таджикской литературе.

Духом интернационализма проникнуты оба романа. Дело не только в том, что и Ю. Акобиров, и М. Ходжаев показывают совместную жизнь и труд представителей различных национальностей. Важнее то, что они прослеживают социально-психологические процессы, возникающие в условиях интернационализации коллективного труда.

В конце романа «Вода к добру снится» один из персонажей говорит: «Стройка (для нашего края. — М. Ш.) значит не меньше, чем революция». Этот вывод подытоживает размышления о тех громадных переменах, которые произошли в жизни нурекчан под влиянием стройки.

В чем же видит писатель суть этих перемен?

Грандиозный размах строительства, усложнившиеся условия труда, многонациональный состав рабочего коллектива (в Нуреке работали представители 46 народов, съехавшиеся со всех концов Союза) дали мощный толчок ускоренному развитию новых социалистических отношений между людьми. Стремительно меняется традиционный бытовой уклад, отступают, уходят навсегда пережитки прошлого в сознании и поведении людей. Этот мощный глубинный процесс с особо выразительной, даже драматической силой раскрыт в романе М. Ходжаева в образах старика Бобо Каро и его дочери Гульбегим.

Образ Бобо Каро сложен и неоднозначен. Всю свою жизнь этот человек жил по принципу: «Сильнее толкайся локтями, чтобы другие не опередили тебя», в своих поступках руководствовался завистью, себялюбием, холодным равнодушием. И, как ни странно, окружающие Бобо Каро люди в течение долгих лет не могли распознать суть его натуры. Более того, он считался честным и добросовестным тружеником, а по словам одного из персонажей романа, имел даже немалый авторитет среди сельчан. Почему же теперь люди отворачиваются от Бобо Каро и даже дети его не считаются с ним? Писатель стремится глубоко исследовать это явление, обращается к прошлому, чтобы найти ответ на все эти вопросы.

После установления Советской власти в республиках Средней Азии не сразу удалось покончить с такими носителями феодально-байских пережитков, как Бобо Каро. Умело приспосабливаясь, демонстрируя показную заинтересованность в общем деле, они подчас выдавали себя за ревностных строителей нового общества, используя трудовой энтузиазм масс в своих целях. В немалой степени этому способствовали незрелость общественного сознания у определенной части населения, унаследованные от прошлого социально-этические и семейно-бытовые нормы поведения.

По мере развертывания строительства в Нуреке все прочнее утверждаются социалистические принципы общественной жизни, становятся явью новые отношения между начальством и подчиненными, старшими и младшими в семье и на производстве. И тем самым рушатся устои, на которых держался «авторитет» Бобо Каро.

Крушение Бобо Каро — это закономерный результат столкновения двух миров — старого, отжившего, и нового, основанного на высоких гуманистических идеалах. Наиболее ярким представителем этого нового мира является дочь Бобо Каро — Гульбегим.

К традиционной для таджикской советской литературы теме пробуждения женщины, осознавшей свои права, М. Ходжаев подходит с новой стороны. На первый взгляд, бунт Гульбегим вызван протестом против принудительного брака. Однако дело тут не только в ее понятиях о свободе чувства. Вопрос поставлен гораздо шире и глубже. Поначалу Гульбегим подчиняется воле отца и, решив, что «такова уж, видно, ее судьба», дает согласие на свадьбу. Но, поняв, что жениху «нужно ее тело, а не душа», Гульбегим встает на защиту своего человеческого достоинства. Уйдя из дома мужа и порвав с отцом, она делает первый шаг к утверждению своего права быть личностью. Осознание смысла своего существования, цели человеческой жизни, стремление раскрыть и полностью реализовать свои духовные силы, определить свое место в жизни — вот основная суть образа Гульбегим. Нелегко далось ей решение отвергнуть Ато Мурода, первую свою любовь. Но красивый, «вечно улыбающийся и беззаботный» Ато Мурод не отвечает уже душевным устремлениям сегодняшней Гульбегим, понявшей, что разделить любовь — значит разделить с любимым человеком все его боли и радости.

Однако, поставив в центре внимания нравственные искания, определяющие особенности формирования личности молодого нашего современника в новых социальных, производственных условиях, М. Ходжаев ушел от некоторых других, не менее важных сторон жизни своей героини. Он лишь бегло упоминает об успехах Гульбегим на производстве, об ее избрании депутатом...

Этот же недостаток — некоторая «однобокость», искусственная обедненность в обрисовке жизненного и трудового пути человека — сказался и на ряде других персонажей романа «Вода к добру снится». Некоторые характеры остались непрописанными, в частности, довольно бледным получился образ руководителя стройки Владимира Кумачева.

Если в романе Ю. Акобирова изображение поступков, духовных исканий героев порой страдает многословием, то М. Ходжаев, напротив, чрезмерно лаконичен, и это оборачивается недосказанностью, непроясненностью отдельных линий и ситуаций.

Однако необходимо учитывать: в процессе создания своих романов Ю. Акобиров и М. Ходжаев пошли во многом новой, непроторенной еще в таджикской литературе дорогой. Разумеется, не все в их творческом поиске завершилось удачей. Но важно то, что оба романа вышли на ведущее направление сегодняшних исканий нашей многонациональной советской литературы.

ДУШАНБЕ

СРЕДИ КНИГ

МИР КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

П. НИКОЛАЕВ,
доктор филологических наук

С. Залыгин. «Литературные заботы». Издательство «Художественная литература», М. 1979.

СТРЕМЛЕНИЕ понять себя — изначальное свойство литературы. В каждую художественную эпоху оно было разным, но всегда активным и серьезным.

С. Залыгин не вполне точен, полагая, будто на давних этапах человеческой истории, когда искусство обладало особым могуществом и авторитетом, литература позволяла как бы лишь по «собственной прихоти» рассуждать о себе. Нет, во времена и Горация, и Шекспира литературе было крайне необходимо определить свое место и судьбу.

Но писатель совершенно прав, когда говорит об исключительной потребности современной литературы в подобном самоопределении. Сложность мира, многообразие контактов между духовными сферами — все побуждает литературу понять свое назначение, свою нынешнюю реальную сущность. Среди всех крупных творческих индивидуальностей в социалистическом искусстве кажется просто невозможно найти хоть одну, не выразившую прекрасно свое понимание литературы.

Опыт Федина и Леонова, Твардовского и Исаковского в данном смысле поистине классический. Но прозаики и поэты последующих поколений раскрывают все новые возможности художнических размышлений над литературой.

Профессиональному литературоведению и критике они всегда интересны и как некий отчетливый знак общих художественных исканий, и как очень индивидуальное понимание конкретной творческой практики.

У одних художников более видна потребность в обобщении, другие скорее дорожат эстетическим самовыражением.

Эссеизм в своих лучших качествах присущ стилевой системе С. Залыгина-критика, но это свойство лишь формы его статей. В своей содержательной основе они, как правило, теоретичны, фундаментальны — и не только по замыслу. И что особенно выделяет критический опыт крупнейшего современного прозаика — это именно некий синтез собственных эстетических пристрастий и обобщающей оценки целого художественного направления.

Первое «слагаемое» этого синтеза заключает в себе то, как С. Залыгин понимает природу критики. Он ссылается на А. Франса, назвавшего свои литературно-критические статьи приключениями его души в мире книг. Нравственно-эмоциональная конкретность литературных оценок присуща и самому С. Залыгину. В них просматривается некая индивидуальная эстетическая закономерность: точке зрения на художественный материал и повествовательной интонации Залыгина-критика трудно найти аналогию.

Второе же «слагаемое» критической системы писателя замечается не сразу, оно словно в подтексте статей. Это также обобщение опыта художественного направления, которое делается как бы от имени последнего, хотя соответствующих деклараций у С. Залыгина обнаружить нельзя (да и вряд ли их допустила бы стилевая манера писателя).

Обосновывая тезис А. Франса о критике, С. Залыгин подчеркивает разносторонность критических воззрений: они обращены к прошлому, настоящему и будущему литературы. Поистине в критике — сложное интеллектуально-нравственное движение, «приключение» личности.

Мир критической мысли С. Залыгина вобрал в себя феномены Гоголя, Толстого и Чехова, современную художественную прозу о деревне и литературу в ее связях с НТР. Было бы удивительным, если бы в центре критической мысли автора «На Иртыше», «Соленой Пади» и «Комиссии» не оказалась нынешняя «деревенская проза». Она отвечает высокому эстетическому вкусу художника, а главное — его социально-нравственному, историческому, вообще духовному кредо. Судьбы этой прозы доминируют в «литературных заботах» писателя.

Не сегодня возникшая аксиома — тематическое родство в творчестве таких крупных и активно действующих писателей, как Ф. Абрамов, М. Алексеев, В. Астафьев, В. Белов, С. Крутилин, Е. Мальцев, Б. Можаев, Г. Троепольский, — говорит об особой тенденции в нашем современном искусстве. С. Залыгин констатирует эту аксиому, но вносит в ее мотивировку свою оригинальную концепцию.

«Деревенская» литература оказалась в своих лучших образцах очень памятливой, и потому исторические изменения в селе зафиксированы ею с исключительной бытовой и психологической конкретностью и достоверностью. Эта «память земли», по С. Залыгину, — не литературный прием, а сама природа истинной литературы.

Но и в том случае, когда такая литература не обращается к прошлому, она обогащает наше историческое восприятие литературы и жизни. Она делает это с помощью художественной речи — воспроизводит народный язык в его устойчивости и движении. Так думает С. Залыгин, и он прав. Художественный историзм подлинно народной литературы никогда не существовал вне подобного воспроизведения языка.

«Памятливость» сельской прозы к народному языку оказалась, по мысли писателя, сродни вниманию этой литературы к быту, пейзажу родной земли. А все это вместе определило общую для всей «деревенской прозы» приверженность классической традиции. Преемственность в языке, по С. Залыгину, выражается в том, что, подобно классикам, нынешние «деревенские» писатели стремятся не к красоте и звучности, а к предельной выразительности, за которой — истинная художественная глубина.

Конечно, для С. Залыгина каждый из близких ему писателей очень оригинален, но новизна индивидуального опыта предопределена именно творческим воспроизведением традиции. В период, когда могло показаться, что классическая традиция исчерпана, ее возрождение и развитие, говорит С. Залыгин, не могли не стать новаторством. А на такой фундаментальной творческой основе, естественно, должно было возникнуть разнообразие больших художественных индивидуальностей.

У В. Белова, глубоко сосредоточенного над поисками не новых форм литературы, а новых форм духовной жизни, сведена до минимума мера литературности.

По существу, в духе классической, преимущественно чеховской, традиции, когда художник «не замечал себя самого перед лицом проблемы», но в своей «таинственной простоте» ведет повествование В. Шукшин.

Максимальную неразрывность человека и природы представил В. Астафьев, не склонный, впрочем, обольщаться возможностями пантеистической гармонии. Одна из форм дисгармонии мира предстала в изображении В. Астафьева подлинным открытием в литературе: пастораль на фоне жестокой войны.

Одно из ярких своеобразных качеств прозы В. Распутина — совершенная законченность, завершенность всего, о чем рассказывает писатель. Особенно в тех случаях, когда альтернатива — или жизнь, или смерть, а что может быть яснее, «законченнее» этих велений? В. Распутина выделяет и то, что его герои хотя говорят и думают как будто бы все время о себе, однако «как бы даже исключительно общечеловечны».

Так пишет С. Залыгин о каждом из целой плеяды современных художников, и подобное различение их творческих открытий придает особую убедительность его литературно-критическому интегрированию, обобщению их замечательного творческого опыта.

С. Залыгин характеризует не только «деревенских» писателей: в книге мы видим статьи о П. Васильеве, А. Платонове, Л. Мартынове и других. Любопытно, однако, что в многообразии его литературно-критических интересов хорошо просматривается его внимание к общим художественным проблемам. Интересы объединены, например, проблемами народного мышления писателей, народного языка их произведений.

Особенности народного сознания у каждого писателя свои: можно видеть, как трансформируется народная сказка под пером А. Платонова, как относятся к фольклору и народному языку П. Васильев и Л. Мартынов. Все это С. Залыгин понимает и прекрасно определяет. Но на каком-то высоком эстетическом уровне народность во всех ее разновидностях выступает общим и единым качеством всех истинных художников. Из осознания этого вырастает критерий литературно-эстетических оценок автора «Литературных забот».

Конечно, подобный критерий неудивителен для автора романа «Комиссия» с его художественным утверждением философии коллективистской, народной мысли.

Но, собственно говоря, все литературные суждения С. Залыгина — в духе его разнообразных творческих исканий, столь превосходно реализованных. В конечном счете можно в этих исканиях видеть источник и аналитического обращения писателя к творчеству великих классиков.

Последнее, конечно, — особая тема. И вероятно, вследствие того, что представления о классике более или менее устойчивы у каждого из нас и что вообще эта область исследования давно стала фундаментальной сферой литературной науки, для широкого и тем более для профессионального читателя некоторые положения книги С. Залыгина далеко не бесспорны.

Но трудно усомниться в том, что среди тезисов автора о классике есть очень интересные. Это и мысли о Гоголе как крупнейшем мифологе русской классики, о такой обобщенности гоголевских образов-персонажей, которая делает их гигантскими историческими памятниками эпохи. В статье о Толстом — новые аргументы в пользу давней истины, что в произведениях великого реалиста трудно уловить различие между искусством и жизнью. Интересна мысль писателя: Толстой — само человековедение: он исследует норму человека, а не аномалию, которая является для Толстого периферийной. Что же касается большой работы С. Залыгина о Чехове, то в самом лиризме ее стиля, с одной стороны, представлены некоторые свойства чеховской прозы, а с другой — может быть, полнее всего и эмоциональнее выражена жажда сопричастности современного писателя тому великому опыту художественного познания мира, который был осуществлен русской классикой.

Но, повторяю, эти работы С. Залыгина — особая тема. Здесь же хотелось сказать, что активные литературно-критические выступления С. Залыгина, помимо того, что они удовлетворяют большой интерес читателя к деятельности крупного современного художника, должны быть восприняты как важный, симптоматичный факт самосознания, самоопределения нашей современной литературы. Самосознания умного, глубокого и необходимого.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Н. П. БАЖАНУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, совет по украинской литературе и совет по художественному переводу направили Николаю Платоновичу Бажану приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Горячо и сердечно поздравляем Вас, одного из зачинателей и основоположников украинской советской поэзии, выдающегося украинского поэта, публициста, переводчика, видного общественного деятеля и ученого, Героя Социалистического Труда, с семидесятипятилетием со дня рождения.

За более чем полувековой период активной и плодотворной литературной деятельности Вы создали целый ряд талантливых книг стихов и поэм, в которых отображены важнейшие этапы в жизни Советской страны. Среди них — поэма-трилогия «Бессмертие», в которой создан замечательный образ С. М. Кирова, поэмы «Отцы и сыновья», «Мать», «Полет сквозь бурю», «Ночные раздумья старого мастера», книги стихов «Гнев Отчизны», «В дни войны», «Английские впечатления», «Четыре рассказа о надежде», «Уманские воспоминания». С большим вдохновением пишете Вы о вековечной дружбе русского и украинского народов, о ленинской дружбе всех социалистических наций, о пролетарском интернационализме. Этими благородными идеями проникнуты историческая поэма «Даниил Галицкий», книга «У Спасской башни», циклы «Грузинские стихи», «Узбекские стихи», «Адам Мицкевич в Одессе», «Итальянские встречи» и многие другие Ваши произведения, переведенные на русский язык, языки народов СССР, зарубежных стран.

Вы снискали заслуженный авторитет одного из выдающихся мастеров советской школы художественного перевода. С блестящим мастерством Вами воссозданы на украинском языке поэмы Шота Руставели, Давида Гурамишвили, Алишера Навои, стихи А. Пушкина, В. Маяковского, Ю. Словацкого, Ц. Норвида, Я. Ивашкевича, Р. М. Рильке и других поэтов.

Писатель-коммунист, Вы плодотворно сочетаете литературную работу с многогранной общественной деятельностью: неоднократно избирались членом ЦК КПУ, депутатом Верховных Советов СССР и Украинской ССР, ряд лет были заместителем Председателя Совета Министров УССР, председателем правления СП Украины, являетесь главным редактором Украинской Советской Энциклопедии, секретарем правления СП СССР, действительным членом АН УССР, председателем совета по художественному переводу СП СССР.

О широком признании Вашей деятельности свидетельствует присвоение Вам высокого звания Героя Социалистического Труда, награждение Вас пятью орденами Ленина и другими правительственными наградами. Вы являетесь лауреатом двух Государственных премий СССР, Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко, премии имени Шота Руставели, народным поэтом Узбекистана, заслуженным деятелем науки УССР, заслуженным деятелем искусств Грузинской ССР».

■

Из всего, что художник может оставить своему народу, нет ценности больше, нежели его творческий труд.

И можно только восхищаться объемом, разнообразием и добросовестностью того патриотического художнического труда, который — от годов юности и до своих 75 — неутомимо вершит в нашей культуре Микола Бажан.

Конечно же, на первом месте — творчество поэтическое, творчество крайне взыскательного к себе мастера, который давно уже стал признанным классиком украинской советской литературы, обогатив ее произведениями незаурядными, новаторскими, подарив читателю строфы, как бы высеченные на камне, отчеканенные на металле.

Высокое, гневное и гордое слово патриота естественно соединилось здесь с блестящей формой выражения, благодаря чему только и могло появиться произведение, прозвучавшее в самые трагические дни как присяга, произведение, строчки которого были на устах у тысяч юношей, идущих в бой за свою Советскую Отчизну.

Микола Бажан всегда был певцом мужества, возвеличивающим честь и подвиги народные, таким он предстает и в своих новейших стихотворениях, где нас привлекают все то же напряжение мысли, прославление человеческой духовности, чувства интернационализма, дружбы и братства, чувства, которые, как и философия жизнеутверждения, пронизывают всю нашу многоязычную советскую литературу, определяют ее гуманистический характер.

Нам не представить себе Бажана-поэта вне его огромной общественной деятельности, отстраненным от всего, чем повседневно живут его современники, что волнует нашу творческую интеллигенцию, чью роль в духовном развитии общества так высоко ценят партия и народ.

Гражданская индифферентность, безразличие, душевная глухота — черты, которые всегда были присущи самодовольному мещанину, в том числе и мещанину современному, однако если и возможна для кого-то такая позиция, то отнюдь не для человека бажановского темперамента, не для того, кто на всех этапах строительства украинской советской культуры был в первых рядах ее активных, страстных творцов. Молодость выдающегося нашего поэта овеяна его дружбой с Юрием Яновским, Александром Довженко, в ранних кинофильмах которого, к слову, именно Бажан одним из первых — сквозь туманности тогдашних дискуссий — сумел разглядеть произведения эпохального значения, предвидя, что этот поэтический киноэпос будет восприниматься со временем как откровение и принесет их автору всемирное признание.

Широко известна работа Бажана на посту редактора фронтовой газеты, но, пожалуй, мало кто знает, что, когда осенью 1941-го над Киевом нависла угроза окружения и редактору газеты оставлено было весьма дефицитное место в самолете, отправляющемся на восток, Бажан, вежливо поблагодарив за заботу, все же отказался воспользоваться предоставленной возможностью, не согласился преждевременно оставить родной город и бросить на произвол судьбы редакционный коллектив, вместе с которым он потом разделит все трудности, боль и печаль на горьких дорогах отступления. В этом, казалось бы, вроде и негромком эпизоде сразу узнается Бажан, человек долга, тот, кто способен в любой ситуации не растерять чувства достоинства и ответственности.

Одна из ранних книг Миколы Бажана называется «Строения». Человек-строитель, человек созидающий — это один из самых емких, философски наполненных образов поэта. И хорошо, что свои мысли он не просто декларирует: для нас Бажан сам является примером неустанного труженика-созидателя.

Многолетний труд Бажана — переводчика, эссеиста, академика, чьи усилия и богатейшие знания так прекрасно реализовались в томах Украинской Советской Энциклопедии и ряде других монументальных изданий, — это все труд, заслуживающий самого высокого уважения и признательности. Это и есть, собственно, те жизнь-творчество, жизнь-подвиг, которая никогда не сотрется, ибо она являет собой органическую частицу вечно живой культуры народа, той, что в вершинных своих проявлениях, всей художественной красотой и весомостью созданного перейдет и к потомкам.

Заслуженной любовью и авторитетом пользуется Микола Платонович Бажан в кругу своих друзей, литературных побратимов, людей разных — и старших, и младших — поколений. Щедрый он в своем труде-творчестве, в добром отношении к коллегам, и читателям, пусть же и к нему будет щедрой судьба, пусть подарит она славному нашему юбиляру еще много светлых, творчески полноценных лет.

Олесь ГОНЧАР

КИЕВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Художник и книга

Иллюстрации художника Е. Чернягина к сборнику стихов поэтов Якутии «Песни тайги». Издательство «Детская литература», М. 1979

«Увы, написано пером»

«КУДЛАТЫЕ УТЕСЫ» И «РЕБУСЫ ЗВЕРЕЙ»

ЧТО ГРЕХА таить, все мы в душе романтики — берем в руки книгу стихов с трепетной, тайной надеждой: а вдруг вот на этих страницах повезет встретить то свежее слово, тот незаемный образ, от которых сердца сладко щемит и дух захватывает...

И вот, кажется, эти новые неожиданные слова и образы найдены? Открываю сборничек Леонида Гержидовича «Таволга» и читаю: «Я парень смелый и решительный, при симпатичной бороде...» Очень это непривычно звучит — не правда ли? — парень... при бороде. Естественно, что с таким «смелым и решительным» партнером все девушки отказываются идти в лес по ягоды. И как — опять-таки необычно! — преподносит это автор: «Мне говорят в противовес: — Нам эти ягоды не нравятся, мы не пойдем с тобою в лес».

И хотя речь тут о ягодах, но, поверьте, это лишь цветочки, ягодки еще впереди!

Вот, скажем, поэт сообщает: «Ноги в крагах лосиных тащат в сени друзья...» О чем это? Чьи ноги оторвало вместе с крагами и друзья вынуждены их тащить почему-то «в сени»? Не пугайтесь, никто ног не лишался — наш автор хотел лишь сказать, что друзья его (чьи ноги-то и были «в крагах лосиных») не шли, а тащились от усталости. Но не говорить же поэту, барду об этом просто, как все говорят...

День себя лишь обозначит
Синей щелью у дверей —
Нам удача замаячит
Хитрым ребусом зверей.

О чем это так замысловато? Да всего лишь о том, что охотники нападут на следы зверей и удачно поохотятся. А ребус тут не столько у зверей получился, сколько у пишущего. Иной привереда может сказать, что автору не мешало бы и об элементарной логичности не забывать. Но у того другое на уме: «Чтоб, звеня и сверкая, при встрече мой язык был и ярок, и нов...» Могут возразить, что одно другому не помеха, но, увы, к нашему стихотворцу эта истина неприложима!

Умеет он загадывать загадки. Вот попробуйте разгадать:

И стал мой сон,
как призрак, зыбок.
И, просочась в мое жилье,
Ко мне вскочило
на загривок (?!)
Уединение мое.

Когда вы перечитаете все стихотворение, то поймете, что автор хотел сказать здесь о тоске и муках одиночества. Но при чем тут «уединение», вскочившее «на загривок»? Да все при том же, что хочется сказать «позаковыристей», тянет на что-то значительное, но оседлать Пегаса, оказывается, не так-то просто...

Однако автор не робеет — действует, что называется, напролом. И превращает иное стихотворение в целый каскад образных... не то ребусов, не то автопародий.

Мне не зрелую грушу
И не спелую вишню.
Застегнуть бы мне душу
Желтой пуговкой пижмы,
Чтобы взятое в вожжи
Это легкое лето
Сохранить в себе дольше
И не выронить где-то.

Здесь чуть ли не каждая строчка несет в себе словесную необязательность, логические неувязки, алогизмы. Как понять противопоставление «зрелой груши» и «спелой вишни» этой «пижме», играющей роль «пуговки», застегивающей душу? И что сей образ «пуговки» души значит?.. Словом, вопросам несть числа.

Мастер на выдумки и автор другой, тоже не первой уже книги «Прощальная листва» Иван Малохаткин.

Вспоминая детство и юность, он находит такой образный поворот: «Ах, да что там, други, годы нас вращают...»

Есть в арсенале Малохаткина и почудней «находки». Так, в том же стихотворении у него любимая девушка «чуть глазами водит, слитыми с весной». У него и «конь бежит, копыта грея...», и шрам у человека «на виске висел наискосок», и даль «привстала» (?!). Еще более невероятно ведут себя брызги дождя — «в степи, на даль облокотясь (?!), они висели». Тут и «кудлатые утесы», которые глянут автору «по-рязински в глаза», а бывшие фронтовики при встрече друг с другом почему-то «трутся изморщиненными лбами...» Вот уж воистину словечка в простоте не скажет!

Переживания поэта порой напряженно экспрессивны, накалены до предела. Вот как пишет он об утренней заре: «...И, как от близких ран, пахнет мне в душу кровью заревой, да так, хоть цепеней иль зверем вой». А речь всего-то и шла, что о тумане, о «золоченых ветках» — словом, ничего сколько-нибудь тревожного или горестного в помине не было. Откуда же это «виденье» «крови заревой» с готовностью «цепенеть» «иль зверем выть»?! Как говаривали далекие наши предки: «Темна вода во облацех»...

А если говорить серьезно о стихах Л. Гержидовича и И. Малохаткина, в них много общего. При недостаточной эстетической грамотности и неразвитом вкусе оба автора жаждут «говорить красиво», «литературно», а приводит это к весьма причудливым деформациям смысла, к дурной литературщине. Слишком вольно и неумело обращаются они со словом, слишком недуманны их образные решения.

И последнее недоумение: как случилось, что книги такого низкого уровня изданы?

Вл. ЗАЛЕЩУК

Леонид Гержидович. «Таволга». Стихи. Кемеровское книжное издательство. Кемерово. 1979.

Иван Малохаткин. «Прощальная листва». Стихи. Приволжское книжное издательство. Саратов. 1979.

Есть у любимого мной писателя Виктора Петровича Астафьева повесть, удивительная по совершенству формы и по чистоте света, идущего от нее. Это «Пастух и пастушка». При всей разности оценок, критика отдает должное емкости повествования о народном подвиге. Читая ее, чувствуешь, что Виктор Астафьев горячо любит не только тех, о ком он пишет, но и тех, для кого пишет, к кому обращается с глубокой верой в способность каждого стать лучше, больше, человечнее себя нынешнего.

В одном из интервью писатель вскользь упомянул, что носил в себе эту повесть целых 14 лет. Хотелось бы узнать, почему понадобились годы и годы, прежде чем этот замысел оказался исполненным! И еще. Почему он, глубоко реалистический художник, создавший «Царь-рыбу», «Последний поклон», написал «Пастуха и пастушку» в классических традициях романтического жанра! В творчестве Виктора Астафьева это мне кажется явлением исключительным.

М. ПРИЛЕПИН,
доктор технических наук
МОСКВА

Виктор
АСТАФЬЕВ:

ПРО ТО, О ЧЕМ НЕ ПИШУТ В КНИГАХ

Получив это письмо, корреспондент «ЛГ» В. Помазнева обратилась к Виктору Астафьеву с просьбой ответить на вопросы читателя.

— Замысел всегда возникает по-разному, — сказал писатель, — по-разному происходит и его воплощение. И, видимо, тут невозможно найти какое-то арифметическое решение. Но все же при всей случайности возникновения замысла «Пастуха и пастушки» вижу в этом в то же время какую-то определенную закономерность, но «закономерность» эта опирается на мое индивидуальное мировосприятие, и если герой повести Борис Костяев задает «исключительнейший» для того времени вопрос: «зачем жить?» и сам себе отвечает: чтобы «убивать или быть убитым», то, стало быть, подобный вопрос возникал у меня, может, и не в такой категоричной форме, однако у меня хватило сил преодолеть страшную бездонность этого «вечного» вопроса. Но почему бы не предположить, что среди массы людей случился этакий «несвоевременный» герой, кого измучила тяжесть современного бытия, у кого кость и кожа оказались такими же тонкими, как у героев произведений прошлых времен, и ему не по силам оказалась вся чудовищность происходящего? (Не будем говорить «слабее», слабость у подобных людей часто бывает весомей иной «сильности» — мне лично «слабый» Рудин куда как дороже многих «сильных» современных героев литературы и, думаю, что на слабостях рудиных набирались и набираются силы и ума многие современные настоящие супергерои.)

Вот я и попытался в меру своих сил (я отчетливо сознаю, что их не хватило) разобраться в сложности вечного вопроса, в отличие от моих будущих критиков зная, что это всего лишь попытка, не более. Как я могу решить на площади семилистной повести то, чего до сих пор не решила вся многовековая литература, над чем больно и тяжело бьется человеческая мысль, и само решение этого вопроса и служит поступательному движению мысли? Право же, наша критика в крайностях своих порой достигает запредельных высот!

Задача, которую я ставил, была куда скромнее — разобраться хотя бы в одной человеческой душе, которая была слабее того времени, а которое создалась, слабее, но не грубее.

Что, если родители «перевоспитали» своего сына, что, если он чувствовал несколько «чувствительней», чем мы, грешные, что, если романтическое начало носило в Борисе характер не внешний? Что, если просто человек устал смертельно и ему уже сама смерть кажется избавлением от этой усталости и мук? Мне хотелось несколько упредить время и сказать, что наступят дни, не могут не наступить, когда образование, культура приведут, не могут не привести человека к противоречиям с той действительностью, когда люди убивают людей. Не моя и не героя повести вина, а беда, коли действительность, бытие войны раздавили его. Быть может, замысел опередил события и времена, но это уже право автора — распорядиться замыслом. Хотя бы им...

Все началось, помнится, так. Я работал на областном пермском радио корреспондентом по Горнозаводскому направлению и однажды, едучи в город Кизел — центр угольного бассейна, совершенно для себя неожиданно проспал свою остановку и с испугу вышел на каком-то глухом разъезде с пачкой сигарет и книгой «Манон Леско» в кармане. Забравшись на гору, я целый день читал эту книгу и курил. Был осенний солнечный день, вдали меланхолично дымились копры, тихая гористая земля, ископанная, исковырянная человеком, подрытая, подернутая желтой травкой, испластанная пнями спиленных лесов по косогорам, исполосованная электро- и всякими другими линиями, грустно молчала под тихим тоже синеньким небом, по которому растекалась дымная муть и, словно бы не решаясь грязнить вечную, синюю небесную печаль, отслаивалась от неба, приникала к хребтам, оседала на них.

Чем-то древним и грустным прошибало и это промышленное «небо», и эту уральскую землю, изрытую, пустынную, из недр которой люди добывали уголь, руду и всякую всячину, необходимую для того, чтобы крутить колеса заводов и машин, строить и сносить, садить и рубить, и поскольку самого человека нигде на этом унылом разъезде видно не было, в сердце ныло от только что прочитанной книги, поведавшей о страдальческой и прекрасной любви кавалера Де Грие и ветреной Манон, ветреность которой, впрочем, не была оскорбительна, отталкивающа, а наоборот, даже манища, то и возникла во мне тоска по человеку чувства, что ли. «Неужели мы разучились любить и страдать так же возвышенно, чисто, «до смерти», как в те давние годы любили вот эти двое, скорее всего выдуманные аббатом Прево?» — такой или примерно такой вопрос я задавал себе тогда, а писатель, да еще молодой, задавши себе вопрос, немедленно захочет на него получить ответ. А так как вопрос-то возник «вечный», то и ответа на него не было, надо было искать его в жизни людей окружающих и тех, что были с нами и до нас...

Началась внутренняя и довольно мучительная работа, появлялись какие-то образы, герои, заготовки будущей повести, сюжетные ходы и выходы, сперва смутно, а потом все ясней и ясней вырисовывалось строение будущей вещи, на строении этом появлялись крыша, и труба, крылечко, окна, и в окна эти даже живые люди стали выглядывать. Я уже знал повесть «наизусть», но нет, чего-то еще недоставало мне, чтобы начать ее «выкладывать на бумагу», какого-то внешнего толчка или внутренней потребности садиться и писать именно эту, а не другую вещь. Еще ее возможно было не писать. Так как писать вообще трудно, а трудности этой работы виделись заранее, то я оттягивал, отдалял, как мог, так называемые «муки творчества», которые, увы, существуют на самом деле, а не только в воображении ироничных сатириков и веселых юмористов.

Действительно, эту маленькую повесть я носил в себе 14 лет.

А потом однажды сел и написал ее черновик.

Славно и сильно работается, когда вещь выношена до мелочей, когда она измучила тебя и озлила до того, что, освобождаясь от нее, ты чувствуешь облегчение от гнета, ощущаешь в себе светлую пустоту и свободу и, как мать, дивуешься на малое, беспомощное дитя, чуть пищащее беззубым ртом, глядящее бессмысленным, туманным взором, напоминающее красную, голую, ровно бы обваренную зверушку с криво завязанным крупным пупком, в середине которого насохла, запеклась вся родительская кровь. Ой, как много еще надо сделать, чтобы из этого, чуть шевелящегося, полуслепого и беспомощного дитяти получился человек, чтоб он встал на ноги и пошел в люди...

Далек и сложен путь книжки к читателю, путь, чем-то похожий на человеческую судьбу, и не случайно, видать, получилось у меня это сравнение.

Я где-то понимаю графоманов и не удивляюсь их упорству в труде — они ведь тоже переживают радость творчества, восторг ожидания, а что получается дитя уродливое, порой без глаз и носа, это уж дело шестнадцатое — свое дитя прекрасней всех, так же как и «моя мама всех красивше».

Черновик повести я написал за три дня. Я не говорю о голове и сердце, в каком они были состоянии, могу сказать, что даже рука у меня занемела в кисти и на пальце получилась мозоль от ручки.

«Так писать нельзя!» — говорили мне добрые люди. И я сам знаю, что нельзя, но иначе не умею. Слоняюсь месяцами, ничего не делаю, убеждаю себя научиться работать и отдыхать планомерно, однако как дело доходит до работы,— все полетело вверх тормашками: и сон, и покой, и добрые намерения.

В общем-то, все работают по-разному. «Всяк дурак по-своему с ума сходит»,— вот и все, что я могу сказать о работе писателей, которых я знаю. Вижу и знаю теперь, проработав в литературе почти тридцать лет, что учить писать — занятие бесполезное, это ничего не дает. Каждый добывает свой опыт самостоятельно. У всех ведь свой характер и темперамент, дурость — и та своя! И от нее, от дурости-то, да еще от многих, непонятных вещей и происходит то, что называют уважительно «тайной творчества», и, не боясь повторений, добавлю: тайне творчества так же не проста и дает такое же редкое счастье, как тайна рождения человека.

Разрешившись черновиком в сто двадцать страниц, совершенно обалделый и счастливый, я оглянулся вокруг и обнаружил, что нахожусь в деревне Быковке, в своей избе, которую думающие обо мне хорошо городские знакомые именовали дачей, что в избе этой давно не топлено, что на часах десять утра и, значит, последнюю ночь я вовсе не ложился спать (нехорошо, жена ругаться будет), но ее, жены, слава богу, нет, и я один, и что хочу, то и делаю. «Грр-оми захватчиков, оры-бят-а-а!» — заорал я первое попавшееся в голову и стал затапливать печку.

Дрова сухие, березовые, печка железная, колено трубы вставлено в раструб русской печки — гудит сооружение огнем, потрескивает, и в избе веселей и теплей делается.

И тут я услышал громкие рыдания во дворе — в порыве творчества забытый мной пес, мой Спирька ревел на всю деревню, запертый под крыльцом. Я побежал во двор и услышал, как Спирька бьется в своей каюте, которую чаще зовут, как отец мой, «просоленный моряк», губвахтой.

Я отворил дверцу, и, чуть не сбив меня с ног, выпущенный с «губвахты» Спирька бросился на меня и от радости и счастья поцарапал мне когтями брюхо.

Я был довольный и счастливый, заголил рубаху и спросил: «Что ты, зверь, делаешь?» Спирька лизнул меня в брюхо своим горячим сиреневым язычищем и впереди меня ворвался в дом и загремел тарелкой, в которой я приготовил ему еду, но забыл вынести.

А потом я повез повесть в Москву, показать ныне уже покойному другу.

ВОЛОГДА

«БОРОТЬСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЬ...»

К 100-летию со дня рождения Александра Вермишева

В НОЧЬ на 25 октября 1917 года, перед началом штурма Зимнего дворца, командир одного из красногвардейских отрядов обратился к бойцам со стихотворным призывом:

За революцию —
народную святыню!
Застыл зловещим
призраком дворец..
Вперед, на штурм!
Последняя твердыня
Перед тобой,
Красной гвардии боец.

Это был Александр Вермишев, и именно ему, участнику штурма, Петроградский военно-революционный комитет поручил организовать охрану сокровищ Эрмитажа, ставших народным достоянием.

Жизненный путь Вермишева типичен для профессионального революционера: студенческая организация РСДРП, агитационная работа на заводах, создание подпольной типографии и аресты — одни за другими, а затем ссылки и тюрьмы, карцер, одиночка в печально знаменитых «Крестах»...

— Вы заканчивали университет? — спросит его на последнем допросе белогвардейский генерал Мамонтов.

— Да, и Шлиссельбургскую крепость тоже, — последует в ответ...

В царских тюрьмах написаны Вермишевым многие стихи, а также рассказы, статьи, памфлеты. В тюремной камере по горячим следам событий родился замысел его первой пьесы «За правдой» о трагедии «кровавого воскресенья». И за эту пьесу он был снова брошен в тюрьму.

«Поэты — это горнисты, зовущие к бою...» Этот афоризм Вермишев занес в свою рабочую тетрадь пропагандиста. Однако сам он не только звал к бою, но и неизменно оказывался в первых рядах бойцов, оказывался там, где было труднее всего. Так было и до революции, и в Октябрьские дни. И сразу после Октября мы видим его в Петрограде в заботах о продовольствии, топливе, транспорте. Посылая в апреле 1919 года В. И. Ленину только что законченную пьесу «Красная правда», Вермишев пишет: «Производя работы по транспорту, я отнял у себя семь ночей и написал эту пьесу для пролетарского театра». Пьеса шла не только в Петрограде, но и в Москве, Саратове, Пензе, Ростове-на-Дону... Сам Вермишев, к тому времени политический комиссар пехотного батальона, защищавшего Елец, репетировал «Красную правду» в самодеятельном красноармейском театре, но репетицию прервал возглас:

— В ружье!.. В тылу мамонтовцы!

Так начался 31 августа 1919 года последний бой Вермишева...

Когда Вермишев уезжал на борьбу с Деникиным, Российское телеграфное агентство (РОСТА) сделало его своим корреспондентом. И он присылал материалы регулярно. Писал их в редакциях красноармейских газет, писал в окопах, в разведке и даже «в разгар боя». Однажды, тяжело раненный, едва придя в сознание, он кровью написал яростные строки:

Нам не помогут ни бог,
ни Конфуций,
К дьяволу приторные слова,
Ведь позади Москва,
Нам больше некуда
отступать,
Нас призывает
Родина-мать.

С такими же словами обратился к защитникам Москвы политрук Клочков осенью 1941 года. Он не цитировал Вермишева, но он жил теми же мыслями, теми же чувствами. Тот же долг перед революцией, перед народом, перед страной руководил им.

В бою под Ельцом Вермишев был схвачен мамонтовцами. Последние его слова были: «Да здравствует Красная Армия и ее завоевания! Да здравствует власть Советов! Да здравствует товарищ Ленин!».

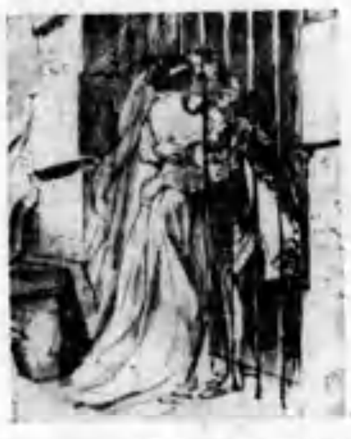
«Тов. Вермишев, член Коммунистической партии, неустанно работал на пользу революции среди красноармейцев и рабочих... Он шел первым туда, где грозила наибольшая опасность, где слабые товарищи нуждались в поддержке и духовной помощи», — писала вскоре после смерти Вермишева орловская газета «Известия».

Прочитав некролог Вермишеву в «Еженедельнике «Правды», В. И. Ленин распорядился: «В особую папку и переплести».

Прошли годы, и в историческом отдалении жизнь Александра Вермишева предстает как легенда. Жива память о нем, и живы в памяти его стихи, звучащие сегодня как завещание революционера и поэта:

Бороться, чтобы жить,
И жить, чтобы борьбою
Свою же жизнь,
борьбу свою продлить.

Светлана **МАГИДСОН**



Н. ПРОЖОГИН

АРХИВ «ЛГ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ БРЮЛЛОВА

В РИМЕ в старинном доме на набережной Тибра живет художник Григорий Иванович Шилтян. Там же находится его мастерская, где, несмотря на почтенный возраст, он ежедневно работает — пишет картины и портреты, рисует, делает гравюры, а иногда занимается и литературным трудом: его перу принадлежит трактат о живописи, в котором он люто воюет с модернизмом, и автобиографическая книга «Мои приключения».

Приключений на долю Г. И. Шилтяна выпало действительно немало. Много десятилетий назад он, уроженец Нахичевани под Ростовом-на-Дону и ученик московской гимназии, оказался за границей, долго бедствовал, прежде чем завоевать себе признание. Через всю жизнь пронес он трогательную привязанность к русскому искусству, страстным пропагандистом которого и сейчас выступает в Италии.

В его уютной и гостеприимной квартире часто бывают люди, приезжающие из Советского Союза. Григорий Иванович увлекательнейший рассказчик. Есть что порассказать и его жене Елене Абрамовне. В молодости она, например, подолгу гостила у А. М. Горького в Сорренто. У Шилтянов хорошее собрание живописи — работы как самого хозяина, так и старых итальянских мастеров. Недавно эта коллекция пополнилась двумя великолепными рисунками К. П. Брюллова, являющимися, очевидно, иллюстрациями к какому-то, пока не установленному, литературному произведению.

Появление брюлловских рисунков в доме Шилтянов имеет свою долгую историю.

Как-то вечером я рассказывал Шилтянам о своих поисках оставшихся в Италии работ Брюллова, который прожил в этой стране в общей сложности около пятнадцати лет и умер в Риме. Григорий Иванович внимательно слушал и вдруг сказал:

— В Италии должно быть немало и других произведений этого замечательного художника. Я тоже видел в одной частной коллекции два его рисунка.

— Где, когда? — вырвался у меня вопрос.

— Я хорошо помню это, потому что чувство, испытанное при виде брюлловских рисунков, отвечало моему настроению в то время, — как всегда аккуратно выговаривая все буквы русских слов, отвечал он. — Шла война. Мы жили тогда на севере Италии, на берегу озера Гарда. Однажды мы были в гостях у жившей по соседству графини Турати. Я уже тогда плохо слышал и поддерживать долго разговор было для меня утомительно. Поэтому я уединился, сев в углу на диван. Чтобы я не скучал, хозяйка принесла мне большую папку с коллекцией рисунков. В основном это были работы итальянских художников прошлого века. Я рассеянно перелистывал их, когда неожиданно увидел подпись Карла Брюллова. Это очень меня взволновало. Я тогда, конечно, еще не мог знать, что мой младший брат — композитор Константин Шилтов, погиб под Москвой, сражаясь в народном ополчении. Рисунки Брюллова показались мне приветом с родины...

Надо сказать, что к теме войны Григорий Иванович возвращался в разговорах неоднократно. Помню, как он рассказывал о том, как впервые услышал о разгроме гитлеровских войск под Сталинградом. Это было в Риме, в квартире Т. Л. Толстой-Сухотиной. Поздно вечером поймали по радиоприемнику передачу последних известий из Лондона. «Передача давно окончилась, а мы продолжали сидеть молча. Когда я поднял голову, то увидел, что у всех, как и у меня, на глазах слезы. Это были слезы облегчения».

Подобные чувства испытывали многие русские люди за рубежом. Дочь поэта Вячеслава Иванова, также живущая в Риме, при первом нашем знакомстве сказала: «Меня увезли из России еще совсем маленькой девочкой, и я ее почти не помню. Но когда объявили о нападении Германии на Россию, я почувствовала себя так, словно мне в сердце вонзили что-то острое...».

Но вернемся к Брюллову. Отвечая на мои расспросы, Григорий Иванович говорил, что «это были очень красивые рисунки» и что, «кажется, они иллюстрировали сцены из романа Алессандро Мандзони «Обрученные».

Известно, что К. П. Брюллов был лично знаком со многими писателями и поэтами, как русскими, так и итальянскими. В Риме он познакомился и с Вальтером Скоттом, приходившим в его мастерскую смотреть картину «Последний день Помпеи». Вернувшись в Россию после первого пребывания в Италии и остановившись в Москве, Брюллов познакомился с А. С. Пушкиным. «Я успел уже посетить Брюллова... он настоящий художник, добрый малый...» — писал Наталье Николаевне поэт, не раз с восторгом отзывавшийся о его творчестве. К числу лучших брюлловских работ относятся портреты И. А. Крылова, Н. В. Кукольника, В. А. Жуковского. Кстати, последний был написан специально для того, чтобы после розыгрыша в лотерею на вырученные деньги выкупить из крепостной неволи Т. Г. Шевченко.

Из воспоминаний о Брюллове, оставленных его современниками, видно, что он любил читать и слушать чтение.

«В один из... вечеров кто-то привез только что вышедшего из печати «Ревизора» Гоголя, — писал скульптор Н. А. Рамазанов. — Когда он был прочитан, Брюллов был вне себя от восторга. «Вот оно — натура», — говорил он и сам начал читать его вслух, говоря за каждый персонаж особенным голосом. Весь этот вечер был посвящен Брюлловым «Ревизору» Гоголя».

В дневнике А. Н. Мокрицкого, ученика Брюллова, есть, в частности, такая запись: «...Он удержал меня, просил остаться почитать ему «Джулио» (речь идет о пользовавшейся в то время большим успехом драме в стихах Н. В. Кукольника «Джулио Мости». — Н. П.), говоря при том, что он нарочно не читал далее, чтобы не одному наслаждаться».

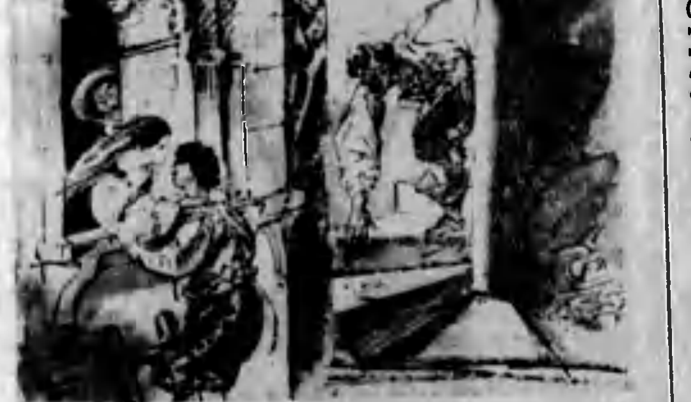
Привычку слушать чтение, неоднократно отмечаемую Мокрицким, художник сохранил до конца жизни. В. В. Стасов, рассказывая со слов очевидцев о смерти Брюллова, писал: «В один из этих дней, 23 июня (1852 года. — Н. П.), после обеда, он сидел и курил сигарку, как всегда, когда ему было немного лучше; слушал, что ему читал... один из двух молодых людей, никогда его не покидавших и читавших ему днем, чтобы рассеять и занять его, ночью, чтоб дать ему задремать, потому что много уже времени он не мог спать...».

Не удивительно, что в живописных полотнах Брюллова наряду с библейскими и мифологическими сюжетами нередко встречаются исторические и чисто литературные реминисценции. При работе над «Последним днем Помпеи» он широко использовал описание гибели этого города в письмах Плиния-младшего к Тациту. Сюжет картины «Смерть Инесы де Кастро» взят из произведения классика португальской литературы Камоэнса, а «Бахчисарайский фонтан» — из поэмы Пушкина.

Однако книжной иллюстрацией Брюллов занимался мало, если не считать набросков, которые он, как вспоминал другой его ученик, Г. Г. Гагарин, часто делал, слушая чтение. Наиболее известна иллюстрация, скорее даже жанровая сценка, заимствованная им из повести Пушкина «Арап Петра Великого». Но в обширном графическом наследии Брюллова собственно книжные иллюстрации можно перечесть по пальцам. Правда, к тем из них, что хранятся в советских музеях, следует добавить еще несколько рисунков, находящихся в Риме в собрании потомков Анджело Титтони, в загородном доме которого в местечке Манциана скончался художник. Они изображают сцены с солдатами в средневековом облачении. Услышав от Шилтяна ссылку на Мандзони, я было подумал, не относятся ли и они к числу иллюстраций к «Обрученным». Однако при отсутствии других сведений ничто не позволяет утверждать, что Брюллов когда-либо иллюстрировал этот роман.

Поначалу Григорий Иванович говорил, что разыскать виденные им во время войны рисунки теперь трудно — ведь прошло столько лет. Старая графиня Турати умерла, ее дочь вышла замуж, на озере Гарда бывает лишь летом, да и то не каждый год. Но с тех пор все разговоры между нами неизменно возвращались к Брюллову и его рисункам, так что Елена Абрамовна даже прозвала нас «брюлломанами».

Однажды я возил Григория Ивановича в дом Титтони смотреть находящиеся у них картины Брюллова. Вскоре после этого он позвонил мне по телефону.



— Знаете, я ведь разыскал дочь графини, — услышал я в трубке его радостный голос. — Она живет в Милане, но при случае, когда будет на озере Гарда, обещала поискать брюлловские рисунки.

Рисунки, по счастью, нашлись, и владелица изъявила готовность уступить их Шилтяну при условии, что он напишет ее портрет. Григорий Иванович обещал сделать это, да все мешали ранее намеченные творческие планы и заказы, недостатка в которых он не испытывает.

Так прошло еще несколько лет. После продолжительной работы в Риме наступило время моего возвращения в Советский Союз. Прощаясь с Григорием Ивановичем, я уже почти безнадежно еще раз напомнил ему о рисунках Брюллова.

— Вы же знаете, — оправдывался он, — что я работаю над натурой, с моделью очень тщательно, не так, как некоторые современные художники, у которых не поймешь, где нос, а где уши. Для того чтобы написать портрет, нужно найти время...

Но вот в Москве я получаю по почте пакет, густо обклеенный итальянскими марками и надписанный знакомым крупным почерком. В пакете — фотографии и письмо: «Я, как всегда, завален работой. В Риме выставлялась моя большая антивоенная картина «Атомная смерть», которую вы видели в подмалевке. Но я сдержал свое обещание и отправился на озеро Гарда, где исполнил портрет красавицы Людмилы Муньони-Турати, а теперь уже возвратился в Рим с двумя (вернее, тремя) рисунками Брюллова, фото которых вам посылаю. Рисунки видел профессор Фальди (в то время директор римской Галереи современного искусства. — Н. П.), который пришел от них в восторг...»

Даже по фотографиям было видно, что рисунки действительно очень хороши. Они сделаны необыкновенно легкой рукой, живо, непосредственно и настолько выразительны, что в отличие, скажем, от рисунков, находящихся у Титтони, по ним можно уловить сюжет литературного произведения.

На первом — двое влюбленных целуются через разделяющую их решетку ворот. На другом листе — два рисунка, условно отделенных друг от друга террасой с балюстрадой и деревьями за ней. На левом — юноша, стоящий на прислоненной к стене лестнице. Молодая женщина, склонясь из окна, положила ему руку на плечо. За нею видна голова заставшего их мужчины в широкополой шляпе. На правом — тот же мужчина, спускаясь по винтовой, очевидно, устроенной в башне, лестнице, замешкался, наклоняясь к оброненному письму. Ниже на лестнице — убегающие от него юноша и молодая женщина.

Все три рисунка подписаны: один инициалом имени и полной фамилией — «C. Brulloff», на двух других — монограммы «C. B.». По два раза повторяется обозначенный римскими цифрами год — 1832-й, и место исполнения — «Como». На озере Комо под Миланом имела виллу близкий друг Брюллова графиня Ю. П. Самойлова. В 1832 году он писал ее портрет, находящийся ныне в США, в музее города Сан-Диего, и портрет ее воспитанницы — хорошо известную «Всадницу» из собрания Третьяковской галереи. Возможно, они вместе читали какую-то книгу, она понравилась им, и, легко вдохновлявшийся и в таких случаях быстро работавший Брюллов там же сделал эти рисунки.

То был счастливый период в жизни и творчестве художника. В том же 1832 году он приближался к завершению работы над прославившей его картиной «Последний день Помпеи». Но в этих проникнутых духом романтизма рисунках он еще дальше, чем в ней, уходит от канонов академизма.

Недавно, будучи вновь в Риме, я в первый же свободный вечер пошел к Шилтянам. Григорий Иванович торжественно вынес свое новое приобретение. Выполненные золотистой сепией на тонком белом картоне, довольно большого формата (26×21 см и 22×32 см), прекрасно сохранившиеся рисунки оказались еще лучше, чем можно было предполагать по фотографиям.

— Сейчас мне трудно с ними расстаться, — сказал Григорий Иванович. — Но я решил, что завещаю их Третьяковской галерее, дирекция которой аккуратно поздравляет меня с Новым годом.

Такие знаки внимания с родины ему всегда очень дороги.

...Эпизодов, изображенных на рисунках, в романе А. Мандзони «Обрученные» нет. Быть может, эта публикация поможет установить имя автора и название произведения, которое они иллюстрируют.

РИМ—МОСКВА

ПОЧТА БУКВОЕДА

«Хотелось бы сыграть Андре Дюруа из «Милого друга» Мопассана, — рассказывает популярный актер. — Этот герой давно занимает мои мысли... Но есть ли он в творческих планах режиссеров!..» («Московская кинонеделя», № 24, 1979).

Думаю, что нет. Ведь и у Мопассана нет Андре Дюруа. «Милого друга» зовут Жоржем.

Д. ТЕМКИН

МОСКВА

• • •

«...В 1790-м вольный казак Емельян Пугачев прошелся по necветным оренбургским степям...» — сообщается в молодежном журнале под рубрикой «Силуэты».

Куда больше, однако, подошла бы для этого сообщения рубрика «Призраки». Ведь Емельян Пугачев был казнен в 1775 году, за полтора десятилетия до упомянутых здесь событий.

В. ОВСИЩЕВ

ЛЕНИНГРАД

• • •

В заметке краеведа А. Перова «На валу, у ворот...» («Нева», № 3, 1979) описан памятник, установленный на месте казни декабристов, — девятиметровый гранитный обелиск. «На нем... пушкинские строки из послания декабристам в Сибирь («Товарищ, верь...»)..»

Стихи А. С. Пушкина из послания «К Чаадаеву» (1818 г.): «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...» — незачем было посылать в Сибирь. В кругу будущих декабристов они были хорошо известны задолго до восстания. В Сибирь же Пушкин послал другие стихи — «Во глубине сибирских руд...».

В. ГИНЗБУРГ

ДНЕПРОПЕТРОВСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. В. ГОЛЯВКИНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по детской и юношеской литературе направили Виктору Владимировичу Голявкину приветствие, в котором говорится:

«Трудно найти в нашей стране ребят, которые не знали бы Ваших талантливых, веселых и одновременно столь серьезных повестей и рассказов. Многие из них по праву вошли в золотой фонд детской литературы. Любимым чтением миллионов мальчишек и девчонок стали сборники Ваших рассказов «Тетрадки под дождем», «Наши с Вовкой разговоры», «Мы играем в Антарктиду», «Как я встречал Новый год», повести «Мой добрый папа», «Рисунки на асфальте». В последнее десятилетие Вами созданы новые яркие, умные книги «Ты приходи к нам, приходи», «Один, два, три...», «Полосы на окнах», «Карусель в голове».

Ваши книги учат ребят без поучений доброте, благородству, мужеству.

Художник по образованию, Вы прекрасно сопроводили рисунками многие свои произведения».

А. Е. ЕКИМЦЕВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и совет по детской и юношеской литературе направили Александру Ефимовичу Екимцеву приветствие, в котором говорится:

«Ваш поэтический талант посвящен юному поколению. Для наших ребят Вы создали много стихов и поэм, которые приобщают даже самых маленьких к большим и серьезным проблемам жизни.

Малыши любят Ваши книжки «Десять добрых тропок», «А мы реку встречали», «Ехал дождик на коне», «Кому чего хочется», «Что творится за лесами».

О героях — партизанах минувшей войны поведала Ваша поэма «Брянский лес». Сборники «Дедушка Туман» и «Фронт над облаками» стали как бы итоговыми перед новой поэтической дорогой».

• • •

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Алексей СУРКОВ

Бессонница

1.
Как с возрастом свыкаться нелегко —
Ступени лестниц не считать вприпрыжку,
Пить вместо цинандали молоко,
Таить в груди проклятую одышку.

Носить маститости постылый чин,
Сомнительное седины величье
И за китайской грамотой морщин
Былое не угадывать обличье.

Друзей старинных узнавать едва,
Не ввязываться в споры, как обычно,
И каждый день выслушивать слова,
Что ты, конечно, выглядишь отлично.

2.
Все кажется, что мускулы крепки,
Что сердце гонит кровь по-молодому,
Но возраст инеем покрыл виски,
И, как ни тщись, не будет по-иному.

И все не переделаешь дела,
И сном, как прежде, не сотрешь усталость.
Порадуйся, что прежнего тепла
Хоть капелька еще в душе осталась.

За осенью всегда идет зима.
Таков закон. Оспаривать не будем.
Лишь только бы не выжить из ума,
Не стать в конце дороги в тягость людям.

3.
Вот август подоспел вослед июлю.
Пошли дожди. Отхлынула жара.
Что ж, старина, позолотить пилюлю,
Приспела долгожданная пора.

Не радость—старость. Это, в общем, верно.
И будто в воздухе не тот озон.
Но разве все вокруг темно и скверно?
И вешать нос на квинту есть резон?

Да, молодость крылата и задорна.
Да, зрелости под силу все дела,
Но мудрых мыслей золотые зерна
Судьба в награду старости дала.

Владимир ЦЫБИН

Травы детства

В день мой високосный
даль пахнет порою
пересыпью росной,
мятою сырою.
Большаком ли, тропкой,
а вернусь согреться
из чужбины теплой
я на травы детства.
Вот покинул грустно
большаки державы,
выбежали грустно
мне навстречу травы.
— Опоздал ты! — в рани
тихо объявили. —
Торопился к маме,
а пришел к могиле.

Все спешил, став старше,
через век суровый —
вновь я опоздавший
к горести отцовой.
Отдал сердце зною
и дорогам новым,
а пришел с виною
к двум крестам сосновым.

Дням неназваниться,
если на закланье
отдан травам детства,
отдан травам рани.
Боль моя стоуста —
горше нет на свете:
— Так же ли неужто
нас покинут дети?..
Стало все иначе —
устремленный в отдаль,
мачехе-удаче
душу свою отдал.
Сиротой у славы
я покинул дали.
Покачнулись травы:
— Кто ты? — не узнали,
словно память воском
залепило ныне,
уходил я к веснам,
а вернулся — к стыни.

По какому краю
грусть свою развею?
И совсем не знаю,
и совсем не верю.
Не меня ль когда-то,
верящего в диво,
провожала мята,
встретила крапива!
Пусть меня встречают
в травах детства весны,
пусть не угасает
день мой високосный...

Леонид МАРТЫНОВ

Под луною

Макушки, и луковки, и лукошки,
И сумки в узорчатой филиграни,
И плитки, но электрические,
И в окошке герани...
И мебель!
Дубовая, она теснится,
Неразрушима.
Мерцает,
Как Фабова колесница,
Автомашина.
Не ново, как видно, ничто под луною
Сияющей, все, что нам снится, одобрив...
А может быть, это не что иное,
Как вспять запускаемый кинематограф.

Виктор БОКОВ

■

Черная графика зимнего сада.
Тяжесть свинцовых, опущенных век.
Яблок не видно, нет листопада,
Падает снег.

Падает снег.
Сад мой в сумерках глохнет,
Крыша под снегом, как совесть, чиста.
Снегом меня засыпает, и слов нет,
Сжаты уста.

Только синица вещает о чем-то.
— Пинь! — уронила и смотрит с куста.
— Как у тебя, дорогая, с ночевкой?
Есть ли места?

— Есть! —
И решительно перелетела
С ветки на ветку, с крыльца на крылец.
С жалобой лезть ко мне не захотела,
Вот молодец!

Борис СЛУЦКИЙ

Работа историка

История — всегда разведка
в былом, но для грядущих лет.
Историк загибает ветку,
чтоб не свернул идущий вслед.
Историк трудится сутуло,
не разгибаясь по ночам,
чтоб эта ветка не хлестнула
вслед движущегося
по очам.
Он пролегает путь кружной
через прошедшее в грядущее,
чтобы прошли — пусть стороной,
пусть по обочине —
идущие.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

Ночной порой

Следил полет звезды падучей
Пастух овечьего гурта.
Река, беснуясь, как в падучей,
Ревела с пеною у рта.

Гул клокотал в гранитном горле,
И лиловели с двух боков
Вершины сумеречных гор ли
Или громады облаков?

Мы поднимались по спирали,
И, обольщавший, как посул,
Предстал нам вскорости аул,
Где абрикосы поспевали.

Там, под луной, что начинала
По небу путь свой вековой,
Сидел у старого чинара
В седле безмолвный верховой.

А женщина стояла рядом,
Прижавшись к стремени щекой.
И сумрак черным виноградом
Висел над самою лукой.

Николай ГЛАЗКОВ

■

Жить и жить полезней и прелестней,
Чем лекарства смерти принимать.
После продолжительной болезни
Жить и жить мне хочется опять.

Живописны яблони и вишни,
И, беспомощно ложась в постель,
Жить и жить хочу во имя жизни:
Жизнь — не средство, это самоцель!

Увяданье, замерзанье грустно,
Радостно цветение цветка.
Жизнь — это искусство для искусства
Смело устремленное в века!

ДЕНЬ поэзии

Двадцать пять лет назад поэты Москвы впервые отметили свой праздник — День поэзии. С тех пор ежегодно осенним днем выходят они к читателю — в студенческие аудитории и книжные магазины, на эстрады клубов и дворцов культуры. К этому празднику подготовлен 24-й сборник «Дня поэзии», который выйдет в свет в ближайшее время.

Первый, «утренний» раздел открывается раздумьями поэтов о современности; здесь же — стихи молодых, произведения известных мастеров нашей поэзии, созданные ими в юные годы и прежде не публиковавшиеся.

Во втором разделе — ритмы рабочего дня страны, стихи поэтов «о времени и о себе», память о путях, пройденных народом и поэзией.

Третий раздел — лирические диалоги, стихи о любви, иронические стихотворения и пародии.

Через всю книгу проходят рубрики «Наши юбиляры», «В воспоминаниях современников», «Прозаики о поэзии», «Наши публикации».

Читатель найдет в сборнике и критические статьи, посвященные проблемам настоящего и будущего советской поэзии.

Сегодня на этой странице публикуются некоторые произведения, вошедшие в «День поэзии».

Лариса ВАСИЛЬЕВА,
главный редактор
«Дня поэзии»

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

1979

Владимир СОКОЛОВ

■

Небольшой мокрый снег. Гололедица.
Мгла над нивами, холодом сжатыми.
Белый куст, как Большая Медведица
С затаившими дух медвежатами.

Возле дачи с забитыми ставнями,
Окруженной живущими дачами,
Ты стоишь, размышленьями давними
Остановленный и озадаченный.

Нет, так просто душа не развяжется
С тем, что мучит и в воздухе носится.
Все-то думается, все-то кажется...
Но с тебя еще многое спросится.

С нерешительным вьюги не водятся.
Он пустыми сединами метится.

Две лыжни осторожно расходятся,
Чтобы встретиться или не встретиться.

Давид САМОЙЛОВ

■

Усложняюсь, усложняюсь —
Усложняется душа,
Не заботясь о прошедшем,
В будущее не спеша.

Умножаются значенья,
Расположенные в ней.
Слово проще, дело проще,
Смысл творенья все сложней.

■

Что за радость! Звуки шторма
Возле самого окна.
Ночь безумна и просторна,
Непонятна и черна.

Море — тыща колоколен,
Ветер — пуще топора,
И готов валить под корень
Вековые тополя.

Что за радость! Непогоды!
Жизнь на грани дня и тьмы,
Где-то около природы,
Где-то около судьбы.

Виктор КОЧЕТКОВ

Хлеб войны

Колючая выцветь морозного дня.
Январь сорок третьего года.
На тридцатьчетверке, в разводах огня,
В Оскол привели мы свободу.

В стремительной сшибке отброшен был враг
Утихло неистовство грома.
И старый, истыканный пулями флаг
Взметнулся над зданьем райкома.

Продрогшие пленные жались к стенам,
Проход очищая для танков.
И старая женщина вынесла нам
С поклоном ржаную буханку.

И всех нас, любви материнской полна,
Дрожащей рукой осеняла.
На черный свой хлеб вместо соли она
Счастливые слезы роняла.

Бессонною памятью жив человек.
Былое — как минное поле.
Я хлеба того не наемся вовек
С кристаллами жгучими соли.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

■

Над Землею сияет небо,
голубая даль глубока.
Как весною остатки снега,
тают рыхлые облака.
А вокруг — пьянящая нега,
руку милой ищет рука.

Мирно плещут речные воды,
стройный клен шумит за бугром...
Вспоминаю давние годы,
дальнобойных орудий гром.
Было не до красот природы
нам, идущим на бой с врагом.

Но и в гуле пальбы тяжелой
я грустил в одном из стихов,
что жужжали пули — не пчелы —
над простором родных лугов
и цветы увядали в долах,
как невесты без женихов.

Нет, природа не храм, конечно,
не замаливать здесь грехи
но хранить ее должен вечно
Человек — властитель стихий
и, Путем пролетая Млечным,
о Земле сочинять стихи!..

Мы глядим, подымаясь в небо,
с высоты, а не свысока,
как, подобно остаткам снега,
расплываются облака.
И пьянит голубая нега,
и звенит струною строка!

Татьяна СЫРЫЩЕВА

■

Я покупаю семена —
зародыши зеленого.
Ладонь моя полным-полна
народца затаенного.
Он мелок, неказист и прост,
и что уж тут хорошего?
А сколько вспыхнет ярких звезд
из точечного крошева!

Я покупаю семена,
толкаемая жаждою:
пусть будет сплошь заселена
жильцами клумба каждая.
— Прохожий люд, — скажу я, — рви! —
я запаслась терпением.
От прадедов в моей крови
привязанность к растениям.

Я покупаю семена,
без счета деньги трачу я.
Мороз, а на душе весна —
цветистая, горячая.

СТИХИ МОЛОДЫХ

Ненастным ноябрьским утром минувшего года ко мне пришли гости — человек средних лет и крупная девочка с большими темными глазами. Мне показалось, что глаза дрожат — так переменчиво-тревожен их живой блеск.

Гости представились: инженер из Запорожья Виктор Иванович Редькин и его дочь Маргарита.

— Мы в Москве всего на несколько дней. И вот решили зайти, познакомиться. Рита пишет стихи. И уже печатается... Лет ей одиннадцать.

Тонкое подвижное лицо. Серьезное. Умное. Ожидающее. Взяла рукопись, и сразу же такие строки:

Седые гривы поднимали волны,
Затронутые шумным ветерком.
И рты ракушек каждый плеск наполнил
Зернистым и рассыпчатым песком.

Затем прочла другие, и на меня повеяло предрассветной весенней свежестью, чистотой и радостным ощущением, что жизнь стала богаче еще на одного одаренного человека.

В одиннадцатилетней Рите счастливо сочетается задумчивая серьезность и детская непосредственность, словно она одновременно живет в двух измерениях. Но оба эти измерения принадлежат единому, цельному и гармоничному миру — большому и многоцветному.

Девочка отлично учится, рисует, катается на коньках, увлекается вязанием, посещает хоровой кружок. Очень много читает, особенно Пушкина. Горячо любит природу — большинство ее стихов посвящено красоте родной земли.

Стихи ее естественны, как дыхание. Она без них не может обходиться: они живут в ее зрении, в чутком слухе, в потаенной глубине быстро взрослеющей души...

Знакомство наше состоялось. И я с волнением жду новых писем и новых стихов милой гостьи из будущего, стихов, не всегда равноценных, но волнующих и прелестных. И мне хочется, чтобы в этом смогли убедиться все, кто любит поэзию.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

Маргарита РЕДЬКИНА

■

Я окунулась в море ночью сонной,
Когда уплыл далекий горизонт.
За рог луны поддерживали клены
Небесный развевающийся зонт.

Седые гривы поднимали волны,
Затронутые шумным ветерком.
И рты ракушек каждый плеск наполнил
Зернистым и рассыпчатым песком.

Ко мне тянулась лунная дорожка,
И захотелось вдруг по ней пройти,
Чтобы почувствовать совсем немножко
Усталость от бескрайнего пути...

■

На ветках игл, покрытых сединою,
Чешуи шишек серьгами висят.
Под златокорой северной сосною
Лежит лиса с комочками лисят.

Кругом ни звука, вся тайга притихла,
И даже птицы замерли в тиши.
Одна кедровка растрепала иглы
И семена спокойно шелушит.

Бельчонок серый помахал ей лапкой,
Прося кедровку поделиться с ним.
Но вдруг схватил орех с широкой шляпкой
И взвился вверх, как бирюзовый дым.

И тут же птица соскочила с хвои,
Под шубой мха сложила семена.
Не знать кедровке: скоро над землею
На этом месте вырастет сосна.

Владимир УРУСОВ

■

В колючих клубах снежной пыли,
и в дождь, и в безветренный зной
победу свою торопили,
хотели вернуться домой.

Как будто на времени этом
горит ледяная печать.
Лишь травы зеленые летом
шумят и не могут молчать.

А солнце встает над лесами
и падает круто в поля,
где тлеет росой и слезами
омытая кровью земля.

И в этом просторе бескрайнем,
прошедшем сквозь муки и ад,
жизнь кажется маленьким раем,
где каждый чему-нибудь рад.

И долго я народе российском,
бесстрашно прошедшем сквозь смерть,
в глаза своим дальним и близким,
как в небо, мы будем смотреть.

Сергей АНТОНОВ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ПОМНЮ, в начале писательства мне никак не удавалось изобразить влюбленную пару так, как я желал. Лирический рассказ был почти готов в уме, а нужная фраза не давалась. На вид дело было простое: влюбленный парень идет с девчонкой-доярочкой под ручку — только и всего. Парень влюблен по уши. Держит он свою зазнобушку крепко, шагает, неловко [illegible] к ее плечу. И вот — эта простая картинка не получалась. Чем выше залетало воображение, тем корявее выходила фраза.

Примерно в это время мне пришлось ненадолго поехать в деревню (кажется, за материалом для очерка об объединении колхозов). Там я случайно услышал частушку. Первые строчки ее были такие:

Парень девку провожал,
Туго под руку держал...

Это-то коротенькое слово «туго» я и не мог поймать, когда возился над рассказом. Понадобились годы, чтобы понять, что одной из ступеней нашего мастерства является не погоня за бенгальскими эффектами, а умение приноравливать самое домашнее, обиходное слово к поэтическому строю.

Внимательно вслушиваясь в строку полноценного поэтического произведения — в том числе и в народную песню, и в частушку-однодневку, — мы учим не словечки, а постигаем дух родной речи, ее склад и мудрость этого склада.

В стихотворной строке ощущаются дисциплина строгого строя и метра и безудержное, почти безумное стремление слова к уплотнению, к эмоциональной полноте и широте содержания.

Руководя семинаром молодых прозаиков, я заметил любопытную закономерность. Наиболее легко приручают слово те, кто, [illegible], родился в деревне, а [illegible], начинал литературный путь со стихов. У бывшего поэта слово быстрей становится похожим на него самого, ну так, как, например, громогласное слово Маяковского похоже на Маяковского, а царственное слово Ахматовой — на Ахматову.

В наше время настойчивой борьбы за эффективность и качество остро чувствуется необходимость повышать коэффициент полезного действия слова человеческого. Это особенно касается, на мой взгляд, современной беллетристики. Мне кажется, что прозаикам, кроме всего прочего, полезно регулярно принимать небольшую дозу хороших стихов. Поэзия никогда не вредила и всегда помогала своей подруге — прозе.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ОН ВОЕВАЛ СТИХОМ И ПЕСНЕЙ

В 1942 ГОДУ я приехал повидаться со своей семьей в городок Чистополь, ставший ненадолго крупным литературным центром. В Чистополе находились тогда в эвакуации старые писатели и семьи многих писателей-фронтовиков.

Чистополь был тогда невелик, и не мудрено было, что в день приезда я встретился на улице с Пастернаком и Исаковским. Оказалось, они живут в соседних домах. Я получил приглашение на чай и постучался вечером к Исаковскому. Оказалось, что у него за столом уже сидит Борис Леонидович Пастернак. Перед ними на тарелке лежали медовые соты. Человеку, не представляющему себе обстановки военных времен, может показаться странным сочетание этих двух писателей, но я не удивился. Я знал, что недавно уехавший из Чистополя Александр Фадеев соединил здесь своей дружбой самых разных людей.

Во всяком случае, Исаковский и Пастернак сидели за столом в бревенчатой избе, в той части, которая в деревне именуется залом. За дощатой перегородкой тихо разговаривали женщины.

Нет сомнения в различии, во всяком случае — биографии и эстетических позиций, этих двух крупных советских поэтов, но у них были такие общие черты, как предупредительность и внимательность к людям, — вот они и были друг к другу внимательны.

Исаковский пригласил меня за стол, пошутив, что соты на базаре он купил исключительно, чтобы ускорить приобретение пасечником самолета или танка для фронта. Потом и Михаил Васильевич, и Борис Леонидович попросили меня рассказать обо всем, что там — под Москвой и Харьковом. Пастернак вздыхал, [illegible] и ахал, а Исаковский проявил удивительное знание фронтовых дел, куда более подробное и точное, чем мои впечатления.

Понимание военной обстановки было для слабого здоровьем поэта как бы заменой возможности пребывания на фронте. Но была у него и другая возможность воевать, и он ее блестяще использовал. Он воевал стихом и песней. Я знаю, что многие читатели-военные и читатели в тылу полагали и уверенно считали, что Исаковский находится на фронте.

Песни были его представителями на всех фронтах и в тылу. Можно еще сказать, что у Исаковского был на войне свой личный представитель. Конечно же, речь идет о Твардовском. До меня Твардовский успел побывать в Чистополе, и Михаил Васильевич рассказывал Пастернаку и мне, какой радостью была для него встреча с другом.

А теперь его волновало — как там на фронте Саша Твардовский?

Мне запомнились стереоскопически ясно освещенные лучами лампы лица Исаковского и Пастернака. Рассказываю «чистопольцам» о фронтовой жизни...

У нас в редакции газеты «Красная Армия» был один общий мифический герой — «купянский дед». Уж не помню, кто первым пустил в оборот образ старика, выходящего по утрам на платформу станции Купянск (она оставалась в [illegible] нашего фронта) и беседующего с проезжающими в теплушках к фронту и в санитарных поездах — в тыл — красноармейцами.

«Купянский дед» задавал им вопросы, но только сам на все вопросы и отвечал. Он позволял себе весьма острые суждения и нелицеприятную критику. Не только противнику доставалось от него, но и своим.

О «купянском деде» рассказывали все, но Твардовский уверял, что это мировой старик, что он один с ним подружился и ведет наиболее важные и пророческие беседы только с ним.

Если кто-нибудь из сотрудников газеты «Красная Армия» задавал товарищу сложный вопрос, ответ был один: «Спроси у купянского деда!»

Когда я рассказал Исаковскому и Пастернаку об этом нашем возмутителе спокойствия и утешителе, Михаил Васильевич сразу определил: «Сашина работа! Неужели вы не узнали в образе этого купянского старика деда Данилу, любимого героя Твардовского, «вечного» персонажа многих его стихов? Вот вы говорите, что Твардовский называл «купянского деда» мировым старичком. А в стихах про Данилу это уже было:

[illegible] —
Мировой старик».

И Исаковский прочитал на память еще несколько строф из «Данилы».

Позже, в 50-х годах, я напомнил Михаилу Васильевичу о «купянском деде» и Даниле. А он улыбнулся: «Все одно к одному: конечно, фольклорный Данила был у Твардовского разгоном для Теркина. Помнишь, как они оба, по воле поэта, парились в бане?»

Может быть, читающему эти строки покажется странным: встречаются не очень близко знакомые друг с другом поэты в суровое время, а занимаются рассказыванием баек, шуток и анекдотов?

Да, да, да, именно так было. Встречи поэтов не совещания, не симпозиумы, не коллоквиумы, а были б они такими — не стоило б писать воспоминания.

Еще об Исаковском и Пастернаке. В ту пору одному из них шел только пятый десяток, а другому — шестой. Оба были [illegible] увлечены [illegible], считали, что с ними поступили несправедливо, тяжело переживали свою физическую немощь и удаленность от событий войны. И это их объединяло. Что касается взглядов на литературу, эстетических принципов, то не надо представлять Исаковского скучным примитивистом, а Пастернака — злостным усложнителем. Если бы реже поэтов раскладывали по разным полочкам и противопоставляли друг другу, куда больше пользы было б для литературы.

ТЕАТР

ЗА СВОДНОЙ АФИШЕЙ...

Вокруг сезона. Заметки критика

А. СВОБОДИН

ОСЕНЬ, вновь появились сводные афиши, смущающие зрительскую душу. По горизонтали — название театра, по вертикали — день недели, а в точке пересечения — заглавие. Что оно выражает? Сколько букв из алфавита нашей судьбы обнародует на этот раз сцена?

Видимо, многое зависит от точки отсчета, психологической ориентации. И тем не менее решают движение современной пьесы ее актуальность и художественность.

Когда я читаю материалы об экономике и планировании, о сельском хозяйстве, то вспоминаю театр последних сезонов. С его сцены я об этих важнейших проблемах слышал, в дискуссиях о них участвовал. «Человек со стороны», «Премия», «Обратная связь», «День-деньской», «Погода на завтра», «Превышение власти»... Не эти ли пьесы показали публике, что на смену «производственной» драматургии, отличавшейся от «непроизводственной» лишь местом действия, идет драматургия с иным конфликтом? Его не выдумывали, его бесстрашно списывали у жизни. На подмостках поднимались отнюдь не периферийные вопросы...

Но театр есть театр, искусство, трактующее человека. По прошествии нескольких сезонов стало очевидным, что судьба «социологической драмы», как назвал я пьесы этого типа, зависит от того, насколько авторы сумеют, если можно так сказать, очеловечить ее и в то же время театрализовать. Ведь обнажением социальной конструкции бытия зрителя сегодня удивить невозможно. И автор «Человека со стороны» И. Дворецкий пишет «Веранду в лесу», ища сценическую полифонию в традициях чеховской драмы, а автор «Премии» предлагает «Мы, нижеподписавшиеся...». Социологическая драма клонится к жанру психологическому, к парадоксу, к игре. А. Гельман, которого упрекали в излишней публицистичности, просит теперь у режиссеров трагикомических красок для главного героя, а театр у него — более разнообразной характерности в обрисовке остальных персонажей.

Два театра — МХАТ и Театр сатиры поставили в прошлом сезоне «Мы, нижеподписавшиеся...». При полном доверии и правде ситуации — вряд ли найдется в зале зритель, в той или иной форме с нею не встречавшийся, — нас волнует судьба героя, этого (по выражению Ю. Рыбакова) «Дон Кихота из СМУ». Трагический и внутренне эксцентричный образ, созданный на мхатовской сцене А. Калягиным, словно взыскует в одиночестве, остальные персонажи все-таки скорее расцвеченные привычными сценическими красками функции сюжета. Герой А. Миронова в спектакле Театра сатиры менее импульсивен, не «у последней черты», как калягинский, но более строг, целеустремлен и лучше вписывается в ансамбль.

К социологической драме отнес бы я и новый спектакль вахтанговцев, поставивших подкупающую своей жизненной правдивостью пьесу А. Абдуллина «Тринадцатый председатель». Нет сомнения, что за главными персонажами стоят отряды прототипов, стоит наша боль, наши раздумья. Но мы переживаем такое театральное время, когда черно-белая определенность в изображении человека, пусть даже «отрицательного», не удовлетворяет зрителя. Он жаждет художественности, то есть той сложнейшей и все еще таинственной вибрации мотивов и выразительных средств, без которых не передашь на сцене диалектику духовной жизни.

Однако театр — не только спектакли. Там, за названием в сводной афише, — не поставленные, но уже написанные пьесы, и критические статьи, и вышедшие театральные книги, и еще состояние умов, интонация, атмосфера.

В театральном мире всегда ощущается давление различных потоков. Не претендуя на составление карты театральной погоды, попытаюсь выделить наиболее заметные из них.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ в нашей драматургии некая новая художественность или, как обычно, молодые драматурги пишут пьесы, одни лучше, другие хуже?

И вновь из театральной многоголосицы возникают голоса. Одни успокаивающие: ничего особенного, начинающим свойственна горячность, неуклюжесть приемов, это пройдет, придет опыт... Другие — нервные, тех, кто в новой пьесе еще не признанного драматурга обязательно видит (хочет видеть!) пришествие театрального мессии, и тогда привкус театрального сектантства сопровождает автора, вступающего на свое поприще со множеством сложностей, в том числе и искусственных.

Происходит это еще и оттого, что наша «большая сцена» традиционно медленно адаптируется к новым явлениям драматургии. К вампиловской «Утиной охоте» столичные подмостки привыкали десять лет! Сейчас идет вегетативный период привыкания к пьесам Казанцева, Петрушевской, Антохина, Злотникова, в известной мере — Соколовой (хотя ее «Фарятьев» у всех на виду) и других драматургов, еще не показавшихся на театральной поверхности.

И все-таки новая художественность есть.

А. Смелянский называет ее «поствампиловской драматургией», я бы включил сюда и самого Вампилова, тем более что при всей популярности его пьес театр все еще на ближних подступах к их постижению.

В чем же тут смысл?

Наша послевоенная сцена знавала всякий быт. Его попросту не было — театр прошел через свой период «белых телефонов», быт романтизированный, быт назидательный. Быт исчезал в ассоциативных режиссерских построениях, в декоративной игре плоскостей, света и конструкций.

Вампилов принес не демонстративное, а само собой разумеющееся знание быта как факта, но соединил его не с системой «как в жизни», а с системой «как в театре». Вампилов достоверен поразительно и театрален уникально. Театр ищет способ соединения этих начал, как способ дышать.

Есть ли, например, в пьесах представителей «новой художественности» лишь «стенограмма» быта, как пишет В. Комиссаржевский, или, выведя на сцену «людей из нашего подъезда», они нащупали и новую театральность? Есть ли она в пьесах М. Ворфоломеева, например в «Занавесках» и в следующих за нею? Театр на Малой Бронной, поставивший спектакль (режиссер Л. Дуров), не дает ответа на этот вопрос, а вот «Взрослая дочь молодого человека» В. Славкина, поставленная режиссером А. Васильевым в Театре имени Станиславского, по всей вероятности, обнаруживает общие черты «поствампиловской» драматургии. Пьеса, поставленная, кстати, на шестом году своего существования (это к проблеме «привыкания»), рисует быт как естественную среду, в условиях которой автор раздумывает о судьбе поколения середины пятидесятых, его духовных ценностях и социальном темпераменте в сопоставлении с духовным миром нынешних двадцатилетних. Режиссер, добившийся от прозябавших актеров театра студийной свежести игры, находит свою мизансцену и свой стиль.

Возможно, этим драматургам свойствен более спокойный и трезвый взгляд на своих персонажей, и они больше доверяют способности зрителей размышлять над их поступками без назойливой подсказки сцены?

НЕСКОЛЬКО лет назад появление малой сцены было пусть скромной, но все-таки сенсацией. Теперь это стало уже обыденностью.

Что это — мода или потребность?

Конечно, заводить малую сцену там, где уже нечего сказать и на большой, — дело почти безнадежное. И все-таки — чем черт не шутит! — может быть, крошечная сценка с зальчиком на сто—двести мест, точно магическая ампула, вшитая в дряхлеющее тело, вдохнет в него новую жизнь?

Мне кажется, профессиональный театр не может порой не чувствовать усталости от привычного, длящегося десятилетия контакта с публикой большой сцены. Здесь сегодня ее может потрясти художественное откровение. На малой сцене ее согревает интимный контакт с исполнителем. Здесь возможны эксперименты. В известном смысле малая сцена «очеловечивает» и театр, и зрителя. И еще: «малые сцены» легче (сравнительно легче) рождаются, но и легче умирают, так сказать, естественной смертью.

Но не только внутритеатральные поветрия способствуют рождению малых сцен. Есть ветер посильнее — половодье непрофессиональных и полупрофессиональных театров, они стали влиятельным началом культурного самовыражения молодежи. Жажда студий, тоска по студиям, по студийности, в которой и возникают созвучные времени художественные идеи. А. Егоров в статье в «Литературной газете» назвал это движение «жаждой ученичества», я бы прибавил жажду среды, а в художественном смысле — давнее чеховское, треплевское: нужны новые формы!

Как это ни покажется странным, но в нынешнем театре, где так любят повторять: «профессионализм», «профессионалы», «непрофессионально» тянутся к дилетантизму. Когда театр «Современник» в репетиционной комнате играет «Записки из подполья» и «Сон смешного человека» Достоевского (режиссер В. Фокин), то вибрацию этому спектаклю, зыбкую, трогающую зрительскую душу нестабильность игре актеров сообщает «одноразовость» представления, непреходящая прелесть театра.

А под занавес прошлого сезона Театр на Малой Бронной в изысканно оформленном маленьком зале сыграл «Продолжение Дон Жуана» Э. Радзинского (режиссер А. Эфрос). Известные актеры А. Миронов, Л. Дуров, Л. Каневский, О. Яковлева, Е. Коренева продемонстрировали на микросцене возможность иной манеры игры — полное погружение в предлагаемые обстоятельства в сантиметрах от нас, зрителей. Они играли весь спектакль словно бы в одной непрерывно переливающейся мизансцене.

Малая сцена в БДТ, малая сцена в МХАТе, сцена в фойе в Театре имени Ермоловой, комнатный театр «Современника», Студия под руководством О. Табакова, студия В. Спесивцева, студия В. Рецептера в Ленинграде, студия в Иванове... Знамение времени.

МНОГО сезонов тысячелетнюю историю России до 1917 года представляла на столичной сцене едва ли не одна пьеса — «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого. Удивительно, не правда ли, — при всеобщем интересе к истории историческая драматургия высыхала. Тому есть свои причины, заметки наши не предназначены для их разбора, но, согласитесь, пристальный интерес двух солидных московских сцен к известным британским государыням при равнодушии к отечественным, очевидно, не случаен. Прекрасно, что в зрительном зале мы можем на три часа стать собеседниками Сократа, но отчего нельзя выслушать трагическую исповедь Радищева?

Репертуарная диспропорция не безобидна. Небрежение отечественной историей эхом отдается в образах современников, делая их менее рельефными, не включенными и в сознании людей театра, и в сознании зрителей в бесконечную цепь времен.

Но в последнее время отечественная история стала как будто бы оказывать заметное давление на не слишком расторопную нашу сцену. Первой ласточкой после долгого перерыва оказалась на финише позапрошлого сезона «Царская охота» Л. Зорина, поставленная режиссером Р. Виктюком в Театре имени Моссовета. В прошедшем сезоне к ней присоединилась историческая трагедия. Театр имени Евг. Вахтангова поставил сценическую интерпретацию романа В. Шукшина о Степане Разине.

История Разина здесь — история трагической судьбы сторонника воли, неясной ему самому, но завладевшей им совершенно. Перед зрителями сгусток страстей, человек, чей характер противоречив, крупен, герой, не желающий быть обаятельным, напротив, жаждущий эпатировать. Не только историческая беспрограммность — известны сила и слепота крестьянских бунтов. Историческая обусловленность — все так, но со времени Эсхила понятие трагической вины театр применяет к главному герою. И все время на сцене неодушевленное «действующее лицо» — трон московских царей. Соблазн, мечта, цель, пугало, ночной страх и символ исторической непреоборимости? Трагичен сей образ...

Ульянов играет с невероятной самоотдачей, редкой нынче на сцене. Мы не судим здесь спектакль — он непрост, да и самому Ульянову необходима могучая режиссерская рука, но его желание предложить не самоочевидную концепцию, творить на уровне нравственных и художественных идей времени заслуживает всяческой похвалы. Для этого нужны художнический характер и немалое мужество.

Сейчас, когда пишутся эти строки, москвичи увидели премьеру пьесы Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака...». Поставил ее А. Дунаев в Театре на Малой Бронной, в прошедшем сезоне ее опубликовал журнал «Театр». Ее можно и нужно читать, а не только смотреть — это литературное явление. Исповедь, монолог выдающегося декабриста. Пьеса написана в рембрандтовских тонах, в полумраке ночной камеры, выхваченная светом лунинского воображения возникает игра оживших «мундиров», бал призрачных ассоциаций, столкновений мыслей. В роковую ночь перед гибелью — автор принимает версию насильственной смерти удушенного царскими тюремщиками революционера — Лунин вопрошает свою жизнь, осмысливает эпоху...

И коли идти по хронологии революционного движения в России, можно предвидеть влияние на историко-революционный репертуар пьесы о Ленине М. Шатрова «Синие кони на красной траве», поставленной М. Захаровым в Московском театре имени Ленинского комсомола. Возник характерный для театра художественный парадокс. Отказавшись от портретного грима, предоставив актеру играть драму идей, автор и театр дали ему возможность уйти от статуарности, дать образу силу человеческой естественности, сделать его заразительным.

Что же касается иностранных королев или королей, то вряд ли можно оправдать отсутствие любопытства у наших театров к собственной исторической драме. Назову, к примеру, пьесы Ю. Эдлиса «Месса по Деве» (философская притча о Жанне д'Арк) или «Жажда над ручьем» — о великом поэте Франции Франсуа Вийоне. Особенность исторических произведений, о которых шла речь, в том, что они не навязывают истории ответы, скорее, вопрошают ее...

* * *

Очевидно и движение театральной критики. В прошлом сезоне в ряде солидарных выступлений она обнаружила болезненный симптом — слишком учащенный ритм существования актера, ведущий к потере им свежести исполнения. «Обиженные» реагировали бурно — отрицали, соглашались, соглашались частично, но сама температура дискуссии в журнале «Театр» показала: что-то тут есть. А один из участников спора утверждал:

— Мы знаем о наших болезнях, и не надо нам о них напоминать!

Что ж, критик действительно не врач, но вряд ли цель его жизни — создавать непрерывную историю здоровья. Впрочем, «сор» из храма Мельпомены вынес не только критик, а и человек театра. Публикация на страницах «Литературной газеты» двух статей А. Эфроса «Парадокс об актере» и «Парадокс о режиссере», а также выход его книги «Профессия: режиссер» стали заметным явлением прошедшего сезона. Некоторые его коллеги обвиняли автора чуть ли не в выдаче цеховых тайн — такова ирония профессии.

Тем не менее в театре что-то происходит. Мне кажется, поколение, пришедшее в искусство в середине пятидесятых годов, стоит перед необходимостью обновления своих художественных идей. Автор упомянутой книги пишет:

> «...нужно меняться!.. Надо все время меняться!.. Кто, казалось бы, не знаком с этой простой истиной... Но ее не знают, я уверен, не знают. Потому что труднее всего нам раз задумывать повороты. Но зато, повернув, увидишь «новую местность».

В надежде увидеть ее и всматриваются зрители в клеточки сводной афиши...

КАДР ПЕРВЫЙ. КАДР ПОСЛЕДНИЙ

НЕ СКЛОНИВШИЕ ГОЛОВЫ

Рассказывает режиссер Себастиан Аларкон

Хотя я уже около десяти лет не был на родине, все мои помыслы там, с теми, кто, не склонив головы перед палачами, живет и борется в моем Чили. В картине «Ночь над Чили» мы вместе с режиссером А. Косаревым под художественным руководством Романа Кармена пытались документально точно восстановить ход событий в Чили в сентябре 1973 года, когда произошел кровавый путч.

Теперь, как мне кажется, важно другое — углубленное изучение и обобщение тех скрытых процессов, которые происходят в Чили. Настало время художественного, образного постижения нынешней ситуации в стране.

В фильме «Санта-Эсперанса», моей новой работе на «Мосфильме», несколько главных героев — людей различных возрастов, индивидуальностей и сословий. Все они — заключенные концлагеря, который фашисты устроили в давно покинутом жителями городке Санта-Эсперанса, затерявшемся в необозримой пустыне, вдали от дороги, вне связи с миром. Здесь в полной безнаказанности палачи мучают людей, глумятся над ними, истязают их. Но именно здесь, в Санта-Эсперансе, на краю света, где почти не верится в существование другой жизни, униженные, измученные и безоружные люди начинают бороться за свои права, потом — за всю Санта-Эсперансу, за весь народ Чили, запертый в концлагерь.

Правда, названия «Санта-Эсперанса» не найти на географической карте. Создавая фильм, мы имели в виду все лагеря смерти — от Бухенвальда и Майданека до Чакабуко и [illegible].

В переводе «Санта-Эсперанса» — «святая надежда». Наш фильм — о надежде всех чилийцев на скорое возвращение свободы и справедливости, о вере и надежде людей доброй воли во всем мире.

Сценарий фильма написал В. Амлинский в соавторстве со мной. Для меня лично было большой удачей работать с этим талантливым литератором. Надеюсь, что наше содружество будет продолжаться и впредь. Вместе со мной над фильмом работала кинохудожница Н. Шретер. Сотрудничество с которой началось еще с картины «Ночь над Чили». В крымской степи, где велись съемки, она выстроила целый город. Причем во всех деталях искала правдивые, выразительные решения. Это во многом облегчило нашу задачу — ведь ни один из эпизодов фильма не снимался в павильоне.

В главных ролях заняты популярные артисты — П. Кадочников, М. Терехова, Б. Брондуков, Л. Нореика и другие.

Интервью вел М. ЛЕВИТИН

На снимке: кадр из фильма «Санта-Эсперанса».

КИНО

ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

ИСТОРИЯ, В КОТОРОЙ НИКТО НЕ ВИНОВАТ...

В ФИЛЬМЕ «Случайные пассажиры» рассказывается история, в которой вроде бы никто не виноват.

Просто умерла заведующая в одном старом детском доме, и его решили вообще закрыть. Ребятишек приняли новые семьи. В результате осталось всего девять человек — девять мальчиков и девочек, которые, как они сами о себе говорят, «никому не показались». Естественно, об этих детях тоже позаботились, нашли для них места в других детских домах, и, побросав в грузовик свои пожитки, они отправились в путь.

Но грузовик сломался в дороге. С грузовиками иногда такое случается.

Впрочем, все это, так сказать, предыстория, которая оживет перед нами в нескольких ретроспективных сценах фильма «Случайные пассажиры».

Сама же история начнется с того, как однажды утром, возвращаясь домой из рейса, шофер Иван Жаплов обнаружит на пустынной горной трассе этот самый грузовик с растерянной молоденькой воспитательницей и целым выводком укутанных в одеяла ребят. И получится так, что все заботы о них Ивану придется взять на себя. А поскольку путешествие сильно затянется, у него будет достаточно времени, чтобы ближе познакомиться со своими пассажирами.

Можно ли назвать этих детей сиротами? Почти у всех где-то есть родители. Но сквозь тяжелые воспоминания о них, сквозь этот горький практический опыт, как ростки, пробиваются из глубин детского сознания какие-то иные легенды, родившиеся, наверное, задолго до того, как эти ребята появились на свет. И вот конопатый мальчишка лет восьми, улучив момент, доверительно сообщает шоферу дяде Ване, что его отец был храбрым летчиком и погиб на войне...

Когда смотришь этот фильм, все время хочется что-то сделать. Сдвинуть с места грузовик, застрявший в ледяной воде. Как-то вмешаться в действие. Да на худой конец просто увидеть лицо хотя бы одного из тех людей, кто обрек своего ребенка на сиротство. Ведь когда знаешь конкретного виновника, сразу становится как-то спокойнее. Но авторы такой возможности нам не предоставляют. Конкретные имена, лица, биографии есть в этом фильме только у добрых героев, у тех, кого принято называть положительными, — и их в «Случайных пассажирах» много. Это Капа, юная воспитательница, сама больше похожая на девочку (актриса Л. Гребенщикова). Это, конечно же, Иван, человек, уже твердо стоящий на ногах, но себя еще не знающий, — артист В. Гостюхин прекрасно показывает, как постепенно просыпается в его герое доброта. Да и многие другие люди, встречающиеся на пути случайных пассажиров, пытаются что-то сделать для них. Анонимно в фильме лишь зло. И оттого, что оно анонимно, не названо, кажется, будто не только сломанная машина, разладившаяся погода, расползшиеся осенние дороги стали источником их бед — нет, еще раньше, за кадром что-то сломалось, разладилось в их жизнях, и вот теперь они, ни в чем не виноватые, расплачиваются за чужое равнодушие, за чужую жестокость.

Иван — В. Гостюхин

Поставленная на «Ленфильме» молодым режиссером М. Ордовским по повести прозаика Ю. Сбитнева, эта картина хранит следы некоторой неопытности. Начинающий постановщик не сразу находит верный тон: молодежно-бодрая песня, открывающая действие, явно не из этой картины, хотя сама по себе, возможно, и неплоха, некоторые актеры поначалу слишком старательно подделываются под простонародный сибирский говорок, и т. д. Но вот Иван набредает в сыром утреннем тумане на свою судьбу — на этот грузовик, полный маленьких пассажиров, — и фильм сразу обретает уверенность. Конечно, было бы наивно полагать, что серьезные, правдивые картины снимать легче, чем говорить с экрана о пустяках. Наверное, не легче. Конечно же, не легче! И все-таки у режиссера, берущегося за такие сюжеты, есть одно несомненное преимущество — соприкасаясь со сложным материалом, он быстрее взрослеет, взрослеет словно бы от кадра к кадру, и вот этот процесс очень заметен в фильме. В его основу положена исключительная, случайная (что, впрочем, отражено даже в названии) ситуация. Но от исключительных, нетипичных ситуаций тоже нельзя отворачиваться, хотя именно в силу своей нетипичности они кажутся порой особенно горькими.

Т. ХЛОПЛЯНКИНА

вернисаж ЛГ

Эти две картины — «Прощание славянки» и «Портрет Ф. М. Достоевского» — экспонировались во Дворце культуры Института атомной энергии имени И. В. Курчатова на выставке работ безвременно погибшего художника Константина Васильева (1942—1976). Художник разностороннего таланта, К. А. Васильев оставил свыше четырехсот картин и рисунков. Среди [illegible]. Большое место в творчестве художника занимала тема Великой Отечественной войны. Цикл картин «Русь былинная» воскрешает образы русских богатырей, сюжеты народных песен, сказаний и былин.

ПИСЬМО НЕДЕЛИ

МГНОВЕНЬЯ СПОРТИВНОЙ ДРАМЫ

СПОРТИВНОЕ телевидение — не только средство информации. Оно, несомненно, несет в себе и элементы искусства.

Вспоминается:

...Первенство СССР по гимнастике (уж точно не скажу, какого года). Уверенно лидирует знаменитая Лариса Латынина. Вдруг она допускает две необъяснимые ошибки, и абсолютной чемпионкой страны становится совсем еще неизвестная публике белорусская школьница Лариса Петрик. Соревнования окончены, но телевидение продолжает свой рассказ. На экране — в окружении подружек, тренеров, фоторепортеров совершенно растерявшаяся Петрик. А вот через зал идет к ней Латынина, протягивает руку... Кажется, только теперь понимает Петрик, что стала чемпионкой, что победила САМУ Латынину, бросается к ней и, уткнувшись в ее плечо, захлебывается неудержимым рыданием. Латынина успокаивает девушку, а у самой — запавшие от усталости и огорчения глаза, и мы понимаем, что только женщина с очень сильной волей способна сейчас не расплакаться тоже, на виду у всех.

Здесь — настоящая и высокая человеческая драма, выхваченная из гущи спортивного действия. Ее не увидишь с трибуны, открыта она ТВ.

Наше спортивное телевидение умеет быть щедрым источником информации и подниматься до уровня искусства. В памяти каждого из нас — множество увлекательных телерепортажей. Мы ощущали себя не только свидетелями, но как бы даже участниками спортивной борьбы, да еще обогащались массой любопытных сведений.

В нетерпеливом ожидании Олимпиады вспомним о том, как отражалась на голубом экране недавняя Спартакиада народов СССР.

Смогло ли ТВ в те дни выйти на уровень своих высших достижений? По моему убеждению, это давалось ему далеко не всегда. Были, конечно, несомненные удачи — отличный репортаж об открытии финальных соревнований Спартакиады, обстоятельные телерассказы о завершающих состязаниях по боксу, баскетболу. Но было, к сожалению, немало и такого, что оставляло чувство неудовлетворенности, а то и досады. При этом, конечно нельзя забывать, что перед работниками Центрального телевидения стояли в те дни задачи очень непростые. Одновременно в разных местах проходило много соревнований, экранное же время было строго ограничено. Да еще впервые использовалась новая телевизионная техника, которой нашим специалистам приходилось овладевать, что называется, на ходу. В таких условиях не могли не появиться какие-то «накладки», к коим поначалу зрители относились снисходительно. Но все же таких «накладок» было многовато. Ведущие обозреватели что-то говорили, забыв включить микрофон, объявляли одни сюжеты, а вместо них выходили в эфир совсем иные; некоторые комментаторы оказывались не в ладах со спортивной терминологией, путали имена, фамилии, титулы спортсменов...

Все это, конечно, снижало уровень передач. Но гораздо больше огорчело другое. А именно: ведущие спортивных телепрограмм как будто бы не стремились подняться на более высокий уровень — на уровень искусства. Их будто заворожила цель — показать в считанные минуты как можно больше сюжетов.

Снова вспоминается из прошлого.

...Чемпионат мира по хоккею. Наш защитник Геннадий Цыганков получает в своей зоне шайбу, и сразу же его партнеры Михайлов, Петров и Харламов бросаются вперед. Но Цыганков держит шайбу у себя, партнеры возвращаются и снова идут вперед. А Цыганков все водит шайбу. И тут телевизор доносит до нас возглас Михайлова: «Гена, ты замучил всех!» Следует несколько пояснительных слов телекомментатора, и с их помощью мы вдруг обнаруживаем: сколько же подтекста в этой короткой реплике! В ней жаждущий боя характер Михайлова; за ней открывается железная выдержка Петрова и Харламова. А в сердечном «Гена...» обнаруживается теплое чувство к другу, который так досадно ошибается, но которого не хочется ни обидеть, ни расстроить. И еще за этой репликой угадывается огромный совместный труд спортсменов — когда все обговаривалось, репетировалось, наигрывалось, а вот теперь разлаживается. Право, разве только очень опытному драматургу удается наполнить реплики своего героя столь широким подтекстом. Выявил же их смысл комментатор.

Вот чего мы ждем от спортивного телерепортажа: взглянуть в лицо, увидеть за противоборством, за метрами и секундами Личность.

По-моему, сейчас, перед Олимпиадой, редакции спортивных программ Центрального телевидения особенно необходимы доброжелательное внимание, помощь специалистов и зрителей. Некоторые проблемы стоило бы коллективно обсудить. Да вот хотя бы такую... Закономерно, что взяли в руки микрофон прославленные в прошлом мастера А. Дмитриева, Н. Еремина, В. Масляченко, Е. Майоров. Но среди самых популярных в стране спортивных комментаторов двое — Н. Озеров и К. Махарадзе — профессиональные актеры. Так не следует ли шире и смелей, чем до сих пор, «рекрутировать» кадры спортивных комментаторов из актеров, знающих и любящих спорт?

В. РАБИЧЕВ, журналист

МОСКВА

«В ЕВРОПЕ, КАК И ВО ВСЕХ ДРУГИХ РАЙОНАХ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ, МЫ ХОТИМ МИРА, ПРОЧНОГО МИРА. ЭТО — ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА НАШЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ЕЕ СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ. ЭТУ ПОЛИТИКУ МЫ ПРОВОДИМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО И НЕУКЛОННО».

(Из речи Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном 30-летию образования ГДР)

СЕМЬ ДНЕЙ В ОКТЯБРЕ...

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И СОЗИДАНИЯ

С МЕСТА СОБЫТИЯ

БЕРЛИН, ОКТЯБРЬ 1979

Советский солдат с мечом, разрубившим ненавистную свастику, и со спасенным ребенком на руках... Этот величественный монумент возвышается над зеленым холмом в берлинском Трептов-парке. И символично, что именно сюда пришли накануне празднования 30-летия ГДР и официальные делегации, прибывшие в Берлин на юбилейные торжества, и тысячи рядовых берлинцев. К подножию памятника советским воинам легли сотни венков и букеты ярких осенних цветов как дань памяти тем, кто своим бессмертным подвигом и самой жизнью своей открыл перед немецким народом возможность строить свое социалистическое государство.

Здесь, в Трептов-парке, глядя на прекрасный, исполненный глубокого смысла монумент, я вспомнил картинку, которая мелькнула передо мной на экране в студии Берлинского телевидения, откуда я вел репортаж о прибытии в столицу ГДР партийно-правительственной делегации во главе с Л. И. Брежневым. Советский солдат на празднично украшенной улице Берлина, в пяти минутах ходьбы от Трептов-парка, поднял высоко над собой немецкого мальчишку с алым флажком в руке. Мальчуган и солдат приветствуют кортеж, в котором едут Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер. Эта картинка мелькнула и погасла, сменилась другими, такими же красочными, яркими кадрами восторженной встречи берлинцами почетных гостей из Советского Союза. Но потом в Трептов-парке этот образ вновь возник в моей памяти: советский солдат и немецкий ребенок в Берлине — год 1945-й и в Берлине — год 1979-й.

Между этими двумя событиями и датами — крутой поворот во взаимоотношениях наших стран и народов, поворот в истории всей Европы. И точка отсчета этого поворота — 7 октября 1949 года, образование Германской Демократической Республики.

Сейчас, три десятилетия спустя, в Берлине особенно зрима историческая значимость этого поворота. Она наглядно проявилась в той сердечности, с какой берлинцы встречали советскую делегацию. Она нашла свое выражение и в тех высших правительственных наградах ГДР, которые были вручены Л. И. Брежневу. Она была ярко и убедительно обоснована в речи Леонида Ильича на торжественном заседании в Берлинском Дворце республики.

Эта речь нашла здесь самый широкий отклик. И особенно запомнились слова двух моих собеседников — министра иностранных дел ГДР Оскара Фишера и рабочего-кабельщика Хорста Кайдера. Первый говорил о речи как опытный дипломат и политик. Второй — как простой рабочий. Но оба, каждый по-своему, отмечали одни и те же особенности выступления Л. И. Брежнева. Это программа борьбы за мир и прогресс человечества на 80-е годы. Это большой вклад Советского Союза в укрепление разрядки международной напряженности и обеспечение безопасности в Европе. Это новая веха в укреплении братского союза между СССР и ГДР.

В праздничные дни с особой наглядностью и во всем их многообразии проявились широкие дружеские связи, которые за минувшие 30 лет сложились и развились между нашими странами. В эти же дни в Берлине в торжественной обстановке, в присутствии руководителей двух наших стран состоялось подписание программы специализации и кооперирования производства ГДР и СССР вплоть до 1990 года!

Знаменательный переход от истории минувших трех десятилетий к перспективам дружбы и сотрудничества десятилетий грядущих! Эта устремленность ГДР в будущее была продемонстрирована особенно ярко и символично праздничным шествием молодежи по вечерней, залитой светом прожекторов и факелов Унтер дер Линден.

Осенью 1945 года, когда я был в послевоенном Берлине, на Унтер дер Линден не осталось ни домов, ни лип, которые дали имя этому знаменитому бульвару (по-немецки Унтер дер Линден значит «под липами»). Потом, осенью 1949 года, по улице, которая еще только возрождалась к жизни, мимо тоненьких, недавно посаженных деревьев шла молодежная демонстрация, чествовавшая Вильгельма Пика — первого президента первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства. И теперь, три десятилетия спустя, по этой Унтер дер Линден, сверкающей фасадами любовно восстановленных старинных зданий и новых современных сооружений из стекла и бетона, мимо разросшихся, украшенных осенним багрянцем лип нескончаемой чередой двигались юноши и девушки в синих блузах Союза свободной немецкой молодежи.

И здесь, в этой шумной праздничной демонстрации, я вновь увидел советского солдата, поднимающего на руках немецкого мальчугана с алым флажком в руке. Они шли вместе с юношами и девушками в синих блузах. Такие же, как они, радостные, улыбающиеся, вместе пели песню, вместе скандировали так часто повторявшийся в эти дни в Берлине лозунг «фройндшафт — дружба!»

...Три десятилетия идут плечом к плечу наши страны. Дни празднования 30-летия ГДР, дни пребывания в Берлине советской делегации во главе с Л. И. Брежневым стали особенно ярким проявлением дружбы и братства наших народов.

Александр ЖОЛКВЕР,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

БЕРЛИН

Леонид Ильич Брежнев и Эрих Хонеккер

Телефото спец. корр. ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

МУДРЫЙ И МУЖЕСТВЕННЫЙ ШАГ

Люди ко всему привыкают. И все-таки каждый раз по-новому осознаешь все непреходящее значение того факта, что в центре Европы, там, где прежде вызревали планы самых кровавых, опустошительных войн, ныне живет, здравствует, вступая в четвертое десятилетие, социалистическое германское государство. Не просто миролюбивое по своей сути, строю, философии, но ставшее важнейшим бастионом мира и безопасности европейских народов.

Глубокий исторический и политический смысл, а также высокая символика заключаются в том, что именно в Берлине, столице социалистической Германии, в эти дни прозвучал призыв к миру, подкрепленный целой системой конкретных мер. В сегодняшнем беспокойном мире, в котором определенные силы намеренно сеют подозрительность, насаждают страх, предложения, сформулированные в берлинской речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, — это то, что народы, уставшие от пустой риторики и бессмысленных угроз, сегодня больше всего хотят: ведущих к военной разрядке практических шагов.

Выдающийся француз Эдуард Эррио ровно 55 лет назад говорил в Лиге Наций (тогда это был голос человека, вопиющего в пустыне, почти чудака): «Создание мира требует больше мужества, чем война». КПСС, Советское правительство, наш народ вместе с народами других братских социалистических стран демонстрируют сегодня это мужество. Атлантические стратеги, вашингтонские геополитики обсуждают план нового, вызывающего, опасного наращивания гонки вооружений: размещения в западноевропейских странах ракетно-ядерного оружия. Те, что недавно так шумно и нервно реагировали на существование советского военного учебного центра на Кубе, увидев в нем «угрозу Западному полушарию», намерены заполонить Западную Европу, то есть землю прямо у нашего порога, ракетами с ядерными зарядами американского производства.

Как всегда, когда в Вашингтоне, в НАТО приступают к новому витку гонки вооружений, там поднимают шум о «советском военном превосходстве». Этот пропагандистский дурман, к сожалению, сбил с толку, посеял сомнения в тех жителях западных стран, которые отрезаны от правды, не знают существа дела. Но в кругах американских и западноевропейских специалистов, да и в натовских штабах прекрасно знают, что в Европе сложилось и уже не первый год существует равновесие военных сил и что нарушать его — не в интересах Советского Союза и других государств социалистического содружества.

В качестве Председателя Совета обороны СССР Л. И. Брежнев со всей определенностью заявил в Берлине, что за последние десять лет на территории европейской части Советского Союза количество носителей ядерного оружия средней дальности не было увеличено ни на одну ракету, ни на один самолет. Наоборот, количество пусковых установок ракет средней дальности, как и мощность ядерных зарядов этих ракет, даже несколько уменьшилось. Сократилось также количество средних бомбардировщиков. На территориях других же государств Советский Союз такие средства вообще не размещает. На протяжении ряда лет не увеличивалась также численность советских войск, размещенных в Центральной Европе.

Вот подлинное положение вещей, повторяем, конечно же, известное и официальному Вашингтону, и западноевропейским союзникам США. Планы размещения в западноевропейских странах американского ракетно-ядерного оружия имеют целью изменить стратегическую обстановку на континенте, сломать сложившееся в Европе равновесие сил, попытаться обеспечить блоку НАТО военное превосходство.

Мы это знаем. Знаем и то, что если мы сейчас ответим на эти планы собственной программой наращивания вооружений, в частности развертыванием ракетно-ядерного оружия, это военное соревнование приведет лишь к одному — еще большему приближению к опасному рубежу, за которым события могут выйти из-под контроля, откуда рукой подать до большой войны, в сегодняшних условиях чреватой неисчислимыми жертвами. Мы пошли другим путем.

Советское правительство изъявило готовность сократить по сравнению с нынешним уровнем количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах Советского Союза, если в Западной Европе не будет дополнительного размещения ядерных средств средней дальности. По согласованию с руководством ГДР и после консультаций с другими государствами — участниками Варшавского Договора было принято также решение сократить в одностороннем порядке численность советских войск в Центральной Европе. Были выдвинуты и другие конкретные предложения, осуществление которых привело бы к ослаблению военного противостояния в Европе, к упрочению разрядки.

Этот мудрый и мужественный шаг может привести к серьезному оздоровлению политического климата в Европе и во всем мире, если западные страны ответят на него взаимностью. Программа, начертанная в берлинской речи Л. И. Брежнева, — это тот шанс в многотрудном деле ослабления международной напряженности, отведения от человечества угрозы новой войны, упустить который было бы непростительно.

Виталий КОБЫШ

РЕЗОНАНС

ОБУЗДАТЬ ГОНКУ ВООРУЖЕНИЙ!

Как отреагировали на выступление Л. И. Брежнева рядовые американцы? Выяснить их мнение было не так-то просто из-за уик-энда и двухдневного праздника в честь первооткрывателя американского континента Колумба.

Встретить горожан для откровенного разговора можно было, пожалуй, лишь в церквах во время воскресной службы, и я отправился в протестантский храм св. Петра, настоятель которого известен своими демократическими взглядами и проповедями на самые актуальные темы. Так поступил и теперь Уильям Стикни, обратившийся к прихожанам с проповедью в защиту мира между народами и призвавший поддержать тех политиков, которые честно и настойчиво выступают за обуздание гонки ракетно-ядерных вооружений.

— Слушая вас, — сказал я позже Стикни, — складывается впечатление, что вы частично пересказываете вчерашнюю речь Л. И. Брежнева.

— Да, — ответил настоятель, — выступление Леонида Брежнева произвело на меня большое впечатление. Ведь он снова рекомендовал Западу придерживаться курса на разрядку и разоружение и подал нашим лидерам прекрасный пример. Он заявил о выводе с территории ГДР в течение года до 20 тысяч советских военнослужащих, тысячи танков, а также определенного количества другой военной техники, о сокращении количества ядерных средств средней дальности, если не будет дополнительного размещения таких средств в Западной Европе. Так зачем же нам, американцам, держать в ФРГ тысячи наших солдат и размещать на территории стран НАТО новейшие американские ракеты? Всем нам следует прислушаться к добрым советам советского лидера. Надо крепить мир, а не подстрекать к рискованным конфронтациям.

— Я верю словам и делам Леонида Брежнева, — продолжая Стикни, — потому что трижды побывал в Советском Союзе и воочию убедился в миролюбии вашего народа. Руководитель СССР в своей берлинской речи продемонстрировал дальновидность и сдержанность, подчеркнув тем самым стремление сохранить хорошие отношения с нашим народом. Очень ценно, что он подчеркнул взаимную пользу советско-американского Договора ОСВ-2 и выразил также готовность начать переговоры по ОСВ-3. Такую политику горячо одобряет большинство моих прихожан и, конечно же, большинство американцев.

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Накануне торжеств в ГДР в Брайтоне закончился съезд лейбористской партии, а вскоре в Блэкпуле открылся ежегодный форум тори. Но на карте бурной политической жизни Англии внезапно возник другой город — Берлин. Именно там, как выразился обычно сдержанный лондонский «Обсервер», в прошлую субботу взорвалась «бомба». Не свойственная еженедельнику метафоричность объяснима: высказанные советским руководителем мысли о судьбах европейской безопасности у многих в Англии вызвали самый живой интерес. И не случайно.

Дело в том, что буквально на днях в прессу просочились прямые намеки на готовность Лондона капитулировать перед шантажом натовской верхушки и приобрести одну из последних американских новинок из числа ракетно-ядерных систем среднего радиуса действия.

Корреспондент агентства Пресс Ассошиэйшн Роберт Хатчинсон уже знает о ней все. Это запускаемая с подводной лодки ракета «Трайдент-1». Ядерная головка — с разделяющимися частями, дальность — 7 тысяч километров. Хатчинсона обрадовали этой новостью не где-нибудь, а на специальной аудиенции в правительственном комитете по военным делам. Как считают здесь, это значит, что кабинет может одобрить сделку почти автоматически.

Понятно, почему английская печать легко определила адрес предостережения Л. И. Брежнева тем западноевропейским странам, помимо ФРГ, которых Соединенные Штаты хотели бы «осчастливить» новым поколением ракетно-ядерных монстров. «Главная среди этих других стран, конечно, Британия», — восклицает «Санди экспресс». Проницательность многих думающих англичан идет значительно дальше. Они понимают, что существенное сокращение числа советских военнослужащих и танков в Центральной Европе, о котором объявил в Берлине Л. И. Брежнев, представляет собой приглашение к ответному жесту доброй воли. Не принять его — значит пожертвовать безопасностью континента ради несбыточных надежд на военное превосходство. Такой точки зрения придерживается и председатель исполкома лейбористской партии Великобритании, известный парламентарий Фрэнк Оллаун.

— Речь советского руководителя была посвящена животрепещущим проблемам нынешнего международного положения, — сказал он в беседе со мной. — То, что предпринял Советский Союз, жизненно важно для судеб европейского мира. Л. И. Брежнев указал выход из тупика, в котором уже шесть лет топчутся переговоры о сокращении войск и вооружений в Центральной Европе. Я понимаю этот новый путь к военной разрядке так: за односторонним ограничением и снижением уровня сил должна последовать позитивная реакция другой стороны. Тогда станет возможным совместное движение к цели...

Фрэнк Оллаун назвал важным советское предложение сократить ракетный потенциал в западных районах Советского Союза при условии, что Запад не займется ядерным перевооружением Западной Европы. Чем должен ответить на это Северо-Атлантический блок? Принять советское предложение без промедления, считает британский парламентарий. Это спасло бы континент от обострения напряженности. Это сэкономило бы огромные средства: ведь та же система «Трайдент-1» обошлась бы англичанам в 4 миллиарда фунтов стерлингов.

— Однако я бы не поручился, что ответ НАТО оправдает эти ожидания, — предупредил Фрэнк Оллаун. — На прошлой неделе специальная группа натовских экспертов приняла решение добиваться от западноевропейских стран размещения на их территории 572 ракет среднего радиуса действия. В речи Л. И. Брежнева я нашел немало аргументов в пользу того, чтобы английское правительство отвергло эти опасные домогательства.

К сожалению, трезвомыслие Фрэнка Оллауна не характерно для тех лондонских политологов, которые чутко прислушиваются к каждому шороху в кабинетах Уайтхолла. Крайне правая «Дейли телеграф» брюзжит, будто в советском предложении нет ничего, кроме «умного пропагандистского жеста». Но что-то запало даже в холодные души недругов разрядки. Не зря же газета признает: стратегам НАТО есть над чем задуматься, прежде чем принять в декабре свое критическое решение.

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»

ЛОНДОН

ШАНС ДЛЯ ЕВРОПЫ

После выступления Л. И. Брежнева в Берлине я обратился к ряду видных общественных и политических деятелей ФРГ с просьбой прокомментировать это событие. Вот что они сказали.

Лоренц Кнор, член президиума Комитета мира ФРГ:

— Речь Л. И. Брежнева показывает путь политического решения одного из самых насущных вопросов нашего времени. Попытки НАТО разместить в Западной Европе новые ядерные ракеты продиктованы стремлением дестабилизировать ситуацию на нашем континенте. Конструктивные предложения, высказанные советским лидером, напротив, убедительно свидетельствуют о неустанной деятельности Советского Союза, направленной на упрочение разрядки. Решение о выводе в одностороннем порядке части советских войск и танков из ГДР является событием величайшего значения. Это пример для многих правительств.

Фридрих Хитцер, писатель, редактор журнала «Кюрбискерн»:

— Всем тем в ФРГ, кто ранее сомневался в том, как будет развиваться ситуация в будущем, сейчас ясно одно: необходимо поддержать новое мирное предложение президента Брежнева. Успех, достигнутый в Вене во время подписания ОСВ-2, должен быть закреплен в тех дальнейших шагах, которые наметил советский лидер, выступая в Берлине. Если же возобладают силы зла, войны, безумия и на территории ФРГ будут размещены новые ядерные ракеты НАТО, может произойти непоправимое. К сожалению, многие средства массовой информации в ФРГ, находящиеся в руках крупного капитала, ведут психологическую войну против мирных инициатив. Всякого рода агрессивные высказывания падают на хорошо подготовленную почву: люди просто-напросто не представляют себе всю меру опасности, которую несут в себе новые ядерные ракеты НАТО в случае, если они все-таки будут размещены на территории ФРГ.

Ганс Вернер Бюшер из дирекции концерна «Сименс»:

— Речь президента Брежнева — новый шаг вперед на пути разрядки. Предложения советского лидера не могут не вызвать большого удовлетворения. Полагаю, что его мирная инициатива окажет благотворное влияние и на дальнейшее развитие деловых отношений между нашими странами. Каждый шаг такого рода имеет большое позитивное значение.

Герберт Штратен, первый заместитель главного редактора газеты «Нойе Рур-цайтунг»:

— Это шанс для Европы. Речь президента Брежнева следует расценивать как сигнал Западу. Мы обязаны на этот сигнал соответствующим образом ответить. Речь советского лидера содержит в себе такого рода позитивные предложения, которые должны быть реализованы, особенно в свете самого грозного и болезненного вопроса — необходимости обуздания гонки вооружений.

Юлиан СЕМЕНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

БОНН

ЧТО ОТВЕТИТ ЗАПАД?

Речь Л. И. Брежнева в Берлине произвела огромное впечатление на французов, которых в последнее время всячески стараются убедить в «агрессивных устремлениях Москвы».

Так, например, «Монд» под заголовком «Третья мировая война началась» целую страницу посвятила рекламе милитаристской книжонки натовского генерала Хэккета. Журнал «Пари-матч» решил газету перещеголять: из его последнего выпуска на читателя обрушивается истерический заголовок «Через три дня русские будут в Париже». Досье о «советской угрозе» были помещены в журналах «Экспресс» и «Пуэн». Поистине друзья Пентагона мобилизовали все возможности, чтобы навязать западному общественному мнению мысль о том, что надо срочно вооружаться, закупать американские ракеты, запасаться американскими танками и самолетами.

Вот в такой-то обстановке и появилась во Франции речь Л. И. Брежнева, что объясняет частично и ее «неожиданность». Но главное, конечно, заключается в самом характере аргументов, содержащихся в этом выступлении. Меры Советского Союза по сокращению вооруженных сил в Центральной Европе и предложения, обращенные к Западу, настолько убедительны, что, как заявил один телевизионный комментатор, возможность для переговоров о реальном сокращении ядерных вооружений на европейской земле открыта. Вывод части советских войск и танков из ГДР, готовность принять обязательства о неприменении ядерного оружия в отношении стран, которые им не обладают, придали советским предложениям о разрядке в Европе особый вес.

Л. ЗАМОЙСКИЙ,
соб. корр. «ЛГ»

ПАРИЖ

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

НОВЫЕ ВЫБОРЫ, НОВЫЕ МАХИНАЦИИ

Итоги состоявшихся в минувшее воскресенье выборов в нижнюю палату японского парламента показали, что более половины избирателей не поверили в «ясное утро завтрашнего дня», которое обещала народу либерально-демократическая партия. Консерваторы сумели провести в парламент лишь 248 человек и только с помощью так называемых «независимых» с трудом наскребли ничтожное большинство, которого, однако, недостаточно для бесконтрольного властвования в нижней палате.

Единственная партия, которая имеет право говорить о большой победе на выборах, — коммунистическая. К своей парламентской фракции, состоявшей из 19 депутатов, компартия добавила сразу 22 человека.

Такие итоги голосования закономерны. Незадолго до выборов на одном из уличных празднеств, часто устраиваемых жителями японских городов и деревень, самодеятельный певец, загримированный под премьер-министра и председателя либерально-демократической партии Масаёси Охира, бойко распевал, вызывая смех и рукоплескания толпы: «Не рассчитывайте особенно на систему социального обеспечения. Не надейтесь, что не увеличатся налоги. Выкручивайтесь сами, если подпрыгнут цены. Не унывайте, а голосуйте за мою партию». Уличный певец схватил суть экономической и социальной программы либерально-демократической партии, точно разобравшись в красочных, но неконкретных предвыборных лозунгах консерваторов. Не имея средств на жизнь в старости, выплачивая непомерные налоги и отказывая себе из-за высоких цен в самом необходимом, большинство избирателей решило не голосовать за партию Масаёси Охира.

Не помог консерваторам и тысяча и один, по подсчетам японской печати, свободный от совести и чистоплотности способ, прибегая к которым либерально-демократическая партия собирает голоса на выборах в «свободном» японском обществе. В день голосования полиция, не дожидаясь наступления «ясного утра завтрашнего дня», объявила, что число случаев подкупа консерваторами избирателей оказалось в пять раз больше, чем во время парламентских выборов 1976 года. Полиция заготовила ордера на арест после голосования 300 человек, преступивших закон о выборах. 140 наиболее злостных нарушителей этого закона она заключила под стражу уже 7 октября. 64 тысячи полицейских контролировали соблюдение правил проведения выборов. Во всеяпонских облавах на гангстеров полиция использует гораздо меньшие силы.

Однако что могли предпринять 5 полицейских дивизий против силы денег, на которую опирались кандидаты от либерально-демократической партии? Почти каждый консервативный кандидат в депутаты располагал 700 миллионами йен, которыми и был оплачен тысяча и один способ завоевания места в парламенте. Во время выборов 1976 года агитаторы консервативных кандидатов имели в кармане пачки пятитысячейеновых банкнот. Теперь они носили банкноты достоинством только в 10 тысяч йен. Инфляция сказалась и на цене голосов избирателей.

«Вероятно, нет в мире другой капиталистической страны, где столь пышно расцвел бы политический непотизм. Политически мы все еще неразвитая страна», — горько констатировал еженедельник «Сюкан Гэндай». Поводом для такого признания послужило то, что из 322 кандидатов в депутаты от либерально-демократической партии 108 человек были сыновьями и внуками или скончавшихся, или ушедших на покой парламентариев. Газета «Майнити» в связи с этим едко заметила: «Не является ли депутатский мандат, передающийся от отца к сыну, имуществом, за наследование которого следует взимать налог?» Предложение газеты не лишено смысла. Один из бывших крупных государственных чиновников, оставивший место в министерстве, чтобы выдвинуть свою кандидатуру в парламент, с циничной откровенностью сказал: «У депутата путь к денежному успеху быстрее и короче, чем у государственного служащего».

В самом деле, 700 миллионов йен, которыми консервативные депутаты оплатили каждое место в парламенте, далеко превосходят депутатский доход. Поэтому и произрастает в среде депутатов взяточничество — ведь надо и расходы возместить, и приготовиться к следующим выборам. В нынешней избирательной кампании участвовало шесть разоблаченных взяточников. В том числе бывший премьер-министр Какуэй Танака, получивший от американской авиастроительной корпорации «Локхид» мзду в сумме 500 миллионов йен.

За 5 дней до выборов на 20-тысячном митинге протеста против намерения либерально-демократической партии ввести новый налог три участника митинга разыграли такую сценку. Священник, совершив заупокойную службу, предъявляет жене умершего счет. «Так дорого?!» — восклицает женщина. «Новый налог...» — разводит руками священник. Мертвец воскресает и кричит, обращаясь к небу: «Что делать, о боже, ведь умер я от того, что из-за старых-то налогов жить стало невозможно!».

Против такого завтрашнего дня, когда умереть столь же дорого, как и жить, и проголосовали избиратели, дав оппозиции возможность занять в парламенте в общей сложности 254 места.

Владимир ЦВЕТОВ,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ТОКИО

Ткачиха Ивановского ордена Ленина камвольного комбината, Герой Социалистического Труда, депутат областного Совета Валентина Николаевна Голубева уже выполнила в десятой пятилетке 12.5 годовой нормы. Трижды за успехи в труде ее поздравлял Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев

ЗВЕЗДА ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ

Валентина Голубева — студентка Ивановского текстильного института

С сыном на прогулке

Фото И. ДЫНИНА и В. ХРИСТОФОРОВА (ТАСС — специально для «ЛГ»)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В прошлом номере «ЛГ» очерком писателя Э. Елигулашвили «Это рабочий!» мы открыли новую рубрику. Сегодня мы продолжаем ее.

Петр
ДОБРОБАБА

КРУТИЗНА

ПЕРЕВАЛОВ крут, но на то он и Перевалов. У него орден Ленина и много других орденов и медалей. Это все за то, что колхоз «Путь Ленина», расположенный в зоне сплошной вечной мерзлоты в тайге, на водоразделе Лены и Ангары, как бы возродился из ничего. За то, что уже два десятка лет, как раз с тех пор, когда Перевалов стал здесь председателем, колхоз получает зерновых в среднем почти по 20 центнеров с гектара, надои на фермах по 3 тысячи килограммов от коровы, и еще за многое. А сейчас спросите любого в Васильевске, вам скажут: «Очень, очень крут Перевалов Александр Васильевич».

Он однажды — было это, правда, давненько — вызвал к себе в кабинет доярку М. и сделал вид, что снимает ремень... Она сказала, что она комсомолка и что будет жаловаться. И пожаловалась.

Мы потом яростно спорили с Александром Васильевичем, объезжая на диво аккуратные и тучные для этих мест поля. Посторонних не было, он сам сидел за баранкой «Волги» — и резко тормозил, когда сердился. Тормозил, вообще-то, без надобности. На территории колхоза все дороги, вплоть до последнего проселочка, — образцовые.

— Как это могла даже мысль прийти — пугать ремнем?

— Знаешь что, горожанин, тебе, поди, неведомо о том, какое мучение для коровы стоять недоенной трое суток. Но тебе-то ладно, а ведь эта комсомолка, она же молодая крестьянка, она нутром должна была чувствовать свое преступление перед животными! Нет, укатила тайком в город ровно на трое суток. Коровы воем выли. Я когда приехал на ферму, аж зашелся от обиды, даже позеленел, говорят. Ну, думаю, покажу я тебе сладкую жизнь! Показал...

Мне довелось быть после этого события на заседании бюро обкома партии, когда тихо и с явной горечью говорил Перевалову первый секретарь обкома Николай Васильевич Банников:

— Рекомендовать такого коммуниста на должность председателя мы не можем и не будем. Пусть сами колхозники, без нашей рекомендации, решают, быть Перевалову у них руководителем или не быть. А строгий выговор мы вам, товарищ Перевалов, объявляем. Задумайтесь. Впрочем, партийная организация в колхозе крепкая, она вам поможет сделать правильные выводы.

Когда подошел срок отчетно-перевыборного собрания, все до единого колхозники проголосовали: быть председателем Перевалову Александру Васильевичу. Голосовала и комсомолка М.

Нынче я спросил молодого партийного секретаря Петра Никитича Казармакова, трудно ли с таким председателем.

— Трудно, — без всяких колебаний сказал секретарь, который занимает официальную должность председателя Васильевского сельсовета, — но трудности тут особого рода: чувствуешь, что такой воле, целеустремленности, преданности делу многим из нас надо учиться и учиться. В то же время иной раз кажется: еще немного, какое-нибудь чуть-чуть, и его личная воля начнет диктовать условия не только одному конкретному человеку, но и всему партийному бюро, сельскому Совету, правлению. Правда, проходит время, а это тревожное «чуть-чуть» так и не осуществляется, зато работать интересно, очень увлекают трудовое напряжение, почти идеальный порядок и дисциплина даже в мелочах.

И Петр Никитич рассказал такую историю. Та самая безупречная дисциплина давно уже исключила факты опоздания на бюро, собрание коммунистов, заседание правления. Кстати, правление здесь собирается один раз в неделю, по понедельникам, строго в 7 часов утра, и этот сбор заменяет потом все разнарядки, планерки, летучки, пятиминутки, которые в других хозяйствах пожирают на неделе массу времени. Так вот, однажды на сессию сельского Совета народных депутатов все бригадиры явились полчаса спустя после открытия. Перевалов сидел в президиуме, хмурился, желваки прямо ходуном ходили по скулам. В своем выступлении он собирался говорить о культуре личной усадьбы колхозника, но попросил слова и сказал всего одну фразу:

— Если вы еще раз проявите подобное отношение к Советской власти в Васильевске, я от таких бригадиров откажусь.

— Круто, конечно, — в задумчивости подытожил Казармаков, — тем более, каждый давно усвоил, что Александр Васильевич своему слову крепкий хозяин. И сам он не повторялся бы больше, а просто выполнил бы грозное обещание. Но в том-то и дело, что ни повторять, ни выполнять нет больше нужды: опоздания на мероприятия сельсовета теперь тоже исключены. Значит, снова обошлось без «чуть-чуть».

— Смотрю на тебя и радуюсь, — вступил в разговор долго сидевший молча Василий Иванович Легченков. — Хорошо, что молодого секретаря такие вещи волнуют, — стальной глаз весело сверкнул из-под косматых бровей, но суровое выражение лица не изменилось, — а только ничего такого после разговора в обкоме Перевалов не допустит, я-то знаю. Мы тогда все передумали немало, а уж Александр Васильевич — особо. Прав был первый секретарь обкома — думать над стилем руководства помогали коммунисты. Да и теперь помогают. Тем более, свои ведь все: соседи по улице, коллеги по работе, друзья по празднику. Как ослушаешься, если тебе правду в глаза говорят директор школы Валерий Борисович, заведующий механическими мастерскими Николай Григорьевич, доярка Елизавета Владимировна, главный агроном Павел Михайлович... Ведь потому, что эти люди от правды никогда не бегают, их и в партбюро выбирают.

— Вы Александра Васильевича знаете хорошо, — перебил я, — что, много лет в заместителях?

— Да никакой я не заместитель, — еще раз сверкнул сталью глаз Легченков, — пасечник я, пчеловод. У меня вон хозяйство — почти восемь десятков ульев. Просто пока Александр Васильевич на курорте, решили меня на место председателя посадить. Такая, скажу вам, шапка тяжеленная, меньше чем за месяц шею согнула.

Вот еще одна интересная история. Только теперь уже не о крутом нраве Перевалова, а о других качествах его характера и о таланте хозяина. Назначить пасечника главой колхоза, пусть даже на месяц, при том, что есть главные специалисты: зоотехник, агроном, главбух! Но плохим был бы психологом наш герой, оставив вместо себя кого-нибудь из них. Дело перед посевной агроном невольно бросил бы все силы на «свои» позиции. Но ведь и животноводство весной — самый настоящий передний край. Зоотехник непременно посчитал бы ситуацию «своей». А пчеловоду, да еще председателю колхозной группы народного контроля, да еще члену партбюро и правления, — ему объективно дорого все. Тем более человеку с такой биографией: родился здесь, в Васильевске, годом позже революции, никуда не выезжал, кроме как отлучился на действительную службу в 1938-м и вернулся в 1946-м с двумя ранениями да с двумя десятками орденов и медалей. С тех пор тоже выезжает из колхоза только за наградами. Заслужил, работая трактористом и шофером, а потом, конечно, и за организацию настоящей фабрики меда. На вечной мерзлоте.

— Я почему всегда горой за Перевалова, — очень серьезно говорит Легченков Казармакову, будто в комнате больше никого нет, — я его всем своим шоферским нутром оценил, когда он молодой совсем пришел и сразу за дороги взялся. Многие вот уважают его за другое: настоящий достаток пришел в каждый дом с новым председателем. А достаток ведь тоже только по хорошей дороге приходит. Бывало, дождик брызнет, и как в злом царстве — все застывает: там машина с зерном, там молоковозы завывают на месте, никак не выбраться им из грязи. А ведь час-другой — и продукт пропал, весь достаток — свинье под хвост. Не многие знают, сколько нервов стоило Перевалову построить дороги в те времена...

— А мне другое нравится, — вносит свою лепту главный бухгалтер колхоза Артем Романович Григорьев, — в финансовых делах все всегда четко, ясно, открыто.

— А мы не ангелочка с вами рисуем? — беспокоится во мне корреспондент.

— Гм, — шевелит кустистыми бровями пчеловод-заместитель.

— Такого ангелочка поискать, — отшучивается секретарь партбюро.

— Вы бы с отчетом к нему разок попали, — мрачнеет главбух.

...Пытаюсь написать портрет человека, портрет руководителя, но пытаюсь передать это не глазами журналиста, а глазами тех, кто хорошо знает или должен знать Перевалова Александра Васильевича, хотя и сам знаком с ним не первый десяток лет. И споров понатерпелся с ним, и к общей истине подходили, и снова расходились в оценке той или иной ситуации. Не знаю, может, кому-то не понравится, что в очерке почти не встречаются цифры и совсем нет технологии. Как, например, конкретно создавалась база животноводства? Сколько поражений и удач выпало на долю полеводства? Что ж, цифры... Об урожаях и надоях сказано. Можно добавить, что стабильный среднегодовой доход колхоза измеряется примерно миллионом рублей, что средний ежемесячный заработок колхозника — где-то под 200 рублей. Можно и, наверное, нужно еще раз подчеркнуть, что все это на вечной мерзлоте, и, значит, усилия коллектива возводятся в квадрат. Вот я и пытаюсь показать того, кто возглавил такой коллектив, именно во взаимоотношениях с людьми и даже с самим собой. Вижу, какие отрадные изменения произошли и происходят в этом характере. Ушла лихая крутость, о которой даже неприятно вспоминать. Упрямство переходит в принципиальную настойчивость. Работа от зари до зари по-прежнему поощряется молчаливым уважением, но таким же почтением пользуются люди, знающие, что такое НОТ. Потому, видимо, не постеснялся председатель повесить у себя над креслом рукописный плакат: «Товарищ! Экономь время свое и чужое. Помни, что заседание — один из самых дорогостоящих видов служебной деятельности. Выступай коротко, председатель — 10 минут, специалист — 5 минут, бригадир — 3, для справки — 1 минута». На противоположной стене: «Работать под девизом: не согласен — возражай. Возражаешь — предлагай. Предлагаешь — сделай. Не умеешь — научись. Умеешь — научи других. Это будет полезно тебе, товарищу и общему делу».

Как бы хорошо, когда б все по писаному да все по-научному! Вот и вышел бы у нас герой на все, как говорится, сто.

— Что это за история с поросятами? — спрашиваю собеседников.

— А, вы все-таки знаете! Тогда так и запишите: партийное бюро не приняло предложение коммуниста Перевалова и не допустило его реализации.

Размышляя о нуждах страны, искренне досадуя на тех, кто думает об этом меньше, Александр Васильевич решил: тех, кто не выращивает свиней в собственной усадьбе, лишать годовой премии. Решил — и никаких гвоздей. Но шутка ли, премия эта доходит порой до тысячи рублей. И, скажем, механизатор, у которого все показатели блестящие, лишается премии только потому, что не держит свинью. Партийная организация, правление, сельсовет, посчитав такую постановку вопроса неправильной, не отвечающей демократическим принципам государства, осудили решение коммуниста Перевалова. Другое дело — развернуть широкую агитацию, обратиться к средствам убеждения. Это было принято единогласно. Александр Васильевич переживал сильно и долго. Но отошел.

— Отошел, да как-то уж чересчур, — снова проявляет интерес к беседе В. И. Легченков. — Вот, например, обсуждали мы на правлении проступок бульдозериста Николая Бандоли. Послали его с фермы навоз убирать, а скотники за бутылочку уговорили силос подтолкнуть поближе, чтоб, значит, облегчить себе жизнь. И так пододвинули, что пополам с землей перемешали — загубили отличный корм! Ну, мы по линии народного контроля акт составили, решили спросить как следует. Александр Васильевич вдруг заупрямился на правлении: ничего, мол, страшного, не так уж виноват Бандоля. А Николай, он хоть и работящий парень, но все же недалекий. Давай хвалиться на каждом углу: дескать, сам шеф заступился, теперь, мол, мне и море по колено. Оно и понятно: получить поддержку Перевалова в наших краях — все равно что награду. Ну вот, Александр Васильевич — на курорт, а Коля Бандоля — опять же за бутылочку, а лес по дрова. Одной бутылки мало показалось, нашли еще, вторым рейсом подались в тайгу да так насадили трактор на комель, что поддон пробили и мотор сожгли. В пять-шесть сотен обойдется теперь механизатору «шалость». Ведь трактор-то полмесяца простоял, а работы непочатый край. Уверен: покажи тогда председатель свой крутой нрав, не влип бы в историю Бандоля. Теперь придется обсуждать обоих — что тракториста, что председателя...

Видите, как оно в жизни руководителя: там палку не моги перегнуть, а тут доброту не смей показать...

Дописываю я эти заметки, живу в Васильевске последний день, уезжать пора — и вот прибывает с алтайских курортов мой друг Перевалов Александр Васильевич: свеж, ясен, однако чуть суров. Стало быть, знает про бульдозериста, наслышан и про аварию на электролинии: какой-то болван срубил сосну так, что дерево рухнуло на провода, коровы сутки не доены — вручную не дались, привыкли к машине.

— Ну вот и начались будни председателя, — резюмирует Александр Васильевич, легким усилием сбрасывая с лица тень. Небесной голубизны глаза сверлят из-под крутых надбровий...

УСТЬ-ОРДЫНСКИЙ — ЯКУТСК

Седьмого октября наша страна широко отметила День Конституции СССР.

Сегодня мы публикуем два материала о жизнеустройстве пожилых людей. Один рассказывает, как заботятся об одиноких ветеранах труда эстонские совхозы и колхозы. Другой повествует о печальной участи «забытого поколения» — так называют стариков в Соединенных Штатах Америки — в Нью-Йорке и других американских городах.

Р. КАЭРА,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

СТАРОСТЬ И РАДОСТЬ

ЗДЕСЬ все радует глаз: ровная гладь травы с живописно расположенными кустами и деревьями, выложенная каменными плитами дорожка, ведущая к одноэтажному зданию современного типа — на вид небольшому, а внутри просторному. Сплошь стеклянная стена двух холлов будто соединяет помещения с садом, так же как и высокую, обитую деревом столовую, которая служит одновременно концертным залом. Жилые комнаты не уступают номерам лучших гостиниц: однокомнатные для одиноких, двухкомнатные для супружеской пары или братьев, сестер. Вернее было бы сказать, что это квартирки со всеми удобствами — с мягкой мебелью, со стенными шкафами и стеллажами, с отдельной прихожей, душевой, санузлом.

Где мы находимся? В санатории? В благоустроенном доме отдыха?

В какой-то степени это так. Дом действительно предназначен для отдыха, но не временного, а постоянного. И живут в нем ветераны труда рыболовецкого колхоза имени Кирова.

— Было бы бесчеловечно, — говорит председатель колхоза Оскар Кууль, — оставлять на волю судьбы одиноких стариков, подчас нездоровых и немощных, наших ветеранов труда, которым колхоз во многом обязан своим теперешним благосостоянием. Это они вынесли на своих плечах все трудности колхозного строительства, начиная с первых, скажем прямо, нелегких дней, когда техники было мало, приходилось гнуть спину, работая вручную, а заработки были куда меньше сегодняшних. Следовательно, и пенсии у многих весьма скромные. И раз мы в состоянии строить клубы и стадионы, школы и детские сады, то нам должно быть под силу и содержание пансионатов для престарелых. Это долг нашей совести — хотя бы частично отплатить за труд и усилия людям, отдавшим свои лучшие годы, свое здоровье на благо сегодняшнего поколения.

В биографии почти каждого колхозника-пенсионера отражается целый исторический этап жизни нашей республики.

— Вот дом, который мы с мужем строили долгие годы, — говорит 90-летняя рыбачка Лийза Л. из деревни Эйсма, показывая фотографии в альбоме, вытертый бархат и металлическое украшение которого свидетельствуют о возрасте, не уступающем возрасту его владелицы. — А вот это — часовня у моря, где нас повенчали в 1907 году. На этой лодке мы ходили в море, а на этой повозке спозаранку возили рыбу в город.

На одной из фотографий жених и невеста в подвенечном наряде.

— Мой старший сын, — поясняет старушка. — Пропал без вести в войну. И младший сын погиб на фронте.

Снимков самой рыбачки в альбоме не сохранилось. Зато много фотографий родственников, друзей, молодых и пожилых, за праздничным застольем, в окружении семьи, и тех, кого провожают в последний путь, — своего рода летопись долгой жизни рыбачки, пережившей многих и оставшейся одинокой.

Таким же одиноким остался и 79-летний Вольдемар К. из села Рохунеэме. Полученное некогда увечье — перелом тазобедренной кости, — как следует не вылеченное, все сильнее давало о себе знать, и жить одному стало невозможно. Как и его сестре, 76-летней Иде К., слабой, болезненной женщине. В свое время они, оба бессемейные, усыновили мальчика-сироту. Парень вырос, учился, работал, радовал родителей, но и его постигло несчастье — болезнь парализовала ноги. Ухаживать за стариками было некому. Плохо бы им пришлось без колхозного пансионата...

ЧТО И ГОВОРИТЬ, нелегко покинуть навсегда родной дом, родное село, где прошла вся жизнь, порвать с привычным окружением, с односельчанами. К тому же еще естественная, тем более у людей пожилых, тревога за будущее: каково-то там, на новом месте, пусть самом комфортабельном, но все же чужом, непривычном?

— Сила привычки и привязанность к домашнему очагу настолько велики, — рассказывает директор пансионата Эрика Трейфельдт, — что мало кто без долгих раздумий и колебаний решается переселиться к нам. Пока хоть кто-нибудь, пусть дальний сосед, проявляет к старикам внимание, они обычно не желают покидать свой дом. Мы тщательно выясняем положение и состояние пенсионеров, ездим на место, подробно разъясняем им преимущества пансионата, иногда привозим стариков для знакомства сюда, чтобы они воочию убедились в том, что их ожидает.

— Если нужно, мы готовы считаться и с капризами стариков, — замечает председатель колхоза О. Кууль. — Например, после долгих переговоров, которые казались безуспешными, одна старушка вдруг заявила: «Ладно, я согласна переехать в пансионат, но только при одном условии — завтра утром вы сами заедете за мной и на «Волге» отвезете на место». Так я и сделал. Кстати, мы всех привозим на машине (территория нашего колхоза простирается на сотни километров), никому не приходится приезжать самому.

Зато когда переезд совершился, адаптация на новом месте, свыкание с новыми условиями жизни происходят быстрее, чем можно было бы предположить.

— Обычно на это требуется от нескольких дней до одного месяца, — говорит директор пансионата Э. Трейфельдт. — Позднее разговоров о ностальгии уже не слышно.

То же самое утверждают и в пансионате опорно-показательного совхоза-техникума «Винни». Один из первых его обитателей, 80-летний Филип Б., как он сам рассказал, долго противился предложению профкома совхоза поселиться в пансионате. Наконец он решил приехать, но только на одну неделю. Затем продлил «испытательный» срок на месяц, после которого уже и не подумал возвращаться к одинокому существованию. «Теперь мой дом здесь», — утверждает старик. Во всяком случае, ни в колхозном, ни в совхозном пансионатах нет случая, чтобы кто-нибудь оттуда уехал.

Причина тому, вероятно, не в одних бытовых благах, хотя в обоих пансионатах они поистине велики. Безупречная чистота, превосходная еда, диетическая, если надо, нестандартная одежда (пальто, куртки, платья, халаты, обувь и т. д.) — и все, разумеется, за счет хозяйства. Каждый волен носить и собственные вещи. Как, между прочим, и обставлять комнату личными предметами — коврами, скатерками, подушками, картинами, фотографиями и прочим, что придает ей более привычный для ее обитателей вид. Да, все это играет немаловажную роль, но главное кроется в уважительном отношении к старикам, доброте и внимании, которыми они окружены, — начиная с правления и общественных организаций хозяйства, которые проявляют постоянный интерес к жителям пансионатов, и кончая поведением обслуживающего персонала, тщательно подобранного именно для данного типа домов. Директор колхозного пансионата Эрика Трейфельдт и директор совхозного Мифальда Пашкевич — частые гости своих подопечных, терпеливо выслушивают их жалобы и пожелания.

В пансионатах серьезно думают над тем, как развлечь, как доставить радость своим обитателям, не допустить чувства изолированности от внешнего мира. Так как длительные мероприятия утомляют людей пожилых, встречи с интересными людьми, концерты, выступления профессиональных артистов или питомцев соседнего детского сада продолжаются обычно недолго. При желании жители колхозного пансионата могут ходить на спектакли и концерты в близлежащий клуб. О книгах заботятся передвижные библиотеки, газеты и журналы (известно, что пенсионеры — заядлые читатели) заказывает пансионат. А кому хочется поработать и есть на то силы, идет в специально оборудованную мастерскую с ткацким станком и инструментами. Женщины могут помогать на кухне. А каждое лето устраиваются экскурсии.

Лечение радостью успешно применяется в пансионатах наряду с основным, медицинским лечением, постоянным надзором колхозного или участкового врача, круглосуточным дежурством медсестер.

Еще один характерный знак внимания к пенсионерам: стены одного, так называемого «мужского» холла украшены близкими душе рыбаков художественными росписями — изображениями основных типов кораблей и главных маяков Эстонии, в стены другого, «женского», — яркими, красочными панно, напоминающими ковры, которые рыбачки любят ткать. В таком окружении приятно посмотреть программу цветного телевизора, поиграть в шашки или повязать.

Наше отношение к старикам служит нравственным примером младшему поколению.

Годы напряженного строительства, период войны выдвинули в свое время на первый план заботу о подрастающем поколении, о детях. Теперь же настала пора, когда мы можем шире взглянуть на проблемы старости, понять, что гуманность не раздваивается, не делится на различные возрасты, а относится к целостному понятию «человек», ко всей его жизни и деятельности, к памяти о нем. В государственном масштабе это узаконено множеством мер социального обеспечения — пенсиями, пособиями, льготным лечением, домами для престарелых. Широко и всеобъемлюще.

В то же время в сознании многих людей укоренилось пренебрежительное, можно сказать, чисто потребительское отношение к старикам. Не здесь ли приходится искать причины того, что в иных даже очень благоустроенных домах для престарелых, с блестящей мебелью и многочисленным персоналом старикам так неуютно, одиноко?

Что касается практической стороны дела — опыта устройства сельских пансионатов, где ветераны труда чувствуют себя не хуже, чем дома, затрат на сооружение таких домов, то они для многих хозяйств доступны, если не одному, то на кооперативных началах. В пансионате колхоза имени Кирова за содержание платят 75 процентов пенсии, в совхозе-техникуме «Винни» — в зависимости от размера пенсии — от 55 до 85 процентов. Львиную долю расходов берут на себя хозяйства. По-разному решили эти хозяйства и проблему здания пансионатов. Если колхоз имени Кирова построил новый дом, то совхоз-техникум «Винни» реставрировал и приспособил для этой цели архитектурный памятник — старое здание помещичьей усадьбы, окруженное красивым, хорошо ухоженным парком.

Опровергнуть полностью поговорку «Старость не радость» невозможно. Но помочь появлению новой — «Старость и радость» — может быть, все же в наших силах.

ТАЛЛИН

Я. БОРОВОЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

«ЗАБЫТОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

ПОВСЕМЕСТНО в США — в автобусах и больницах, магазинах, метро и даже барах, метко прозванных «американскими бытовками», — мне часто приходилось видеть плакат с надписью: «Помогите старикам! Когда-нибудь и вы окажетесь в их положении».

Тщетные призывы! За двадцатью шестью миллионами американцев, то есть практически за каждым девятым жителем страны, перешагнувшим рубеж 65 лет, прочно и справедливо закрепилось название «забытое поколение». По данным американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в настоящее время 31 процент пенсионеров США проживает в условиях ниже официальной черты бедности. Как заявил представитель американской ассоциации пенсионеров Томас Борзиллери, в целом около 70 процентов пожилых людей Америки едва сводят концы с концами. Эту печальную статистику подтверждают и результаты опроса общественного мнения, проведенного службой Харриса. 34 процента опрошенных заявили, что испытывают острую нехватку средств, необходимых для жизни, а 74 процента указали, что подлинным бедствием для них стал беспрерывный рост стоимости жизни.

В Нью-Йорке мне часто приходилось видеть стариков вокруг баков с мусором: они стоят по колено в нечистотах, облепленные мухами, накрыв лица платками. Старики собирают объедки. По вечерам они бродят, неприкаянные и одинокие, по центральным улицам крупнейшего города США, где расположены штаб-квартиры крупных фирм и банков. Они спешат поживиться чем-либо до того, как мусороуборочные машины увезут выброшенные на тротуары целлофановые мешки с объедками. Хозяева многочисленных кафе на свежем воздухе специально нанимают людей для того, чтобы выталкивать стариков, которые ждут, когда обедающие кончат есть, дабы схватить оставшиеся куски хлеба, спрятать их в сумки и исчезнуть.

Настоящим «праздником» для пожилых стали всевозможные благотворительные вечера и митинги политических партий. Как-то заправилы партийного бизнеса в Майами-Бич с целью привлечения голосов избирателей объявили о том, что будут бесплатно угощать участников митингов закуской... Сотни пожилых людей (других желающих присутствовать на встрече не нашлось) штурмом брали ларек с провиантом. За 20 минут старики унесли все, что можно было унести с собой «про запас». И это происходило в Майами-Бич, одном из богатейших мест Америки. Управляющий рынком в этом городе Мейк Вагнер рассказывает: «Когда мы выбрасываем черствый хлеб, у дверей стоят в очереди более 50 стариков... Кто бы мог подумать, что люди в Америке будут так голодать».

«В США очень распространены предрассудки по отношению к престарелым», — свидетельствует доктор Роберт Батлер, директор Национального института проблем старения. У врачей и медиков — полное отсутствие интереса к пожилым клиентам. Юристы, разбирая тяжбы, где истцом выступает пожилой человек, любыми средствами добиваются отсрочки — вдруг случится, что «старое чучело загнется» до того, как дело попадет в суд.

Комиссия по делам престарелых палаты представителей конгресса США уже заслушивала вопрос о бедности среди американцев преклонного возраста. Конгрессмен Клод Пеппер, демократ от штата Флорида, заявил о решении внести резолюцию, которая призвала бы конгресс и народ покончить с нищетой в течение 10 лет, особенно среди пожилых бедняков. Он сказал, что «бедность среди пожилых американцев является национальным позором... Старики оказались жертвами провала политики федерального правительства, неспособного обеспечить их потребности. Такого нет ни в одной индустриальной стране».

Как свидетельствуют выводы комиссии по делам престарелых, «они являются самой неимущей группой в американском обществе». Однако до сего дня неизвестно, когда резолюция по вопросу о бедности среди американцев преклонного возраста будет внесена, а тем более одобрена конгрессом.

Культ насилия, проникший во все сферы жизни США, особенно болезненно бьет по старикам. В Нью-Йорке каждый пятый житель перешагнул рубеж 65 лет. Сто тысяч стариков крупнейшего города США никогда(!) не покидают своих квартир, опасаясь уличных нападений. Я был свидетелем того, как банда молодых хулиганов — им не было 16 лет — напала на пересечении 21-й стрит и 3-й авеню на пенсионера Эда Паркинса. После того как полиция отбила несчастного у бандитов, пожилой человек, бывший учитель, сказал мне: «Это не люди, это звери! Это уже второе нападение на меня за год. У меня ничего нет, они совершают налеты просто так — ради того, чтобы ударить, убить. Жизнь здесь становится все страшнее...».

Рассматривая проблему старости, американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» приходит к малоутешительному выводу: «Американцы все чувствительнее реагируют на дискриминацию по возрасту, но до ее искоренения еще очень далеко».

Разумеется, власти предлагают некоторые методы, направленные на улучшение бесправного положения пожилых людей. С 1965 года в стране действует программа «Медикэйд» для лиц старше 65 лет. Согласно ей пожилой пациент оплачивает лишь 20 процентов больничных счетов. Но с этой программой руководство страны попало впросак. За 14 лет цены так подскочили, что обычный пенсионер не может оплатить ныне и эти 20 процентов расходов.

На страницах американской печати то и дело рекламируются все новые и новые методы противостояния одиночеству в старости. Так, например, американский психолог Мэри Джоан Уиллард предлагает приобретать у нее обученных чудо-обезьянок, которые умеют кормить с ложечки, зажигать свет, открывать входные двери, поднимать упавшие предметы... Заманчивая идея!.. Но и печальная: значит, людям на стариков наплевать, значит, они и в самом деле «забытое поколение» Америки.

НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

И ПАРТА, И СТАНОК

РЕПОРТАЖ

Я ШЛА на завод, а попала в школу. Типовое школьное здание стояло в небольшом дворе, оттуда доносился тоже «типовой» шум... большой школьной перемены. И действительно была перемена, точнее, просто-напросто рабочий перерыв, потому что попала я все-таки на завод — настоящий завод, но единственный в своем роде.

Цеха размещались в бывших учебных классах, переделанных, переоборудованных, приспособленных под новые цели. Рабочими стали школьники. И только продукция осталась такой, какой ей и положено быть на заводе такого типа.

О продукции мы скажем отдельно, а пока поговорим о рабочих. Слово это — рабочие, быть может, следовало бы заключить в кавычки, но, право, для этого нет никаких оснований. Ибо тот, кто занят физическим производительным трудом, чья работа в коллективе дает зримые и весомые результаты, вправе называться рабочим без всяких кавычек, даже если он школьник.

Читатель, вероятно, уже догадался, о каком заводе идет речь. Про завод «Чайка» много писали. Газеты и журналы не обошли его своим вниманием: летописцы завода насчитывают более 120 публикаций на разных языках. Имя создателя и бессменного руководителя этого уникального предприятия — Валентина Федоровича Карманова — назвал недавно на страницах нашей газеты писатель С. Соловейчик («ЛГ», № 15, 1979) в ряду имен педагогов-новаторов, чей опыт заслуживает изучения и продолжения.

Труд — не повинность

...Итак, обеденный перерыв кончался. Он напоминал о себе нестихшим гулом, непривычной для завода суетой да еще пластмассовым футлярчиком микроэлектродвигателя, пущенным в кого-то, в попавшим в меня. Потом быстро наступила деловитая тишина: ритмично и слаженно заработали все четыре заводских цеха — радиотехнический, электротехнический, швейный и полиграфический. Такое несочетаемое сочетание производств, сведенных в одно предприятие, едва ли найдешь еще.

Я оказалась в цехе, где ребята делают электродвигатели. Не игрушечные, не учебные, не какие-нибудь псевдоприборы, производство которых лишь имитирует трудовую деятельность, лишенную конкретного практического содержания. Нет, все тут было настоящее: инструмент, производственный процесс и его результат. Продукция — итог труда этих мальчишек и девчонок — разойдется по всей стране («Мы поставляем ее в 128 городов Советского Союза», — с гордостью сказали мне ребята), выйдет за ее пределы («Наш завод экспортирует свою продукцию в Венгрию, Болгарию, Румынию и Югославию»), будет представлена как образец для подражания на ВДНХ. И мало кто из потребителей, к сожалению, узнает, что пользуется результатом труда обычных московских школьников.

Обычных — в том смысле, что никто их специально не отбирал, не выделял, не направлял на завод по каким-то специальным программам и тестам: четыре тысячи школьников из четырех районов Москвы — это просто ребята, которым посчастливилось учиться поблизости от завода «Чайка» и иметь там уроки труда.

Радость приобщенности к взрослому миру написана на лицах ребят. Они ее не скрывают и скрывать не хотят. Напротив — подчеркивают. Я видела, с какой нарочитой артистичностью, даже щегольством ребята наматывают обмотку якоря для моторчиков, проверяют точность деталей, прошивают строчку на платьях для кукол. Напускная небрежность, явно рассчитанная на зрителя, могла бы вызвать улыбку. Но чему здесь, собственно, улыбаться? Никакой бравады, никакого легкомыслия я в этом не уловила. Потребность щегольнуть своей работой, своим умением делать ее легко и непринужденно, пусть даже и подчеркнуто — я, мол, могу, а вы так можете? — потребность эта свидетельствует лишь о серьезности, с которой относятся здесь к труду. К делу, которое — не повинность, не обязанность, не постылая необходимость, а наслаждение.

Идет эксперимент

Тут надо сказать, что юные рабочие школьного завода давно находятся под пристальным наблюдением социологов. Заполнять различные анкеты, давать интервью — это для них занятие довольно привычное. Могли бы почувствовать себя «особыми», «избранными». Но — не чувствуют. Относятся к этому анкетированию с той же серьезностью, с какой работают. Понимают: «идет важнейший эксперимент. Педагогический. Нравственный. Производственно-экономический.

Я задала ребятам несколько вопросов, но, к моему удивлению, отвечать устно они отказались: беседа со мной заставила бы их оторваться от работы, а у них «горел» план... Зато они охотно взялись ответить письменно — на досуге, неторопливо, предварительно все обдумав и взвесив.

И вот передо мной кипа листков из школьных тетрадей. Обстоятельные ответы-исповеди и ответы короткие, лаконичные, почти афористичные (такого, например, типа: «Главное значение любой работы в том, чтобы понравилась сама работа», «Тип, вид, рабочий ритм машины должны соответствовать твоему характеру, работа пойдет, и ты получишь от нее удовольствие».) Из множества этих удивительно интересных человеческих документов мне хотелось бы почти целиком привести один.

Вот что написала Катя В:

«Трудовых мероприятий у нас в школе немало, но что-то не очень они интересны. Как-то не увлекают. А главное — не ощущаешь, что они всерьез кому-то нужны. Вроде бы с тобой играют в труд. Но ведь игра интересна только тогда, когда тебе хочется играть, да к тому же именно в эту игру, а не в другую... Во время этих трудовых мероприятий почти невозможно разглядеть настоящий характер твоего товарища. Даже если он и отлынивает от работы или любит всех «морально поддерживать», фактически ничего не делая, это еще не обязательно означает, что он лодырь и лоботряс. Может быть, ему просто неинтересно играть в ту игру, которая называется «трудовое мероприятие».

Другое дело — работа на нашем заводе. Здесь не сошлешься на то, что тебе работать неинтересно: ведь есть производственный план, и если ты начнешь сачковать — подведешь и других ребят, и весь завод. В школе можно быть хорошим учеником, а каков ты дома, еще вопрос. А на «Чайке» сразу все открылось. Приучен к труду и порядку, готов помочь или нет, — сразу все это проявится. Характер свой на заводе не скроешь — это, по-моему, самое главное...»

Может быть, это и не самое главное. Может быть, некоторые выводы и утверждения Кати чрезмерно категоричны. Но они очень симптоматичны, тем более, что примерно о том же, хотя и по-разному, пишут и другие ребята.

Бюджет... в кармане

Когда 15 лет назад директор завода микроэлектродвигателей В. Ф. Карманов «пробил» давно задуманную им идею — доверить школьникам участие в производительном труде, в выполнении государственного плана, — он знал, что встретится с немалыми сложностями. Речь идет о преодолении «психологического барьера», определяющего позицию некоторого числа педагогов — теоретиков и практиков — к этому начинанию. Позицию откровенно негативную. Одним из доводов «против» был такой: участие в производительном труде естественно предполагает какую-то материальную компенсацию, получение же школьниками денег за выполняемую ими работу считается заведомо непедагогичным, так как вместо моральных стимулов к труду развивает стимулы материальные, что равнозначно чуть ли не стяжательству.

Не вторгаясь в эти еще не утихшие споры, я решила просто узнать у ребят, на что они тратят свою зарплату (очень маленькую) и в какой мере приобретают навыки разумно распоряжаться своими средствами. На этот вопрос в своих сочинениях ответили все. Вот некоторые ответы: «Купил себе гитару, а другу — подарок», «Отдал в общий котел семьи». «Сделала подарок маме, а потом стала копить на летний туристический поход». «Покупаю живых рыбок», «Коплю на ласты»... Один ответил вызывающе: «На что трачу, это дело мое». А еще один ответил подробно, и его ответ, пожалуй, самый примечательный: «Деньги я от первой получки никуда не потратил. Я просто забыл, что их надо потратить. Точнее, не думал об этом. Я просто ходил и не мог вытащить руку из кармана, все ощупывал свою получку. Мне родители часто дают деньги, даже гораздо больше, чем я получил на заводе. Но каков же тут может быть «сравнение»?! Ведь то деньги родительские, а то — мои. Может быть, это смешно, но я сохранил первые в моей жизни заработанные деньги, потому что это моя самая большая гордость. Больше мне пока еще гордиться нечем...»

С автором этого ответа я потом встретилась. Он оказался не очень-то разговорчивым пареньком — на бумаге был куда более красноречивым. Однако вот что выяснилось: не только первую получку бережно хранит он, как свою самую большую гордость, но и первый моторчик, который был им собран и, увы, забракован заводским ОТК. Первый блин вышел комом, но это был его «блин», над которым он трудился усердно и честно. Горечь неудачи не сразила его, только заставила быть еще «злее». Рабочая «злость», то есть потребность преодолеть неуспех и доказать самому себе, что упорство приводит к желанной цели, тоже выковывает характер.

С планом не шутят

Как всякое промышленное предприятие, школьный завод имеет точный план выпуска готовой продукции. Это обстоятельство тоже, надо сказать, не способствовало реализации идеи В. Ф. Карманова. Говорили: с планом не шутят! Никаких срывов, естественно, быть не должно. Никакие «объективные» причины в расчет приниматься не могут: сколько должен сдать готовой продукции государству, столько и сдай. (Заметим в скобках: в общей сложности завод выпускает продукции на 3,5 миллиона рублей. На долю ребячьих «рук» приходится из этой суммы более 1,5 миллиона.) Но можно ли положиться так уверенно на подростков? Есть ли уверенность, что они всегда подчинят свои мимолетные настроения задачам не только учебным, но еще и производственным? А ведь один может подвести всех...

Но — не подводит! Не отлынивают, не прогуливают, не ссылаются на то, что «мама заболела» или «папа уехал в командировку». Вероятно, достигается это прежде всего созданной в коллективе атмосферой доверия и ощущением своей действительной нужности, в каком-то смысле даже незаменимости. И опять-таки ощущением, что это подлинное, государственно важное дело, а не его подобие. С первых же дней заводской работы ребята узнают, что такое экономические показатели предприятия, как и за что начисляется зарплата, они имеют дело с конструкторскими и технологическими разработками, — словом, мало-помалу становятся не просто участниками, а полноправными хозяевами своего предприятия, как и взрослые их коллеги.

Здесь надо сказать во избежание каких-либо неясностей, что на заводе работают не только дети, но, разумеется, и взрослые. Это опытные рабочие-производственники, ставшие теперь еще и педагогами. А как же иначе? Ведь взрослый коллектив, раз он включил в себя детский, неизбежно становится коллективным воспитателем.

Как и в школе, ребятам выставляют здесь оценки по пятибалльной системе. Но не просто за знания и умение. Учитывается и рост производительности труда (индивидуальный и коллективный), личное участие в совершенствовании самого производства, то есть, иначе говоря, хозяйское отношение к своему делу. Несмотря на то, что завод привлекает ребят преимущественно к ручному труду (пусть научатся мастерить своими руками!), здесь всемерно поощряется их стремление автоматизировать, рационализировать производственный процесс. Рационализаторские предложения школьников рассматриваются самым внимательным образом и внедряются в производство.

Мне показали зримый результат одного внедренного новшества. Раньше якоря электродвигателей сваливались как попало в коробку, и от этого часто повреждалась обмотка. Одна школьница предложила просверлить отверстия в доске, куда якоря можно вставлять. Это не только предохраняло обмотку от повреждений, но и облегчало подсчет, поскольку число отверстий известно. Идея вроде бы элементарная, но все кажется элементарным, когда кем-то уже придумано. Предложение юной «рационализаторши» принято и внедрено не только на «Чайке», но и на других заводах.

У ребят, как известно, особенно острый глаз на разные неполадки и неурядицы, они их замечают и с повышенной непримиримостью требуют устранить. Руководители предприятия всячески поощряют в своих воспитанниках эту «позитивно критическую» позицию. Принцип «не беспокоить начальство» тут не в чести.

...Рамки небольшого репортажа не позволяют рассказать о многих интереснейших гранях этого увлекательного, полезного, прекрасно оправдавшего себя эксперимента. Скажу лишь, что меньше всего «Чайка» стремится преждевременно «профессионализировать» ребят. Здесь осваивают не профессию, а навыки к труду, интерес к труду, любовь к труду.

Е. ЖИРКОВА,
наш корр.

ЗАВЕРШЕНИЕ ТЕМЫ

«Человек с двумя левыми руками» — так называют неумеху, неловкого, у которого все валится из рук. Автор одного из наших выступлений («ЛГ», № 4, 1979) заявил, что среди его знакомых (и незнакомых) таких людей множество, что нежелание и неумение обслужить себя, заняться ручной работой, мелким ремонтом, поделками — вообще примета времени. «С каких это пор всесторонне развитой личностью считается та, что всесторонне работает головой!!» — задала вопрос газета. Читательские варианты ответа на этот вопрос мы опубликовали в четырех подборках писем и статей («ЛГ», №№ 10, 13, 17, 21 с. г.).

Сегодня мы завершаем разговор под рубрикой «И знать, и уметь», разумеется, не исчерпав темы. Поскольку, по мнению многих наших авторов, «безрукие» взрослые получаются из ленивых детей, мы предлагаем вниманию читателей подборку материалов о трудовом воспитании молодежи.

НЕ ИГРАТЬ В РАБОТУ

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

НАЧАВ на страницах «ЛГ» разговор о трудовом воспитании, вы делаете большое дело. Тема эта жизненно важна, ибо беды наши от пренебрежения к простому труду неисчислимы.

Однако, судя по откликам, большинство читателей указывают на симптомы болезни и предлагают разные способы ее лечения, не пытаясь предотвратить болезнь вообще.

Ведь худо-бедно, а многие все-таки сами делают домашние работы, строят гаражи, дачи и проч. Но — для себя. А для других бесплатно мы работаем только на субботниках, хотя нравственный капитал бескорыстной работы (или помощи) всегда превышает ее материальные плоды.

Вспомним наши зимние улицы. Люди скользят, падают на ледяных колдобинах, но никто из здоровых и взрослых не попытается убрать лед хотя бы у своего дома. Что вы! Это работа дворника, ему за это платят...

Другой пример. У работников треста зеленых насаждений, видимо, не хватает ни рук, ни средств на озеленение наших быстро растущих микрорайонов. Обычно они втыкают у нового дома пяток деревьев и оставляют их на произвол судьбы. Поэтому мы с ребятишками стараемся ухаживать за ними, а также сажаем и поливаем новые деревца (которые я притаскиваю из густых лесных зарослей) на огромных пустырях вокруг дома. Однако большинство жильцов смотрят на это как на блажь. Здоровенные мужики все выходные в титанической борьбе с бездельем отбивают руки на пресловутом «козле». Сидя рядом с нами под единственной оставшейся после строителей липой, они с ухмылкой косятся в нашу сторону и даже недвусмысленно крутят пальцем у виска... Обратите внимание — помогают сажать деревца только младшеклассники, а чаще — дошкольники. Дети постарше (не говоря о взрослых) уже настолько «поумнели», что общественно полезный физический труд считают если не постыдным занятием, то чем-то недостойным современного человека. Но виноваты ли в этом наши дети?

Есть ли у нас возможность научиться работать и полюбить самый процесс труда?

Вовсе не обязательно учить детей в школе водить самолеты или варить сталь. Дети прекрасно понимают это и жаждут пусть простого, небольшого, но настоящего дела на пользу людям. А поскольку производительный труд детей у нас запрещен законом, то мы обычно заставляем их в школе только портить материалы и инструменты. В лучшем случае они делают примитивные игрушки. Но дети охотно играют в игру, а играть в работу они не хотят.

Вот где собака зарыта! Такая организация трудового воспитания в школе (да плюс еще сердобольные родители) не только не дает детям трудовых навыков, но, наоборот, отвращает от труда. Человек на всю жизнь привыкает смотреть на простой труд, как на примитивное занятие, достойное разве что людей «недоразвитых» либо «темных предков», а не их — интеллектуалов...

Откуда же пошло это пренебрежение к простому труду, несовместимое с нашей моралью, которая всякий труд на пользу общества считает делом чести? Если мы обратимся к истории, то увидим, что народная педагогика, не мудрствуя лукаво, испокон веку считала посильный труд детей самым главным средством воспитания. Главным просто потому, что труд детей — самый естественный путь, ведущий их в большую жизнь и соответствующий природе и назначению человека. Потому еще утописты не видели в самом факте детского труда (а не в формах его, разумеется) ничего аморального.

К. Маркс писал: «Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы».

В. И. Ленин утверждал: «...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения...».

Плоды ошибок в трудовом воспитании оказались намного горше плодов слепой материнской любви. Здесь — неумение и нежелание молодых и взрослых работать руками, беспомощность, инфантильность и неспособность отвечать за свои поступки.

Главный смысл жизни человека в социалистической стране — в общественно полезном труде, благодаря которому он получает признание и уважение окружающих. И растущий человек всегда страстно хочет утвердить себя в жизни, требует: «Я сам!». Так не пора ли «остановиться, оглянуться» и поискать ту самую меру, которая должна быть всегда и во всем? В данном случае — меру труда и учебы для каждой возрастной группы.

Сочетание учебы с ежедневным разнообразным, научно обоснованным и посильным трудом учащихся может стать подлинной панацеей от многих наших бед. Спорт не может и не должен, как многие полагают, заменять труд учащихся. Человек с малых лет должен постепенно приобщаться к настоящей жизни (а не барахтаться в ней, как впервые попавший в воду) и познавать цену всему: он научится любить всякий труд и уважать людей простого труда. Когда дети будут изготавливать что-то своими руками, они никогда уже не станут потом бить, ломать и портить плоды не только своего, но и чужого труда.

Многие недоумевают: «Помилуйте — когда же нашим бедным детям работать при теперешних перегрузках? Дай бог им справляться хотя бы с учебой!» Это мнение основано на незнании благотворного влияния сочетания физического и умственного труда. Их разумное чередование позволяет — проверено! — детям гораздо быстрее, легче и эффективнее усваивать школьные программы.

А лозунг о том, что учеба и есть труд детей, вообще неприемлем. Ибо каждый современный человек обязан (если он не хочет вскоре превратиться в обывателя) учиться, то есть расти и совершенствоваться всю жизнь.

Е. ТРОФИМЕНКО

МОСКВА

...СЛОВОМ...

...И ДЕЛОМ. Фото В. ЛАГРАНЖА

«ДЖЕНТЛЬМЕН» С ДИПЛОМОМ

ЗАМЕТКИ ИНЖЕНЕРА

МЫ СИДИМ с директором крупного института в его кабинете и разговариваем о новых разработках. Он что-то объясняет, но мне не очень понятно. Так как же все-таки крепится к корпусу контейнер? Директор берет карандаш и рисует какую-то закорючку. Потом со смущенной улыбкой говорит: «Простите, художник я неважный!»

Но разве я просил его написать мой портрет? Позже я узнал, что он — не «художник» плохой, а никудышный инженер! Инженер, не умеющий чертить, — это писатель, не умеющий писать... Тут я слышу протестующие голоса: «Зачем инженеру, руководящему целым институтом, уметь чертить? У него есть чертежники и конструкторы». (Помните госпожу Простакову: география — наука кучерская!) Другое возражение: «Зачем инженеру помнить наизусть формулы? Есть же справочники. Есть техники в отделе информации, которым только кивни, и они тут же все книжки принесут и закладочки на нужных страницах сделают!» Одно за другим отметаются нужные качества, составляющие само понятие «инженер». Зачем считать, если есть ЭВМ, зачем самому лезть в котел, если есть кочегары, зачем уметь точить, если все равно токаря не обскачешь!

Но ведь истина лежит у всех на виду: пусть инженер-технолог не выдержит с хорошим токарем соревнования на скорость и точность обработки, но он прекрасно умеет работать на станке, и, если надо, сможет показать новичку, что к чему. Разве с этим мыслимо спорить? Почему же тогда студент с первых лет учебы начинает готовить себя на «корифея»? И черновые операции он сразу исключает из перечня необходимых знаний. Ведь это легче всего — объявить себя «теоретиком» еще на третьем курсе, не работать на практике, не делать самому чертежи, а за сэкономленный на завтраках червонец заказать их «середнячку», который ни на что другое, как чертить, не способен. В результате на производство пришел человек с дипломом, который ничего не умеет, а через год-два про него можно сказать: и не умеет, и не знает. Теория забылась, а практика не привилась.

Вот разговор: «Папа, кто такой Шухов?» Подумав, отец отвечает: «Инженер» — «Как наша мама?» — «Нет, наша мама — старший инженер». Поговорите с людьми. Чем отличается инженер от неинженера? Да ничем! Инженер — стало размытым понятием. Как бы только название должности. Звание «старшего» не дают лишь по полной неспособности. За последние годы появились десятки специальностей, в которых в той или иной форме участвует это слово. Есть инженеры учета, инженеры-экономисты, инженеры-плановики, инженеры-социологи, инженеры торговли и еще десятки инженеров-неинженеров. Не умеют они ни чертить, ни рассчитывать конструкции, ни тем более держать в руках инструмент. Да их этому и не учили. В принципе это конторщики, по-иностранному — клерки. Ну и что ж? Уважаемая категория лиц! Вот только зачем им прицепили, как гренадерский султан к поварскому колпаку, звание инженера? Им оно ни к чему, а настоящим инженерам — обида. Сейчас уже кое-кто начинает поговаривать о том, что «инженер» — это не звучит. Чтобы поддержать реноме, нужно как минимум иметь звание кандидата!

Не перевелись и по сей день инженеры-неумехи типа незабвенного Эрнеста Павловича Щукина из «Двенадцати стульев», который тихо умирал голышом возле захлопнувшейся двери, а попробовать открыть замок без ключа ему и в голову не приходило. Есть и такие врачи. Придет по вызову вроде бы серьезный товарищ, корректен, доброжелателен. Вдруг у больного начинается приступ. Куда что делось? Дитя беспомощное! Начинает звонить, чтобы срочно сестра приехала и сделала укол.

Читатель А. Андреев («ЛГ», № 21) с похвальной сыновней признательностью вспоминает отца, который, подобно дядюшке Поджеру, не мог гвоздя забить, но был... прекрасным воспитателем. Жизненное кредо сына — «Безрукий» мужчина — вовсе не порок». Конечно, можно работать инженером, и не зная черновой работы, можно быть врачом, не умеющим вскрыть фурункул, но это будут плохие инженер и врач. Во всяком случае, звезд с неба хватать не будут ни тот, ни другой. Для того чтобы быть хозяином в своей отрасли народного хозяйства или науки, нужно воспитать в себе любовь к любому виду работ в своей отрасли.

Не впервые раздается призыв к узкой специализации. Это, мол, выгодно, рационально и перспективно. Нет смысла спорить с этим. Спорить и бороться нужно с демагогами, оправдывающими свою бездеятельность в науке тем, что им своевременно не дали слесаря-механика и лаборанта. Дескать, не мое дело гнуть стеклянные трубочки и подводить шланги к горелке! На производстве они свое безделье оправдывают тем, что кто-то своевременно не подвез материал, кто-то не оформил заявку, а кто-то не выполнил распоряжение. В принципе, конечно, нельзя осуждать человека, если имеются оправдывающие обстоятельства, но нельзя привыкать к тому, что эти «обстоятельства» накапливаются год от года. Уже сейчас хорошего слесаря-механика в НИИ найти труднее, чем заурядного кандидата наук. Судя по тому, что конкурсных экзаменов по приему в ПТУ в ближайшие годы не предвидится, нет оснований надеяться на то, что слесарей в НИИ прибавится. Выход один — учиться работать руками. Собственно говоря, электронщики этому научились давно. Там профессор — он и в пайке профессор.

Леон Фуко, если бы следовал призыву «Не паять, не чинить!», никогда бы не изобрел своего маятника. Ведь закономерность его колебаний он обнаружил, обтачивая прут, конец которого был зажат в патроне токарного станка. Всем известна любовь Д. И. Менделеева к физическому труду. Он считал, что человек, достигший вершин мастерства, ну, хотя бы в столярном деле, способен достичь их и в любой другой отрасли, даже в химии. Во всяком случае, его легче выучить делу, чем какого-нибудь белоручку.

Больше половины всех рацпредложений и изобретений сделаны людьми, которые или работают руками в настоящее время, или начали свою трудовую деятельность с физической работы. Это касается даже такой сугубо теоретической отрасли, как ЭВМ. Ученые-физиологи считают, что чередовать умственный и физический труд полезно. Если бы люди, как муравьи, занимались только каждый своим делом, то прогресс остановился бы, потому что открытия и изобретения рождаются не в тиши кабинетов, не у «яйцеголовых» замшелых схоластов, а на стыке теории и практики, в самой гуще событий, у живых разносторонних людей, о которых можно сказать не только «человек разумный», но и «человек умелый», «гомо...», не знаю, как там дальше по-латыни.

Сейчас десятикласснику самое время подумать, куда податься. Заклинаю каждого из них: вспомни свое детство и отрочество. Если ты никогда не любил мастерить, не ходи в инженерный вуз. Иначе быть тебе до старости мальчиком на побегушках, а в лучшем случае клерком, просиживающим штаны «от» и «до». Не лучше ли сначала попробовать себя на физической работе по избранной специальности, а потом уж поступать в институт. Человек создан для творчества. По-настоящему счастлив лишь тот, кто может свободно творить в своем кругу, кто не чувствует своей неполноценности, зависимости от чужой воли, зависти к удаче коллеги.

Читатель А. Андреев ждет, когда настанет время расцвета фирмы «Заря», и на каждом углу нас будут подстерегать люди, призвание которых — услужить ближнему. Но как-то не верится, что такое настанет. На наших глазах число людей, желающих услужить, из года в год уменьшается. Как мамонты, вымерли дворники, которые за рубль делали любую работу, начиная от погрузки вещей, кончая вставкой разбитого стекла. Теперешний дворник — джентльмен. Он и получает не меньше инженера, и время его дорого. Не резон ему вам гардины развешивать, у него совместительство по основной работе... Что же делать неумелым и незнающим? Выход один — знать и уметь. Папа Андреев не любил домашней работы и не делал ее. Андреев-сын не любит, но кое-что согласен делать по дому. Андреев-внук будет делать все, что нужно.

Врачом он станет или инженером, он будет человеком умелым и разносторонним. Ибо само по себе отомрет разделение труда на физический и умственный. Рабочий, овладевший теорией, сможет без затраты физического труда руководить производственным процессом, а инженер, освоивший и сварку, и пайку, будет в космосе монтировать гелиостанции. Человек умелый. Андреев-правнук с улыбкой прочтет трогательную исповедь своего неумелого деда.

О. ЖОЛОНДКОВСКИЙ,
инженер

РЕЗОНАНС

«СДЕЛАЙ САМ!»

В ходе разговора на тему «И знать, и уметь» редакция опубликовала заметки А. Удальцова «Сделай сам!» («ЛГ», № 13, 1979), в которых автор рассказал об интересном венгерском опыте по созданию специальных мастерских, где желающие могут за небольшую плату под руководством опытных инструкторов работать на различных станках, использовать широкий набор инструментов. В столице Венгрии такие мастерские пользуются большой популярностью.

Предложение о создании таких мастерских у нас поддержали и читатели «ЛГ». Редакция запросила мнение некоторых министерств и ведомств, исполкомы Советов народных депутатов ряда крупных городов страны.

И вот пришел первый ответ. Начальник Главного управления непроизводственных бытовых услуг Министерства бытового обслуживания населения РСФСР М. Ф. Шатский сообщает:

«Министерство бытового обслуживания населения РСФСР по вашей просьбе изучило статьи А. Удальцова «Не хочу трудиться, а хочу... учиться», «Сделай сам!» и другие материалы, опубликованные в «Литературной газете» под рубрикой «И знать, и уметь», и считает, что авторы статей поднимают актуальные вопросы организации различных работ для дома в специально выделенных помещениях.

Учитывая многочисленные пожелания читателей «ЛГ», министерство дало указание местным органам бытового обслуживания расширить перечень предметов проката, которые могут быть использованы для различных домашних работ, выполнения всевозможных поделок.

Одновременно совместно с Министерством жилищно-коммунального хозяйства готовятся предложения по организации при жэках специальных помещений, в которых можно осуществить различные мелкие хозяйственные работы и давать по ним консультации специалистов.

Кроме того, нами изучается вопрос об организации в порядке эксперимента в 2—3 городах РСФСР специализированных домов «Умелые руки», «Сделай сам», в которых будет предоставляться широкий перечень инструментов, предметов для различных хозяйственных работ, консультации по интересующим вопросам».

Редакция с удовлетворением принимает это сообщение министерства и обязуется рассказать о ходе эксперимента. Надеемся, что важное начинание Министерства бытового обслуживания населения РСФСР найдет заинтересованную поддержку у местных Советов народных депутатов.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?..

Фото А. КАРЗАНОВА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

«ОТХОДЫ В... ОТХОДЫ»

Министерство сельского хозяйства СССР согласно со статьей «Отходы в... отходы», опубликованной в «Литературной газете» 11 июля 1979 года.

В целях улучшения использования пищевых отходов Минсельхозом СССР разработаны «Методические рекомендации по механизации и автоматизации обработки и раздачи свиньям пищевых отходов», «Положение об оплате труда работников, занятых сбором пищевых отходов в жилых домах, больницах, столовых и других предприятиях общественного питания», «Ветеринарно-санитарные правила сбора пищевых отходов и использования их для кормления свиней». По заданию министерства институтами «Гипросельхозпром» и «Росгипрониисельстрой» совместно с ВИЭСХ разработаны проекты заводов различной мощности по переработке пищевых отходов в сухие гранулированные корма, а также кормоцехов для свиноводческих ферм. Опыт работы передовых хозяйств освещается в брошюрах, листовках и плакатах, создан кинофильм «Откорм свиней на пищевых отходах».

Однако организации сбора и использования пищевых отходов в отдельных республиках, краях и областях все еще не придается должного значения, не организовано производство достаточного количества тары для пищевых отходов, в Минстройдормаше — контейнерных мусоровозов и контейнеров к ним.

В соответствии с материалами, опубликованными в «Литературной газете», Минсельхоз СССР обязал министерства сельского хозяйства союзных республик принять меры к устранению имеющихся недостатков по сбору и использованию пищевых отходов, а также разработать мероприятия, в которых предусмотреть дополнительное выделение пригородных хозяйств для откорма свиней на пищевых отходах, строительство заводов и цехов по их переработке, улучшение организации сбора и увеличение объема заготовок, обеспечение надлежащего ветеринарно-санитарного контроля, разработку мер морального и материального поощрения за выполнение установленных заданий, выделение в минсельхозах, областных, краевых управлениях сельского хозяйства специалистов, ответственных за организацию использования пищевых отходов.

Л. КУЗНЕЦОВ,
заместитель министра
сельского хозяйства СССР

⁂

Редакция получила и еще два официальных ответа на статью «Отходы в... отходы». Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР, весьма оперативно откликнувшееся на публикацию в газете, сообщает о принятых мерах по улучшению сбора пищевых отходов в городах республики. А вот из Казахстана был получен, по существу, отписочный ответ за подписью заместителя председателя Госплана Казахской ССР Ж. Абутапипова. Что же касается ведомств, ответственных за сбор пищевых отходов в Азербайджане, Грузии, Литве, Молдавии, Эстонии, чья деятельность критиковалась в нашей статье, они вообще, видимо, решили хранить молчание...

«ОПЕРАЦИЯ: «ДЕВУШКИ, ЮНОШИ И ТЕЛЕФОН»

После опубликования статьи Анатолия Рубинова «Операция: «Девушки, юноши и телефон» («ЛГ» от 1 августа 1979 г.) на Центральной междугородной телефонной станции было проведено расширенное заседание парткома и совета ЦМТС совместно с секретарями партийных организаций, председателями местных комитетов, секретарями бюро ВЛКСМ, активом. Статья обсуждалась во всех коллективах станции.

Очевидно, нет необходимости в подробном рассмотрении каждого из приведенных в статье фактов, так как независимо от причин, их вызывающих, они, к сожалению, имеют место и свидетельствуют об имеющихся недостатках в работе станции.

С момента опубликования в 1977 году в «Литературной газете» статьи «Операция: «Девушки и телефон» коллектив Центральной междугородной телефонной станции многое сделал для выполнения разработанных тогда мероприятий с целью повышения качества обслуживания абонентов.

Осуществлены мероприятия по:

— улучшению условий труда на рабочих местах телефонистов;

— усилению производственного контроля за их работой;

— активизации работы по распространению передовых методов труда лучших телефонистов и повышению квалификации работников массовых профессий;

— широкому развитию движения наставничества кадровых работников над молодежью;

— привлечению в периоды увеличивающейся нагрузки для работы на станции студенческих строительных отрядов из Московского электротехнического института связи и Московского политехникума связи (состоящих в значительной степени из юношей), а также школьников из учебно-производственных комбинатов, созданных в нескольких районах города Москвы.

Все это, несмотря на имеющиеся трудности с кадрами и ежедневное отсутствие на рабочих местах до 30 и более процентов телефонистов, позволило коллективу обеспечить прирост междугородного телефонного обмена за указанное время более чем на 10 процентов.

Вместе с тем мы сознаем, что качество обслуживания продолжает оставаться не на должном уровне.

В значительной мере это определяется тем, что восполнить недостающую рабочую силу другими мерами (автоматизация, повышение производительности труда и т. п.) пока не представляется возможным.

Сейчас основные усилия руководства ЦМТС направляются на решение кадрового вопроса.

В заключение следует согласиться с автором упомянутой статьи, что «не надо новых заседаний, не надо новых мероприятий — достаточно старых мероприятий для борьбы за улучшение работы — надо просто работать».

На это и нацелен в настоящее время коллектив Центральной междугородной телефонной станции.

Н. КЕДРОВ,
начальник ЦМТС;
С. ВАСИЛЬЕВА,
секретарь парткома;
А. СЕМЕНОВА,
и. о. председателя
объединенного комитета
профсоюза;
Г. СЛЕСАРЕВА,
секретарь комитета ВЛКСМ

Аркадий САХНИН

ПРАВДА

О ГЕРОИЗМЕ И ПОДЛОСТИ

Я расскажу о сильном человеке. О человеке чистом, возвышенном, безоглядно храбром. А рядом пойдет другая история — отвратительная и мерзкая. Может, одна такая и отыщется на всю страну. Просто патология какая-то. Не писать бы о ней вовсе. Да перепутала и тугим узлом завязала жизнь героическое и подлое. Надо разрубить узел. И тогда, очищенное от низменного, в полной мере предстанет перед нами прекрасное.

ИВАНА ЛУКИЧА ДЬЯЧЕНКО я никогда не видел. Представляю его по фотографиям и многочисленным рассказам людей, работавших вместе с ним. Огромного роста, широкоплечий, с большими сильными руками. Лицо крупное, обветренное, черные вразлет брови, высокий лоб, слегка вьющиеся волосы. В движениях резкий, взгляд быстрый.

Он работал в Новобасанском районе на Черниговщине в должности заврайземотделом, пока его не исключили из партии.

В начале войны Новую Басань, расположенную ближе к Киеву, чем к Чернигову, оккупировали фашисты. Ему предложили пост бургомистра Новой Басани, и он охотно согласился.

Это произошло в сентябре 1941 года. Вражеские войска продолжали наступление. Ни в Новой Басани, ни в ближайших селах их гарнизонов не осталось. Даже немецкий комендант Бибрах, которому был подчинен Дьяченко, находился в соседнем районном центре — Бобровице. И стал Иван Лукич править.

Ходил он в защитного цвета галифе и полувоенной гимнастерке с большими в гармошку накладными карманами, перетянутый портупеей, с пистолетом на боку и двумя торчащими из брючных карманов гранатами. С людьми почти не разговаривал, только кричал на них, похлестывая по сапогу круто сплетенной нагайкой, с которой никогда не расставался.

Обо всем этом рассказали многие очевидцы. Один из них, Александр Елисеевич Кривец, писал: «Дьяченко лично руководил отправкой молодежи района на каторгу в фашистскую Германию, грабил население, отбирал хлеб, скот, птицу, одежду... чинил много других злодеяний.. И. Дьяченко лично расстреливал и пытал патриотов».

Свидетельства Кривца представлялись особенно достоверными, ибо во время войны он командовал механизированным партизанским соединением имени Щорса в том же районе, где действовал Дьяченко. Удостоен звания Героя Советского Союза. Ныне он генеральный директор одного из крупнейших в стране производственно-аграрных объединений сахарной промышленности. Его боевые подвиги подробно описаны во многих документах и в литературе, увековечены на стендах районного музея боевой славы.

Так, в «Краткой истории» щорсовцев пишется: «В самом начале войны в числе одного из экипажей советских эскадрилий был и молодой штурман Александр Елисеевич Кривец», который «все свое умение, все силы отдавал на разгром врага... За время первых месяцев боев тов. Кривец совершил сотни боевых вылетов... Когда Кривец летал на задания, вся его воля, все чувства были направлены на выполнение задания, он весь отдавался полету».

КАКИМ ЖЕ образом боевой летчик, секретарь комсомольской организации авиационного полка лейтенант А. Кривец стал командиром партизанского соединения?

Получив очередной приказ, пилот В. Савельев и А. Кривец разрушили переправу через Днепр. Затем прошили пулеметным огнем колонну вражеских вездеходов, скопление гитлеровцев.

Неожиданно появляются три «мессершмитта». В неравном бою А. Кривцу удается сбить одного из них, но подбита и его машина. С трудом дотянули ее до земли — до территории, захваченной врагом. Преодолевая голод и многочисленные препятствия, неся на себе тяжело раненного напарника, Кривец пробивается лесами, чтобы выйти из окружения и снова сесть на боевую машину.

В конце концов попадает в Новобасанский район Черниговской области. Убедившись, что пробиться к своим не удастся, он организует здесь подполье, а затем партизанский отряд. Смелые налеты на врага, богатые трофеи дают возможность превратить отряд в крупное механизированное соединение.

Это произошло во второй половине 1941 года, когда бургомистром Новой Басани был Иван Дьяченко. Свидетельства такого человека, как Александр Елисеевич, о злодеяниях бургомистра не оставляли сомнений в предательстве Дьяченко.

Но вот тут-то и начались неувязки. Выяснилось, что, кроме коменданта Бибраха, Дьяченко подчинялся еще одному человеку, члену Киевского подпольного горкома партии Геннадию Ивановичу Кулику.

«Лукич! — обращался Кулик к Дьяченко в одном из своих писем, ныне хранящемся в Киевском партийном архиве. — События развернулись не так, как хотелось, вследствие чего я не смог договориться с тобой еще по ряду вопросов, а именно: чтобы ты сдвинул с места отряды Бобровицкого и Згуровского районов. Необходимо, чтоб ты сделал это немедленно, особенно по Згуровке, поскольку убийство тов. Базарова может отряд морально разладить».

Далее перечисляется, чем Дьяченко должен помочь партизанскому отряду бывшего военкома Новобасанского района Князева. «Как видишь, — продолжал Кулик, — тебе здесь есть над чем поработать... Заканчивайте со снабжением отряда продовольствием и боепитанием... Надо сделать все для того, чтобы отряд днями ушел».

И еще один архивный документ. Я читал в подлиннике захваченное у гитлеровцев при их бегстве донесение № 23 начальника полиции безопасности и службы безопасности СС на Украине, посланное в Берлин 2 октября 1942 года. В нем говорится:

«Как было установлено, руководитель недавно обнаруженной нелегальной коммунистической организации в районах Новая Басань, Бобровица и Лосиновка, шеф района Дьяченко доставал оружие для вооружения членов банды.. Ему также удалось устроить некоторых своих людей в качестве переводчиков и шоферов при немецких учреждениях. Он всегда заранее узнавал о возникающих против него подозрениях и об операциях, запланированных против его банды».

Выходит, в Новой Басани действовало до сих пор неизвестное подполье во главе с И. Дьяченко, который работал под руководством Киевского подпольного горкома и занимался не отдельными диверсиями, а решал масштабные задачи партизанского движения в трех районах.

В гитлеровском донесении не говорится, кто предал новобасанское подполье. Известно лишь, как жестоко гестапо расправилось с подпольщиками. Фашисты схватили И. Дьяченко и многих его соратников, сожгли семь деревень, расстреляли сотни и сотни мирных жителей.

Но осталось множество живых людей и документов, свидетельствующих о практических делах подполья, возглавляемого Иваном Лукичом Дьяченко.

Отсутствие в районе вражеских гарнизонов создавало благоприятные условия для подпольщиков. Коммуниста Н. Бегезова назначили лесником урочища Заблоещина, где впоследствии он надежно укрывал партизан, прятал оружие. Комсомолка Е. Клюзко, ныне кандидат геологических наук, рассказала мне, как И. Дьяченко устроил ее работать на коммутатор, и она подсоединяла его к телефонным переговорам гитлеровцев и их ставленников. Это не раз спасало от провалов, от готовившихся облав и угона людей в Германию, ибо, предупрежденные, они успевали скрыться.

Под руководством врача И. Н. Марьяновского был создан подпольный госпиталь для раненых воинов, оказавшихся в окружении. Осиротевших детей поместили в детский дом, которым по поручению И. Дьяченко заведовала колхозная портниха Ярцева. Дом М. Ерланской, находившийся на территории церкви, стал явочной квартирой. Сюда приходили связные из Киева, здесь собирались подпольщики, здесь же организовали и «перевалочную базу» оружия создававшегося партизанского отряда, командиром которого стал бывший военком района С. Князев.

Более пятидесяти участников или свидетелей событий дали письменные показания о патриотической деятельности Дьяченко.

Вот, к примеру, что написал Николай Максимович Федюк: «Дьяченко спас мне жизнь.. Он пробрался в немецкую власть и на все посты ставил своих доверенных людей. Дьяченко помогал партизанам, поддерживал всех нас... Он выручал военных, которые попали в окружение, размещал их по селам поближе к лесам, держал их для организации партизанского отряда.. И. Л. Дьяченко сфабриковал мне документ на немецком языке, что я являюсь представителем дорожного отдела». С этим документом Н. Федюк ездил по селам, став подпольщиком.

Бывший партизан, а ныне диктор Украинского радио Н. Погребной рассказал мне, как, рискуя собой, И. Дьяченко спас его от расстрела. Закончил он так: «Если мне скажут — признай Ивана Лукича предателем или клади голову на плаху, я положу голову на плаху».

Не пересказать мне здесь всего, о чем поведали бывшие партизаны, подпольщики, живые свидетели событий: колхозница А. Бегезова, доцент Киевского университета А. Вовк, заместитель директора большого завода А. Борисенко, бывший прокурор М. Дзюбенко, пенсионерка О. Яровая, кандидат геологических наук Е. Клюзко и многие другие говорили только о том, что сами видели, сами пережили. Это были очень разные эпизоды из жизни новобасанского подполья, но, вместе взятые, они раскрыли героический образ его руководителя Ивана Лукича Дьяченко.

А как же тогда исключение из партии? А туго сплетенная нагайка? А авторитетнейшее свидетельство А. Кривца и других?

Верно, из партии 28-летнего Дьяченко перед войной исключили. За нарушение устава сельскохозяйственной артели и злоупотребление служебным положением. Получил он, например, для района 290 килограммов гвоздей, надо бы их равномерно всем колхозам распределить, а он только двум хозяйствам отдал, да и для ремонта собственной кровли пять килограммов выписал. И еще несколько подобных злоупотреблений допустил.

После исключения из партии его избрали председателем самого крупного, правда, и самого отстающего в районе колхоза. К началу войны он вывел колхоз в передовые.

Все это, однако, не снимало обвинений Кривца.

Пришлось не раз ездить в Киев, Чернигов, Новую Басань, по селам и деревням Черниговщины, обращаться к военным, государственным и партийным архивам.

ШАГ ЗА ШАГОМ, месяц за месяцем проступала правда. Она оказалась неумолимой и отвратительной в своем уродстве — жажда славы. Жажда личной славы, присвоение чужих заслуг даже ценой кощунственного попрания памяти патриотов, погибших во имя Родины. Вот что движет А. Кривцом. Он и есть та сила, которая не дает восторжествовать истине. Сила немалая, ибо пока пересилить ее не удалось.

А теперь я должен доказать это тяжкое обвинение.

Весь состав Киевского подпольного горкома партии погиб. Живых свидетелей не осталось. А. Кривцу показали цитированное выше письмо Г. И. Кулика, из которого видно, что И. Л. Дьяченко руководил подпольной организацией. Александр Елисеевич заявил: «Фальшивка». А в официальные органы сообщил, что оно написано «неким человеком, выдавшим себя за Кулика — секретаря Киевского подпольного горкома партии. В действительности это было подставное лицо, мы об этом доподлинно знали».

Документ передали на экспертизу. Ученые установили — письмо написано членом Киевского подпольного горкома партии Г. И. Куликом и адресовано И. Л. Дьяченко из Новой Басани.

Кривец сказал: это еще ничего не значит.

Тогда ему предъявили цитированное выше гестаповское донесение № 23.

«С каких это пор, — возразил Кривец, — свидетельства фашистов, наших заклятых врагов, стали принимать за истину!»

Пришлось обратиться в управление КГБ по Черниговской области. Началась тщательная проверка, приведшая к однозначному выводу: «Каких-либо фактов карательной или предательской деятельности Дьяченко И. Л. за время пребывания его на должности бургомистра Новобасанской райуправы не обнаружено.. Из материалов видно, что массовые расстрелы жителей Новой Басани начались лишь в конце 1942 года, то есть в период, когда Дьяченко Иван Лукич был уже сам арестован немцами... В своих объяснениях бывший командир партизанского отряда имени Н. А. Щорса Кривец А. Е., Шинкаренко Ф. Ф., Конопляник А. Я. выдвигают неконкретные доводы в отношении карательной и предательской деятельности Дьяченко И. Л. Их показания в процессе проверки своего подтверждения не получили».

Выводы управления КГБ Кривец не стал опровергать. Он признал их несостоятельными, продолжая голословно обвинять И. Дьяченко в чудовищных злодеяниях. «Почему я так утвердительно пишу? — заканчивает он одно из своих посланий. — Да только потому, что все указанные факты происходили на моих глазах». Эта мысль, по-разному выраженная, присутствует во всех его обращениях в вышестоящие инстанции. Значит, не добросовестно заблуждается человек, а умышленно искажает факты? Для чего-то же ему это надо?..

И я пошел по второму кругу. Перечитал героическую автобиографию Кривца. Одна деталь показалась немного странной. Откровенно говоря, деталь пустяковая, но решил все же проверить. И потянулось за этой малостью куда более крупное.

Все приведенные выше данные о службе и подвигах А. Кривца в ВВС я переписал из документов, под которыми стоит его подпись. Между тем материалы Центрального архива Министерства обороны СССР, документы и очевидцы свидетельствуют об ином.

Механик по приборам, сержант Кривец Александр Елисеевич никогда не был ни штурманом, ни пилотом, не был лейтенантом, не был секретарем комсомольской организации полка (этот пост занимал сержант И. И. Теличко). Не было боевых вылетов. Ни одного не было. Он ни разу не поднимался в воздух. Следовательно, он весь не «отдавался полету», не «поливал свинцом», не «прошивал пулеметным огнем», не поджигал с самолета танков, не сбивал «мессершмиттов», не подвергался их нападению и сам не был «сбит в глубоком тылу врага». И своего «напарника» В. Савельева тоже выдумал. Не было в полку такого летчика.

Я спросил Кривца, не ошибся ли он, описывая героические подвиги в своей книге «Багряными дорогами». И положил на стол документы...

Кривец не побледнел, не схватился за голову. Застенчиво улыбаясь, ответил: «Редакторы вписали, и неловко было исправлять». А я еще раньше проверил: никто ничего ему не «вписывал». Но, допустим, вписали. А как же тогда документы, такие, например, как автобиография и анкета при вступлении в партию, редактуре не подлежащие? В них те же данные о героическом летчике.

И снова появилась застенчивая улыбка: «По молодости и неопытности».

ХОРОШО, пусть так. Но в последних письмах, чернящих И. Дьяченко, адресованных руководящим органам партии, он повторил придуманные им подвиги, чины и звания, которых никогда не имел. Теперь уже на молодость и неопытность не сошлешься.

— А какое это имеет значение?! — властно сказал он. — Какое это имеет значение, я вас спрашиваю?! Важно, что я оказался на оккупированной территории, а как — значения не имеет. Важно, что никакой корысти из неточностей в моей биографии я не извлек, а явился организатором подполья в районе, организатором, командиром партизанского механизированного соединения, на протяжении двух лет громившего врага.

На всякий случай все же выясним, имеет ли значение, как именно А. Кривец попал в окружение и что он там делал.

В Москве работает ныне И. Пасынков, который вместе с Кривцом окончил военное училище. Вместе же они получили одно и то же звание — «сержант». Вместе попали в 254-й авиаполк: Кривец был назначен механиком по приборам, а Пасынков — электромехаником 1-й эскадрильи. В Махачкале живет и трудится инженер В. С. Камедин, бывший сержант и механик по приборам 2-й эскадрильи того же полка. Жив и здравствует в Киеве бывший старший инспектор по технике пилотирования в дивизии, где служил А. Кривец, генерал-полковник в отставке В. Степичев. Удалось разыскать многих однополчан Кривца, которые хорошо его знали. Я сверил их свидетельства, по сути своей одинаковые, совпадающие с данными военных архивов, и картина стала ясной.

В сентябре 1941 года 254-й авиаполк, прорываясь из готового сомкнуться вражеского кольца, перебазировался из Семилок в Новобыково. Кривец избрал другой маршрут, куда более безопасный и надежный, который и привел его в родное село Пески Новобасанского района, где и затерялся его след на восемь месяцев. Камедин, Пасынков, как и многие другие из его части, воевали в своем полку до полной победы.

Ответить точно, чем А. Кривец занимался восемь месяцев, он затрудняется. Говорит лишь, что находился в Песках. Это было самое тяжкое время, когда героически действовали в подполье, созданном И. Дьяченко, С. Князевым и другими, патриоты Новой Басани.

Следовательно, не Кривец был организатором подпольного и партизанского движения в районе, как он утверждает. Кривец просто присвоил себе заслуги организаторов подполья, в частности Дьяченко. И чтобы закрепить попрочнее за собой эти заслуги, объявил Дьяченко предателем. А у Кривца личное подполье было. Выйдя из него через восемь месяцев, верно, пошел в отряд Князева и был назначен командиром отделения разведки. Вскоре отряд выступил в боевой поход. Перед этим состоялось совещание командного состава, на котором присутствовали и Кривец, и «бургомистр», ибо именно Дьяченко снабжал отряд оружием, продовольствием, боеприпасами. Значит, знал Кривец о героической деятельности Ивана Лукича.

Как человек дальновидный, Кривец сообразил, что поход трудный, схватки предстоят тяжелые, поэтому правильнее будет своевременно вернуться с марша в Пески. Так и поступил, захватив еще несколько односельчан.

В поисках надежного укрытия он бежал домой из полка, а затем и из партизанского отряда.

Таким образом, Кривец не «попал» в окружение, а сам пришел туда.

В Песках, как утверждает Кривец, он создал свой партизанский отряд, вскоре переросший в механизированное соединение.

Не было этого. Не было «механизированного соединения», предполагающего массы людей, ремонтную базу транспорта и техники, склады горючего и т. д. Даже по отчетам Кривца, к сентябрю 1942 года численность отряда доходила до шести человек. А за два месяца до освобождения района Советской Армией количество людей в отряде возросло. И командиром отряда был Кривец. Значит, все же воевал человек. Пусть изовравшийся, пусть всего несколько месяцев, пусть не «крупным механизированным соединением» командовал, но все же воевал.

Воевали миллионы людей. А заслуги их отмечены по-разному. В зависимости от личного вклада в дело победы.

Созданный А. Кривцом искусственный ореол славы боевого летчика, отличившегося непревзойденным героизмом в воздушных боях, полкового комсомольского вожака, командира механизированного соединения, на протяжении двух лет громившего врага, организатора подполья и партизанского движения в районе исключительно высоко поднимал его моральные акции в глазах общественности, руководителей партийных и советских органов, способствовал получению им высшей награды. И сегодня с большим умением и ловкостью эксплуатирует он свои «заслуги».

В 1943 году район был освобожден советскими войсками. 24-летний А. Кривец, полный сил и здоровья, понимая, что окончательная победа еще далековата, а для страны имеет большое значение восстановление народного хозяйства, в особенности пищевой промышленности, решил полностью посвятить себя этому делу.

Правда, опыта в новой для него отрасли еще не имелось. Но опыт — дело наживное, и его сразу назначили директором сахарного завода. Не рядовым же агрономом ставить человека с такой героической биографией!

Когда война закончилась, А. Е. Кривец вступил в партию. Умело используя свои мнимые военные заслуги, он быстро продвигался по служебной лестнице. И достиг больших вершин. С этих вершин и действует против памяти И. Дьяченко, требуя, чтобы патриота-подпольщика признали предателем. И не только против памяти — против его потомков.

Как же могло такое случиться?

Два крупных сахарных завода и несколько подчиненных им совхозов составляют почти всю экономику Бобровицкого района, куда ныне входит Новая Басань. Поскольку все это — хозяйство А. Кривца, он здесь частый гость. Вернее, хозяин. Таких районов у него больше десятка. Он может помочь району выйти в передовые, подбросить лишней техники, удобрений, может скорректировать план. А осерчает... Зачахнет район.

К руководителям Бобровицкого района А. Косьяненко и В. Иванченко Александр Елисеевич относится положительно. Они его тоже уважают, поэтому проявляют большую инициативу. К примеру, любит Александр Елисеевич поохотиться, и уж готовятся они к охоте, бросая все дела.

Александр Елисеевич и их берет с собой. А потом вместе празднуют успех, когда возвращаются с добычей, вместе отмечают неудачу, если привозят пустые ягдташи. Впрочем, не только на охоте угождают они Кривцу...

Под нажимом А. Кривца местные власти приняли противоречащее истине решение о предательской деятельности И. Л. Дьяченко. Возможно, не хотелось связываться с А. Кривцом. Он преследует каждого, кто посмеет выступить в защиту И. Дьяченко.

Он шлет письма и телеграммы во многие руководящие органы, сообщая свою боевую биографию летчика и подписываясь: «Герой Советского Союза», клевеща на И. Дьяченко, и приводит свидетельства ряда очевидцев. Сторонники у Кривца действительно есть. Один из них сообщил, например, что лично его бургомистр избил прямо в своем кабинете и угрожал расстрелом. Такой факт действительно имел место, и свидетели подтверждают это. Человек пришел к бургомистру с самыми «лучшими» намерениями — сдать свой партбилет, а тот ему вдруг пощечину влепил, да еще закричал, что собственными руками расстреляет. Уже после войны этого человека исключили из партии за дезертирство.

Подобных свидетелей, таких, например, как А. Шинкаренко и Ф. Конопляник, не имеющих морального права судить о Дьяченко, — человек пять. Примерно столько же очевидцев, чьи письма не лежит душа принимать во внимание, поскольку они являются близкими родственниками А. Кривца или находятся в большой зависимости от него.

И, наконец, еще несколько человек, на которых ссылается А. Кривец. Они честно говорят только то, что видели своими глазами. — И. Дьяченко был бургомистром, ходил с нагайкой, обвешанный оружием, был запанибрата с немецким комендантом Бибрахом.

Кривец шлет письма и телеграммы командованию Киевского военного округа, министру обороны СССР, рекомендуя поскорее очистить наши Вооруженные Силы от сына фашистского бургомистра Николая Дьяченко. Он пишет министру просвещения, требуя поскорее избавиться от учительницы Нины Дьяченко, ибо ей, дочери гитлеровского старосты, нельзя доверять воспитание детей. Не дрогнула у него рука, когда писал это, хотя знает, что в день гибели их отца Нине было два года, а Николаю — шесть месяцев.

НА ВРЕМЕННО оккупированной территории Советской Украины вели мужественную борьбу не на жизнь, а на смерть 53 партизанских соединения, сотни партизанских отрядов и групп, объединявших полумиллионную армию народных мстителей. Летопись о героической деятельности украинских партизан и подпольщиков должна пополниться еще одной страницей — страницей, вписанной в историю борьбы советских людей против фашизма славным сыном украинского народа И. Л. Дьяченко и его соратниками.

Никто не забыт, ничто не забыто.

ПОЛЕМИКА

«Туристы ломают ценные породы деревьев, рвут цветы, вытаптывают травы, хищнически истребляют ягоды и грибы», — писала кандидат педагогических наук Е. Андреева в статье «Ромашка обыкновенная» («ЛГ», № 16, 1979). По ее мнению, туризм в его нынешнем виде вреден, так как рассчитан на потребление природы, а не на приобщение к ней.

А. Алексеев, руководитель походов выходного дня, напротив, считает, что истинные туристы — это защитники природы, ее охранители.

Автор полемического комментария кандидат экономических наук В. Кривошеев, не соглашаясь ни с тем, ни с другим, считает, что комплексную проблему охраны природы надо решать не запретами и штрафами, а системой мер, которые еще предстоит разработать.

Завершая разговор о поре летних отпусков, мы публикуем в дискуссионном порядке письмо кандидата философских наук А. Мясникова о форме участия отдыхающих в пополнении курортной кассы. Одновременно хотим обратить внимание Центрального совета по туризму и экскурсиям, что в почте редакции немало писем о плохой организации отдыха туристов, о несоответствии рекламы, а порой и стоимости путевок тем условиям, в которых оказываются путешественники.

Вот письмо из города Петрозаводска. Его подписали 27 человек: «Наша группа — 30 человек — проводила свой отпуск на турбазе «Зеленый мыс», близ города Батуми. Жили мы почему-то в «частном секторе», без элементарных удобств. Питались в столовой, добираться до которой было далеко... В столовой не соблюдались элементарные правила санитарии: грязные столы, жирные подносы, руки помыть негде. А наши путевки были недешевы — по 185 рублей каждая. Почему мы должны были терпеть все эти неудобства?»

С подобными же вопросами в редакцию обращаются те, кто отдыхал по туристским путевкам в Пицунде, на турбазах «Вардзия», «Риони», в Приэльбрусье и многих других местах. «Очень хотелось бы узнать, кто несет ответственность за низкую культуру обслуживания, за грязь и очереди, за отсутствие транспорта? И какое этот «кто-то» понесет наказание?» Такие вопросы в той или иной форме содержатся в целом ряде писем читателей. Редакция переадресует их Центральному совету по туризму и экскурсиям для принятия мер.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЕСЛИ ТЫ ТУРИСТ...

ЧАСТО можно услышать обвинения в адрес туристов: «Ходят неизвестно зачем, только природу портят». Слова «туристы» и «варвары» попадаются даже в одной фразе. На таком смысловом соседстве этих слов была построена статья Е. Андреевой «Ромашка обыкновенная» («ЛГ», № 16, 1979). Но давайте сначала разберемся, кого мы имеем в виду, употребляя слово «турист», ибо сейчас оно оказалось слишком затасканным.

«Турист СССР» — высокое звание. Как советский артист, или журналист, или математик. Чтобы стать туристом, надо учиться, нужно уметь очень многое. Звание «турист» надо заслужить. Обладать набором определенных качеств, врожденных и приобретенных. Отвечать некоторым обязательным условиям. Одно из них, причем из самых главных, — любить природу, оберегать природу.

Сесть в экскурсионный автобус — не значит стать туристом именно в том философско-нравственном смысле, который мы вкладываем в это слово. Не туристы и так называемые пикниковые отдыхающие, которые отошли от платформы полкилометра и просидели на берегу речки, да еще с бутылкой. Хотя внешне они часто и напоминают туристов: с рюкзаками, в штормовках. Не случайно организованные, самодеятельные туристы, которые для передвижения тратят собственную мышечную энергию — пешком, на велосипеде, на лодке, — давно просят: не мешайте нас в одну кучу со всеми, кто летает, ездит, плавает. На самолетах, автобусах, теплоходах и прочих чересчур комфортабельных средствах передвижения. Назовите нас как-нибудь по-другому. Потому что стать таким туристом ничего не стоит: купил путевку или даже просто билет на поезд — и ты уже турист. Именно они усеивают места так называемого массового отдыха в окрестностях городов, пребывая больше в горизонтальном и сидячем положении, и частыми атрибутами их отдыха оказываются карты, бутылки, транзисторы, то есть все, на что истинному туристу в походе просто не хватает времени.

Когда в 60-е годы начали приобщать к путешествиям всех подряд, продавать путевки вовсе не туристам, а каждому, кто пожелает, должна была тут же загореться красная лампочка: внимание, на маршрут вышел человек неподготовленный, обыватель. По крайней мере, перед такими местами, как остров Валаам. А она не загорелась...

Не берусь, конечно, утверждать, что организованные самодеятельные туристы безупречны абсолютно все и всегда. Но замечено: чем больше человек приобщается к настоящему «активному» туризму, тем сознательнее он себя ведет. Даже можно наметить три основные стадии: потребление природы — нейтральные взаимоотношение с нею — помощь природе. На третьем этапе многие организованные туристы становятся членами Общества охраны природы, оборудуют стоянки и очищают места массового отдыха от мусора, занимаются лесопосадками. Но даже если турист не участвует в специальных мероприятиях, он, вступив в Общество охраны природы, превращается в «опекуна» природы — срабатывает психологическое «реле», и человек начинает смотреть на все живое иными глазами.

Итак, чем больше у нас организованных самодеятельных туристов, тем больше ревнительных охранителей природы. Отсюда вывод: в том, чтобы вовлекать людей в организованный туризм, чтобы расширять организованные формы воскресного отдыха, заинтересованы не только сами туристы, но и окружающая среда. И общество в целом.

А. АЛЕКСЕЕВ,
руководитель походов выходного дня,
общественный инспектор охраны природы

В ГОРЫ. Фото А. АБАЗЫ

КОММЕНТАРИЙ

КТО СБЕРЕЖЕТ «РОМАШКУ ОБЫКНОВЕННУЮ»?

В. КРИВОШЕЕВ,
кандидат экономических наук

В ПОИСКАХ ЛЕСНОГО ВОЗДУХА

У иных авторов туризм равнозначен стихийному бедствию, даже хуже его. Стихию природы можно предугадать, подготовиться к встрече с ней, а то и вовсе предупредить: разогнать градоносную тучу, расстрелять из пушки снежную лавину, поставить дамбу на пути селевого потока. Совсем недавно ученые разгадали тайну самовозгорания торфяников и предложили способ предупреждения подземных пожаров. Вот и еще одна стихия будет укрощена. Хотя это вовсе не означает, что с туристов снимут обвинение в том, будто это они подожгли торфяники Подмосковья в катастрофически засушливое лето 1972 года.

Как быть с этими традиционными поджигателями лесов, злостными загрязнителями рек, опушек, полей, безжалостными вытаптывателями цветов и трав, бесчувственными губителями рыб, птиц, зверья? Как бороться с этой стихией?

А. Алексеев предлагает способ, который можно назвать «лингвистическим». Вся беда, оказывается, в терминологической путанице. Истинные туристы — рыцари природы, а «пикниковые отдыхающие» — это, как правило, зло. И с ним нужно бороться, но в этой борьбе не следует пользоваться словом «турист». Автор статьи «Ромашка обыкновенная» Е. Андреева предлагает тоже простой способ — чтобы каждого, кто выходит на природу, сопровождал инструктор со сводом правил: в ином случае и того проще: «Не пущать!»

Две крайние точки зрения. Насколько крайние, настолько и обидные. И для тех, кто турист, и для тех, кто не турист. Но если точка зрения А. Алексеева лишь только обидна, то Е. Андреевой — еще и вредна. Ибо тот, кто ее принимает, невольно тоже приходит к решению — не пущать! Сколько уже закрыто прекрасных маршрутов, по которым долгие годы ходили — с инструкторами! — рабочие, служащие, студенты, школьники! В иной год исполкомы местных Советов (районных и областных) принимают до 150—180 запретительных постановлений. Жители, например, Симферополя вот уже на протяжении последних шести лет (!) не имеют права входить в крымские леса.

Беда, когда охрана природы вступает в противоречие с охраной здоровья человека. Если защитники окружающей среды, подобные Е. Андреевой, возьмут верх, то в Красную книгу вскоре придется занести самого Homo sapiens и потребуется учредить общество охраны человека по аналогии с Обществом охраны животных. Специалисты утверждают, что жителям городов, особенно индустриальных центров, необходимо бывать в лесу, на природе не менее трехсот часов в год, в противном случае резко возрастает риск заболевания органов дыхания. Прогулки по лесу, сбор ягод, грибов, гербариев, ужение рыбы, охота, катание на лодках, в том числе и на моторных, и прочее, прочее активное «природопользование» замечательно снимают нервное утомление, которое, прими оно хроническую форму, прямо ведет к болезням сердца и сосудов, а от этих хворей гибнет теперь народа больше, чем от рака.

Если бы таким образом регулярно отдыхало все население страны, то наше народное хозяйство получало бы дополнительно доход от предупрежденного ущерба в несколько десятков миллиардов рублей ежегодно! Вот в какую сумму выливаются болезни, ранние смерти, снижение производительности труда, вызванные только двумя причинами — малой подвижностью (гиподинамией) и нервным переутомлением. Главное и очень эффективное лекарство от этих злых недугов — активный отдых на природе.

Может быть, со временем ученые изобретут какие-нибудь таблетки, дающие такой же эффект, что и прямой контакт с природой. И тогда хоть сто лет не сходи с асфальта, не вылезай из «каменных мешков» — все равно будешь бодрым и здоровым. Но пока человеку на отдыхе необходимо «потребление» природы. Точно так же, как оно необходимо в труде. Добыча полезных ископаемых, топлива, заготовки древесины, строительство промышленных объектов, дорог, плотин—любое производство, в том числе и сельскохозяйственное, хотим мы или не хотим того признавать, неизбежно наносит ущерб природе. Однако никому не приходит в голову требовать прекращения трудовой деятельности, связанной с изъятием и переработкой природной материи. Ставится задача—экономно расходовать ресурсы, наносить минимальный ущерб, быть рачительным хозяином природных богатств. Точно так же и в сфере отдыха стоит задача рационального использования природных ресурсов, но не отказа от их эксплуатации.

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ...

Если отдых рассматривать как вид деятельности, то, оказывается, по степени отрицательного воздействия на окружающую среду он занимает среди всех других видов деятельности самое последнее место. Следующим после отдыха идет уже бездеятельность, то есть отсутствие какого-либо воздействия человека на среду.

Так что из всех случаев взаимодействия человека со средой отдых — самый безобидный. Это потому, что деятельность по восстановлению и развитию жизненных сил человека (то есть отдых) направлена на преобразование самого человека, а не на природные тела, как это происходит в сфере материального производства. Игнорирование этого теоретического положения очень часто ведет к ошибочным утверждениям и, что еще горше, к неверным решениям. Представьте себе на минуту, что пресса вдруг повела атаку на тех, кто ходит в башмаках фабрики «Парижская коммуна», потому, что эта фабрика загрязняет воздух, или же остракизму подверглись те, кто щи хлебает стальной ложкой, потому как металлургическое производство тоже не ароматное.

Так вот, вместо того чтобы раскритиковать тех, кто делает вонючие и гремучие лодочные моторы, разбили в пух и прах пользующихся ими. Более того, на всех подмосковных водохранилищах запретили их ставить на лодки. Посылались запреты и в других местах. А заводы продолжают выпускать эти неэкологические моторы, они ложатся на прилавки магазинов, и торговля вынуждена их рекламировать. Логичнее было бы предупредить изготовителей: «Дорогие товарищи, с 1983 года (скажем так) моторы, которые при неудавшемся запуске сбрасывают горючее за борт и с уровнем шума, превышающим 30 децибелов, будут запрещены производством. Примите меры!» Но кто предупредит? Моссовет? Ему дела нет до чужих заводов, а до своей питьевой воды — есть. И вот за огрехи производителей благ расплачивается их потребитель, который никак не может взять в толк, в чем он провинился.

Какая же действительная беда природе от человека на отдыхе? Реальных две — мусор и переуплотнение почвы. Что касается уничтожения редких растений, то скот, пасущийся главным образом в лесах, по берегам рек, озер, водоемов, вдоль дорог — ведь пастбищ в окрестностях городов практически не осталось, — во много-много крат более в этом виновен, чем «обыватель», «пикничник», а тем более «чистый» турист.

Перечисляя действительный ущерб, наносимый отдыхающими природе, я специально сказал «мусор» вместо привычного в разговорах на данную тему «загрязнение». Это для того, чтобы подчеркнуть принципиальное различие между отходами производства и, так сказать, отходами отдыха. Как бы безобразно ни выглядели на зеленой травке или желтом песке пляжа брошенные бутылки, консервные банки, бумажная и целлофановая обертка, как бы они ни раздражали наш глаз, все равно этот мусор ни в какое сравнение не может идти с отходами промышленного и сельскохозяйственного производства, что выбрасывают в атмосферу, воду, почву тысячами тонн ежесуточно.

Поймите правильно, я вовсе не защищаю и не оправдываю тех, кто оставляет после себя груду мусора, а не уносит его с собой в город или не зарывает в землю. Я лишь хочу обратить внимание на несоизмеримость, несопоставимость объема и характера вредного воздействия человека на окружающую среду в процессе труда и в процессе отдыха. Очень и очень часто туристы оказываются в роли тех самых мышей, на которых в иных магазинах сваливают пропажу сотен килограммов различных продуктов, включая «спиртное» в стеклянной таре и «мясо-рыбное» в таре железной.

Помнится, когда в Карелии катастрофически засушливым летом «традиционных поджигателей» — туристов не выпускали за границы населенных пунктов, в лесах республики ежедневно объявлялось 25—30 новых очагов пожаров. Это горел захламленный (валежником, сухостоем), запущенный лес, вся противопожарная защита которого зиждется на мокрой погоде, на небесной влаге.

Скажу теперь кощунственное — туристские костры не беда, а благо для такого леса. Наблюдениями установлено, что один турист в день расходует на свои нужды в среднем 0.13 кубического метра древесины: 0.1 кубометра в качестве топлива и 0.03—на колышки и стойки для палаток, на которые, и это действительно беда, идет зеленый молодняк. Но будь в магазинах колышки и стойки из металла, прочные, легкие, дешевые, удобные в транспортировке, то эти 0.03 кубометра молодняка не гибли бы под туристскими топорами. На топливо же идут хворост, валежник, тонкоствольный сухостой. А что такое 0,1 кубометра сушняка на одного туриста в день? Это в год более чем три миллиона кубических метров пороха, который, не будь он собран для туристского костра, в очередной катастрофически засушливый год вспыхнет, жирно питая «красного петуха».

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА

Переуплотнение почвы — это, проще говоря, вытаптывание травы, кустарника, корней деревьев, уничтожение подлеска. Это бич тех мест, где отдыхающих собирается больше, чем их может вынести Земля. Но туристы в этом не виноваты вовсе. Можно, конечно, провозгласить принцип «Больше трех не собираться!». А потом каждого четвертого и последующего обвинять в нарушении установленного порядка. Но беда не исчезнет, потому что причины переуплотнения почв не в отсутствии какого-то правового уложения, регулирующего потоки отдыхающих, а в механизмах сугубо экономических.

С точки зрения экологической необходимо рассредоточение отдыхающих по территории — это уменьшает нагрузки на единицу площади и природе легче самовосстанавливаться. С экономической точки зрения разумно сосредоточение, концентрация — так легче обществу осваивать территории: дешевле обходится строительство «койко-места». И, следуя этой логике, как бусинки, нанизываются на нитки дорог (электропередач, водо- и газопровода, канализации) санатории, дома отдыха, пансионаты, турбазы, пионерские лагеря, садово-огородные участки, дачные поселки. И появляются, ученым словом будет сказано, рекреационные агломерации, концентрирующие на относительно малой территории огромное количество отдыхающего населения. А оно — население — ходит и ходит по этой самой почве, ходит и губит не только травяной покров, но и вековые деревья, оттаптывая им корни.

Какой же выход? Ведь если применить экологический подход, то стоимость строительства сразу же подскочит многократно и это приведет к сокращению объемов сооружения учреждений отдыха, на которые спрос и так в пять раз превышает предложения.

Если же оставаться на прежних позициях, то тогда необходимо согласиться с медленным, но верным оскудением природных ресурсов отдыха. Выход есть: найти оптимальное соотношение первого и второго. Но для этого нужно определить критерии оптимальности, а их вырабатывает наука. Теоретики же топчутся на месте и никак не могут найти экономическое выражение экологическим и социальным категориям, без чего невозможно выработать такие критерии.

Призывая к бережному обращению с природой, очень часто взывают к совести: «Подумайте, что мы оставим будущим поколениям!» Но заботиться о будущих вовсе не означает усекать блага ныне живущим. А потому уже сейчас, думая о внуках и правнуках наших, нужно запускать селекцию невытаптываемой растительности. Ведь вывел же человек неполегаемые злаки, морозоустойчивые фруктовые деревья, крупноплодную землянику, многоудойных коров. Почему селекция только того, что можно «слопать», а не того, по чему можно «топать»? Ведь и это теперь так же жизненно необходимо, как хлеб, мясо, масло и молоко.

И еще. Может быть, ничуть не снижая накала борьбы за чистоплотное поведение человека на природе, начать разработку тары, упаковочной бумаги, пленки, которая бы после употребления, будь она оставлена на месте, разлагалась, растворялась, как растворяются в наших желудках, не причиняя вреда, капсулы некоторых лекарств? Ведь погребение отходов или их сжигание — тоже дело вредное для живой природы.

Если использовать излюбленный прием «Занимательной математики» Я. Перельмана и «малое» помножить на «великое», то можно получить ошарашивающее «грандиозное». Помножив полкило мусора, оставляемого каждым отдыхающим, на полтора миллиарда человеко-выездов на природу в год, получим в итоге 700 тысяч тонн отходов, для которых, если их не сжигать и не закапывать, а увезти обратно в город, потребуется 14 тысяч вагонов. И главное — вот смешно! — этот мусор опять увезут... на природу, только уже в организованном порядке и сбросят на огромном смердящем полигоне, именуемом городской свалкой. И для этой бессмысленной работы потребуется уже 140 тысяч грузовиков, 28 тысяч рабочих дней водителей и 1 миллион 880 тысяч литров бензина, а он при сгорании выделит огромное количество вредных веществ. К тому же двигатели сожгут такое количество кислорода, что для его восстановления потребуется 38 миллионов деревьев, что равно лесу площадью 400 квадратных километров. И т. д. и т. п.

Как видите, растворимая упаковка — это проблема, можно сказать, общечеловеческая, а вовсе не чисто туристская.

КАК РЕШИТЬ ЗАДАЧУ?

Замечено, что человек на отдыхе не углубляется далеко в лес, а блуждает по краю его, выбирая опушки, перелесье, большие поляны, где много света, больше простору, «видно вдаль». Используя эту избирательность, можно и нужно приступить к закладке лесов, специально предназначенных для отдыха, или «реконструировать» уже существующие, изрезав ровную, как рейсшина чертежника, кромку леса «бухтами» и «заливами». Это задерживало бы массы отдыхающих на зеленом «побережье», а в «море тайги» углублялись бы лишь единицы.

Человек на природу, как правило, приходит из города (селяне на отдыхе, по данным известного советского исследователя рекреационного лесоиспользования А. И. Тарасова, в 5—6 раз реже бывают в лесу, чем горожане). И ведет он себя в лесу так же, как и в городе. Если он у киоска «Мороженое» шлепнул об асфальт картонный кружочек, если шмякнул окурок «Беломора» или вышвырнул из окна дома пакет из-под молока, то точно так же будет «шлепать», «шмякать», «швырять» и в лесу, на поляне, на пляже. И при чем здесь учреждения отдыха, которые, как пишет Е. Андреева, не воспитывают бережного отношения к природе?

С таким же успехом можно обвинить и Минторг, чьи киоски «Мороженое», и МПС в слабой воспитательной работе пассажиров — железнодорожные пути буквально от Москвы до Владивостока усыпаны мусором. Иной раз создается впечатление, что поезд идет по помойке — столько мусора вываливают из окон вагонов, или же мчит по огромной свалке — битые плиты, бетонные трубы, скрюченное железо, балки, бочки, столбы, полурухнувшие сараи и развалившиеся заборы, никого не укрывающие, причем все это уже за полосой отчуждения, на городской или поселковой территории. Какие гигантски талантливые воспитатели должны трудиться в домах отдыха и турбазах — минимум доктора педагогических наук, а то и действительные члены АПН СССР, чтобы после детсада, школы, вуза, многолетней жизни в городе всего лишь за считанные дни перековать этого экологически невоспитанного горожанина в рыцаря природы?!

Нет, не следует, еще раз подчеркиваю, освобождать отдыхающих от бремени заботы о среде обитания всяческими средствами, вплоть до штрафа. Но не следует сводить всю проблему «Человек на отдыхе и природа» лишь только к поведению индивида, как бы он ни назывался — туристом, экскурсантом, «пикничником».

Это сложная, как теперь стало модно говорить, комплексная проблема, решение которой требует привлечения различных знаний, немалых средств и немалого времени.

ИЗ ПОЧТЫ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

КУРОРТНЫЙ СБОР

ОБ ОТДЫХЕ С УДОБСТВАМИ И МЕСТНОМ БЮДЖЕТЕ

ВЕЛИКО все же лазурное притяжение Черного моря! Каждое лето, из года в год, нарастает движущаяся к его берегам лавина отдыхающих. Сколько ни строят санаториев, домов отдыха, туристских баз и пионерских лагерей, их пока не хватает. В основном едут на юг без путевок, проще говоря, «дикарем». Одни разбивают палатки, другие — и таких большинство — снимают жилье. Как бы там ни было, всем находится место на солнечных берегах, и наш брат «дикарь» — тоже желанный гость: за полтора рубля вы всегда найдете чистую постель в увитом виноградом доме.

Но вот в прошлом году в Гантиади к дому, где мы с женой снимали комнату, подкатила «Волга» из Гагры. Из нее вышла очень строгая женщина и потребовала у нас паспорта. «С вас 6 рублей 40 копеек, — сказала она. — За прописку». И уехала.

Позже я прочел на квитанции: «Курортный сбор — 2 руб.». Почему с нас взяли еще по рублю двадцать? Кое-что прояснилось нынче в Судаке.

В один из первых вечеров в нашу комнату постучали: «С вас шесть сорок. За прописку...» Прошу уточнить, за что именно. Оказывается, по два рубля — курортный сбор, и еще по рублю двадцать — комиссионный.

— Это еще что такое?

— Это с хозяев.

— А почему вы с меня берете?

— Мне все равно с кого...

Мне было не все равно — я позвал свою хозяйку, Таисию Николаевну...

Утром Таисия Николаевна со мной не поздоровалась...

Итак, между «дикарями» и хозяевами вклинилась третья фигура — агент.

В принципе идея посредничества, контроля и даже налогообложения со стороны местных Советов не вызывает возражений. Ведь государство в лице квартирно-посреднического бюро обязуется облегчить устройство отдыхающих, селить их в достаточно приспособленных помещениях... Вот, например, выдержка из «Правил размещения, регистрации и проживания отдыхающих, прибывших в Судак без путевок»: «В распоряжение отдыхающих квартиросдатчиками должна предоставляться жилплощадь не менее 6 $м^2$ на одного человека. Проживание в сараях, палатках, под навесами и в других не приспособленных под жилье помещениях категорически запрещено».

Правила хорошие. И если для их соблюдения нужен курортный сбор, за счет которого на правах хозрасчета содержится бюро и получают зарплату его добросовестные агенты, кто ж пожалеет два рубля? Однако агент пришелся не ко двору. Никто ему не рад — ни отдыхающие, ни хозяева, да и он сам, по-моему, не в восторге от своей службы. Добрая по сути идея посредничества превратилась в свою противоположность. Как это могло случиться?

Есть такая нехорошая детская забава. Появится во дворе незнакомый мальчик, окружит его местная ребятня, и кто-нибудь доверительно скажет: «Дай двадцать копеек, я тебе мороженое принесу». Тот даст. Ребята схватят монету, прыгают по двору и галдят: «Обманули дурака на четыре кулака!»

Вот так примерно получается с курортным сбором. Никакого тебе «мороженого»: ни оборудованных пляжей, ни жилплощади «не менее шести квадратных метров». Каждый сарай и пристройка напоминают муравейник. Правда, борьбу с «муравейниками» ведут. Идет кампания по учету и сносу самовольных строений. Но почему? «Потому, — ответили мне, — что они «портят лицо города». То есть и в этом случае об отдыхающих думают меньше всего. Думали бы, так не сносили. Взамен-то ничего нет, а значит, еще круче взметнутся цены.

Короче говоря, курорты не выполняют перед отдыхающими своих обязательств. И раз это так, то и курортный сбор становится как бы незаконным, безнравственным.

Конечно, курорт есть курорт. Ему нужно хорошеть. Это требует средств. И отдыхающие должны вносить свою лепту. Но для этого вовсе не обязательно держать армию агентов, тем более, что, как показывает анализ, налог удается взять лишь с каждого пятого «дикаря». Остальные неуловимы. Но может быть, и не надо ловить? Есть более тонкий и вполне корректный регулятор экономических отношений — цена. Нужно расширить перечень услуг, предоставляемых курортникам, и взимать за каждую из них на несколько копеек дороже в пользу местного бюджета. Тут логика будет прослеживаться прямая — чем больше, скажем, спортинвентаря, надувных матрацев, топчанов, грибков, фотомастерских окажется на пляжах, в парках, на улицах курортных городов, тем комфортабельнее станут условия отдыха. Но тем быстрее начнет пополняться и городская казна. Здоровые экономические отношения взаимовыгодны и потому всегда гуманны.

А. МЯСНИКОВ,
кандидат философских наук

РЕЗОНАНС

«ПОТЕРПЕВШИЙ»

Так назывался судебный очерк А. Ворина, напечатанный в «ЛГ», № 11, от 14 марта 1979 года. В нем рассказывалось о том, как Анатолий Ш-з в пьяном виде оскорбил Наташу М-у, поднял на нее руку. Жених Наташи — Игорь М-о заступился за свою невесту, ударил обидчика, за что был привлечен к уголовной ответственности. Под давлением отца «потерпевшего» — ответственного работника Запорожского облисполкома — расследование длилось целых полтора года, им занимались по очереди четыре следователя. Прокуратура УССР признала, что в Запорожской области дело это объективно решено быть не может, и его передали в соседнюю Днепропетровскую область. В конце концов определением судебной коллегии по уголовным делам Днепропетровского областного суда дело против Игоря М-о было прекращено за отсутствием состава преступления.

В очерке «Потерпевший» не были полностью названы имена участников этой истории, так как речь шла о деле глубоко личном, деликатном: двое полюбили одну девушку.

Недавно редакция получила ответ от председателя исполкома Запорожского областного Совета народных депутатов тов. П. Н. Москалькова. В ответе говорится, что виновный наказан: за злоупотребление служебным положением, нарушение социалистической законности, выразившееся в попытке оказать давление на ход следствия в личных целях, бюро обкома КПУ объявило ему строгий выговор. На сессии областного Совета народных депутатов отец «потерпевшего» освобожден от занимаемой должности.

Маленькие лондонцы протестуют вместе с родителями против сокращения ассигнований на медицинское обслуживание.
Фото из газеты «Морнинг стар» (Англия)

Николай ФЕДОРЕНКО

ХАЛХИН-ГОЛ: УРОК ИСТОРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

В августе этого года в Монгольской Народной Республике побывала делегация советских писателей, принявших участие в праздновании 40-летия победы советско-монгольских войск над японскими агрессорами в районе реки Халхин-Гол. В составе делегации были К. Кулиев, Д. Кугультинов, Н. Дамдинов, М. Сергеев; возглавлял делегацию секретарь правления СП СССР, участник боев на Халхин-Голе Н. Федоренко.

В МАЕ 1939 года самурайские полчища вероломно вторглись на территорию дружественной нам Монголии. Ожесточенные бои в районе Халхин-Гола не прекращались на протяжении четырех месяцев. Теперь, сорок лет спустя, вновь и вновь всматриваемся мы в минувшее, в страницы прошлого, связанного с героической историей боевого содружества наших народов и армий. Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз, его Вооруженные Силы оказали тогда братскую помощь монгольскому народу в деле защиты свободы и независимости его социалистического государства.

Нападение японских полчищ на Монголию не было заблуждением или пограничным недоразумением. История японского милитаризма — нескончаемая летопись его жесточайших преступлений и кровопролитных войн. Экспансионистские притязания, жажда территориальных захватов, порабощения других народов оправдывались «священной миссией японской нации», призванной объединить мир — все его «восемь углов под единым сводом»...

С этих воспоминаний началась наша беседа в августе 1979 года с маршалом Ю. Цеденбалом о вооруженном сражении на далеких берегах Халхин-Гола, вошедшем в летопись мужества, стойкости, боевого советско-монгольского побратимства. И сегодня время не стерло боевых шрамов — воронок от снарядов и бомб, траншей и окопов, руин. Рядом с холмами поросших травой блиндажей высятся холмы братских захоронений. Сколько печальных этих холмов породил огневой смерч на безымянных высотах, в далеких ковыльных степях! Нет, не изгладился из нашей памяти ратный подвиг братских народов. С глубоким чувством боли, благодарности и восхищения люди всегда будут чтить память советских и монгольских воинов, сложивших головы в битвах на берегах Халхин-Гола, земля которого обагрена кровью красноармейцев и цириков.

О том, каковы были тогда цели японского милитаризма, красноречиво свидетельствуют документы. Так, в секретном донесении начальника японской особой миссии в Бэйпине Мацумара, направленном в штаб квантунской армии, говорилось: «Основываясь на точке зрения империи и ее большой континентальной политике, после захвата Маньчжурии необходимо продолжать захват Монголии. Монголия является важным военным плацдармом, и в отношении Монголии наша империя прилагает усилия к тому, чтобы последовательно ее захватить».

Еще более цинично откровенничал небезызвестный генерал Араки: «Япония не может допустить существования такой двусмысленной территории, какой является Монголия, непосредственно граничащая со сферами влияния Японии — Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей нам».

Нужны ли здесь, как принято в таких случаях говорить, комментарии! Не в том ли и состояла «священная миссия японской нации», чтобы объявлять суверенные государства «двусмысленными территориями» и силою оружия подчинять их своему владычеству под эгидой бредовой теории «восьми углов»?

Экспансионистские планы японского империализма распространялись, впрочем, и еще дальше, о чем свидетельствует высказывание недоброй славы генерала Хадеказе: «По единодушному мнению военных экспертов, наступление Японии на СССР через Внешнюю Монголию будет успешней, чем через Маньчжурию».

Эти откровения глашатаев японской военной клики раскрывали перед всем миром зловещие замыслы милитаристских сил, жадно стремившихся к захвату советской земли от Владивостока до Байкала. Такова была мечта великодержавных экспансионистов, чем и объяснялись авантюристические расчеты японских гегемонистов, начавших агрессию в районе Халхин-Гола.

— На полях сражений при Халхин-Голе священной кровью советских и монгольских воинов вновь была скреплена братская дружба наших народов, объединенных общей целью и едиными интересами, — сказал маршал Ю. Цеденбал, продолжая нашу беседу.

Действительно, здесь нашли живое воплощение отношения социалистического интернационализма. Здесь было выиграно одно из первых авангардных сражений той великой борьбы, которую человечеству пришлось вести против фашизма.

Говоря об этой победе, Л. И. Брежнев отметил: «Подлинным символом боевого братства наших народов стал разгром японских захватчиков на Халхин-Голе».

— Барханы, сопки, — вспоминает участник халхин-гольских боев Б. Цог, тогда лейтенант, теперь генерал-полковник, — но для меня нет земли дороже. Тут закалялась наша дружба. В одном окопе, на одной позиции — русский и монгол, казах и белорус... Мы говорили: ранят меня, ты оторвешь меня от смерти, убьют — ты не забудешь отомстить за меня врагу. Мы говорили на разных языках, но в окопах убедились — одно чувствуем, об одном думаем... Нас объединил бой за правое дело, и нет дружбы крепче этой, и нет земли дороже этой...

— Урок Халхин-Гола, — сказал Ю. Цеденбал в нашем разговоре,— отрезвляюще подействовал на милитаристскую Японию, которая не отважилась напасть на Советский Союз совместно с гитлеровской Германией в 1941 году и в дальнейшем откладывала планируемое вступление в войну против него, выжидая изменения обстановки на советско-германском фронте в свою пользу. Примечательно в этой связи высказывание одного американского историка: «Демонстрация советской мощи в боях на Хасане и Халхин-Голе имела далеко идущие последствия, показав японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой». Не находите ли, весьма любопытное признание! Об этом следовало бы не забывать и современным пекинским гегемонистам, а также некоторым их покровителям и единомышленникам в других странах.

Думается, чрезвычайно уместно это предупреждение. Разве Вашингтон не поощряет враждебный Советскому Союзу политический курс Пекина?

Более чем обоснованны слова Л. И. Брежнева, сказанные по этому поводу: «расчеты использовать набравший силу пекинский режим как орудие политики НАТО, канализировать его воинственные устремления в угодном Западу направлении — это... не более чем самонадеянная наивность. Достаточно вспомнить, чем закончилась для западных держав та же мюнхенская политика. Неужели уроки истории так быстро забываются?»

...ВОЙНЫ, опустошения проходят через судьбы людей, целых поколений. У каждого человека — своя доля, свои перекрестки на дорогах жизни. Помнится, как на изломе ночи и дня, в зябкий предрассветный час, когда веет прохладой и вот-вот забрезжит новое утро, группа наша, выполняя оперативное задание, попала в засаду. Мы шли на риск и оказались под шквалом огня... Трудно поверить в чудо, но оно свершилось: каким-то непостижимым образом я оказался в полевом госпитале. И только тут вернулось сознание. А затем эвакуация в Тамцак-Булак, в армейский госпиталь, черепное отделение. И едва улавливаемый слухом голос маршала Х. Чойболсана, обратившегося к раненым: «Дорогие братья, кавалеры воинских орденов Монголии...»

Прошло с тех пор четыре десятилетия, а все это стоит перед глазами. Будто случилось вчера: уплывала степная ночь, смягчившая томительный зной дня, между невысокими округлыми сопками распускалась ровная долина, впереди — белая полоса дороги, ведущая от Пятой заставы к пограничным рубежам. Многое переплавилось в огне минувшего, но верность тем дням и солдатскому долгу сохранилась навсегда. И снова вижу себя в защитной полевой форме, в широкополой панаме. Прошли жестокие дни, но в испытаниях войны человек мужает, крепнет душевно. И самое многотрудное в доле твоей—сопричастие с судьбой народной, с ратным подвигом — становится для тебя священным на всю жизнь. Не для меня одного — для тысяч участников Халхин-Гол оказался гранью, по которой сопоставляешь себя и однополчан, свои и чужие поступки, стремления и мысли. И разве не должны мы испытывать благодарность судьбе за то, что шлет нам не только проторенные пути?

Никогда не должно быть это забыто. Прах павших, сгоревших в пламени войны, стоит и ныне перед нашими глазами. До сих пор средь кровавой бойни слышится пронзительный свист летящих снарядов. Сердца раны не зажили. Следы войны не зачеркнуть. Память о павших в сражениях живет не только в гранитных и бронзовых монументах. Она живет в сердцах людей, в делах их труда, творческих исканиях.

Нет, в монгольских степях отчужденности испытывать не приходилось. Просторы там — как русские земные дали. Вольный ветер дышит полной грудью. Недвижная, будто выкованная синева неба. И неистребимый горьковатый аромат ириса, аира и полыни.

Об этом строки у Михаила Басманова («Из монгольской тетради»): «Льнут к ногам тополиные почки, с прошлогодней мешаясь листвой, трясогузка у речки хлопочет, ну совсем как у нас под Москвой». Тогда, в окопные дни и ночи на вздыбленных берегах Халхин-Гола, познали мы всю сладость солдатского черного хлеба, который делили с монгольскими цириками. Путь к человеческому сердцу проходит через доверие, через понимание чужой судьбы, чужой беды. Вновь и вновь возвращают меня к прошлому суровые эти воспоминания, которые не перестают волновать ум и душу. Неисчерпаемость солдатского побратимства, взаимной выручки, подвига.

И не однажды вместе смотрели мы смерти в глаза. Каждый из нас сохранил навсегда гордое чувство, что сражался с врагом в этих дальних и ставших столь дорогими непокоренных недругом просторах и сопках. Здесь в почву полевой целины брошены были новые зерна, которым суждено было прорасти в будущее, упрочить наше братство.

Беседа с маршалом Ю. Цеденбалом проходила в его домашней библиотеке, в мире книг, окружавших нас со всех сторон. Это не просто библиотека. Скорее здесь коллекция книг определенного круга чтения.

— Книги эти, — заметил собеседник, — собирались постепенно, в разные годы, и путь у них был разный. Со временем возникла эта библиотека, которая мне служит в буквальном смысле каждодневно...

Просматривая некоторые книги, я обнаружил многочисленные карандашные пометки, сноски, подчеркнутые слова и фразы. Почти все взятые мною выборочно с полки тома оказались с массой пометок, отчеркнутых мест, вопросительных и восклицательных знаков.

— В течение многих лет, — сказал Ю. Цеденбал, как бы желая объяснить причину этой графики, — приходилось мне обращаться к находящимся здесь книгам, особенно к первоисточникам марксистско-ленинской науки и военным трактатам, в частности по вопросам оперативного искусства, и при чтении отмечать важные места. Каждое новое обращение к книге приводило меня к новым заметкам то на полях, то в тексте книг. Похоже, что с годами передо мной раскрывались все новые мысли, глубинное содержание и подтекст которых ранее не обнаруживал. В результате многие страницы этих произведений оказались испещренными моими карандашами разных лет, что называется, вдоль и поперек...

Да, книга здесь живет. Ею непрестанно пользуются. В ней находит читатель и мудрость, и духовное завещание.

— Но ведь обычно подчеркивается в тексте только самое главное, — вырвалось у меня внезапно.

— Верно. Происходило это не сразу. Каждый раз я находил для себя нечто новое, существенное, нужное. К примеру, в трудах В. И. Ленина, к которым все мы постоянно обращаемся, все оказалось подчеркнутым, все — самым важным... Не правда ли?!

Примечательной мне показалась эта школа мысли...

РАЗМЫШЛЯЯ сейчас об историческом значении победы на Халхин-Голе, думаю, что разгром отборных дивизий японской императорской армии явился одновременно ощутимым ударом и по силам международного империализма. Победа эта вдохновила народы Азии в их национально-освободительной борьбе против колониального рабства и империалистической агрессии. А разве не была та победа проявлением подлинной интернациональной солидарности, реальной поддержкой освободительной борьбе вьетнамского народа, революционным силам Китая?

Здесь подтвердились реальная необходимость и закономерность совместной защиты революционных завоеваний народами стран социализма от агрессии со стороны международного империализма. Был обретен опыт совместных боевых действий братских армий, обогатилось военное искусство социалистических стран. Никогда ранее не применялась в таких масштабах авиация: в боях одновременно участвовало до трехсот самолетов. Небо буквально кипело боевыми машинами. Наши летчики, принимали неравный бой, побеждали противника, но не все возвращались на свой аэродром.

В памяти народов будет вечно жить подвиг бесстрашных воинов, отстоявших далеко на востоке священные рубежи социализма. Подвиг этот и сегодня служит суровым напоминанием и предостережением всем, кто помышляет снова нарушить мирную жизнь и созидательный труд наших народов.

И кажется, что, касаясь берегов, едва слышно шепчут волны Халхин-Гола о прошлом, омытом кровью погибших. Напоминают о солдатах, навсегда павших на этих берегах, где на голубых перекатах тихо шуршит речной песок. Павших с пробитым сердцем, примяв степную траву, преобразившись в землю сырую. Но и здесь, где до сих пор земля в шрамах войны, среди плакучих верб, которые колышет халхин-гольский ветер, среди камней, в речном песке, как в памяти людской, они будут вечно живы и почитаемы.

Вл. ПЕТРОВ, доктор исторических наук

В ПОИСКАХ СПАСИТЕЛЬНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Видный советский специалист по проблемам международных отношений рассматривает некоторые концепции и теории, положенные в основу внешнеполитического мышления в США.

КОГДА [illegible] два года назад в США была [illegible] ныне действующая доктрина «национальной безопасности», [illegible] не только подчинение внешней политики военно-стратегическим соображениям — в самом фокусе оказалась роль, отводимая людским массам. В каком, однако, смысле?

БИТВА ЗА УМЫ

«Рациональная [illegible] национальной безопасности, — еще в октябре 1950 года наставлял [illegible] национального военного колледжа известный социолог и историк Г. Моргентау, — должна принимать в расчет человеческий фактор. Хотя он находится за фасадом материальных ценностей, но в конечном счете предопределяет их достижение. Иными словами, тот, кто делает политику, должен постоянно представлять себе состояние людей, с которыми имеет дело, особенно с точки зрения морали. Каково бремя можно возложить на нацию в период мира? Какое бремя можно возложить на нацию в период войны? Какого рода политику способна нация принять и на какого рода жертвы пойти?»

Если учесть характер аудитории, сказано было предельно откровенно. Обычно же о моральном факторе говорят, оперируя такими категориями, как «дух нации», «влечение к свободе» и т. д. Эти эвфемизмы, как и «долг перед государством», маскируют подлинное назначение морального фактора. По мнению того же Г. Моргентау, умелое его использование дало бы возможность «достигнуть максимума в конкурентном противоборстве с коммунизмом» и «без ущерба для человеческого материала, на котором держится вся американская структура власти и политики».

Но как это — «без ущерба», если на каждом шагу общественное сознание в США воспроизводит противоречия, органически присущие господствующему там строю, засилие шовинистических и милитаристских тенденций, инфляцию моральных ценностей? Перед теми, кто занят разработкой проблем, связанных с моральным фактором, доктрина «национальной безопасности» ставит конкретные задачи — выявить, например, точки предельного напряжения в случае применения ядерного оружия, отдельно в глобальных и отдельно в ограниченных масштабах, или резкого увеличения налогов на нужды «обороны». Важное значение поэтому придается как изучению общественного мнения, так и манипулированию им.

Для теперь уже далеких лет «холодной войны» был характерен лобовой антикоммунизм. Почти доведенный до уровня религиозного верования, он должен был стать чуть ли не психической чертой каждого американца. По крайней мере так планировалось. Соответственно основной была установка на такую деидеологизацию, на такой «отказ от идеологии», которые усилили бы воздействие идеологии буржуазной. Но уже в 60-е годы правящие круги США объявили, что американцы «должны выступать за позитивный идеал, идеал мира, который не только был бы безопасным и рациональным, но и в котором удовлетворялись бы все потребности человека и получили расцвет человеческие ценности».

Вьетнам и связанный с ним морально-политический кризис, безверие и апатия, охватившие на рубеже 70-х годов практически все слои американского общества, не могли не вызвать и определенную переоценку места и роли морального фактора. На известную связь этих явлений с эволюцией доктрины «национальной безопасности» в присущей ему манере указал З. Бжезинский: «Наша концепция национальной безопасности должна иметь нравственную основу... А политика в области национальной безопасности соответственно строиться на принципе уважения абстрактных стремлений человека к свободе и к самоопределению».

Вот к такому-то в сотый и в тысячный раз провозглашенному «уважению абстрактных стремлений человека», в сущности, и свелась предпринятая за последнее время модификация антикоммунизма. Теоретическая основа морального фактора в результате несколько изменилась. Существо же антикоммунизма осталось прежним, как и его функция во внешнеполитической линии США. Но антикоммунизм преподносится теперь не в грубом, вульгарном, примитивном виде, как прежде. На наш строй и нашу идеологию теперь клевещут исподволь, иезуитски: излюбленный прием — выдать частное за общее, случайное за закономерное, отдельный недостаток за коренной порок. И на передний план идеологической борьбы, таким образом, все больше выдвигается антисоветизм.

Эмоциональному состоянию и настроению масс продолжают, конечно, придавать важное значение, но главное внимание все-таки уделяют собственно идеологии, которую хотят использовать и как оружие в борьбе с передовыми социальными силами, и как средство управления поведением масс. «Битва за умы людей» рассматривается как «новый показатель национальной безопасности».

Уотергейт и разоблачения грязных махинаций ЦРУ подорвали репутацию американской политической системы, породили такие негативные явления, как «кризис духа» и «кризис доверия» и власти, и правительству. «Морализация» внешней политики нужна не только для навязывания социалистическим странам американской системы ценностей, чуждых нам взглядов и понятий. Цинизм и [illegible] так называемой [illegible] политики [illegible] влиять и на сами буржуазные общества. Повысить «нравственность» и другой американской внешней политики, по словам У. [illegible] одного из руководящих сотрудников госдепартамента при Г. Киссинджере, нужно еще и потому, что «иначе ей не удержать демократию». Заявление тоже, в общем-то, прагматическое, если не сказать — циничное. Расшифровывается оно так. Судьба национализма (на языке Ведда — [illegible]) будет зависеть всецело от усилий правящих кругов США придать респектабельность [illegible] или [illegible] курсу, а заодно и укрепить свои позиции в развернувшейся битве идей.

Что [illegible] американских идеологов? Судя по [illegible] З. Бжезинского [illegible] Советский Союз по-прежнему на подъеме. Претендентам на «моральное [illegible]» трудно с этим примириться. Тем более что [illegible] попытка [illegible] «холодной войны» [illegible] от [illegible]. Просто сегодня хотят стать «блюстителями нравов» для всего мира. Что об этом сказать? Конечно, смешно. Но [illegible] опасно [illegible] это сделать [illegible] «морального превосходства».

«МОРАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО»

Весьма показательный факт: когда говорят о морали, имеют в виду самые беспардонные приемы социальной демагогии, беззастенчивое использование в интересах США таких пользующихся широкой поддержкой требований, как разоружение, защита прав человека, помощь развивающимся странам. Иные американские теоретики-моралисты напоминают диккенсовского мистера Пексннфа, который ел с таким аппетитом, будто кормил голодающего ближнего, — до того благочестивый у него при этом был вид.

Считается, что «моральное лидерство» повысит авторитет США. Узловой проблемой называется демократия. Но уж очень открыто в защиту системы ничем не ограниченного «свободного предпринимательства» предпочитают не выступать — настолько она скомпрометировала себя в глазах народов. Зато спекуляция на демократических идеалах, особенно на их защите, дает возможность заполнить «вакуум веры», создать видимость существования какой-то позитивной платформы.

Конечно, называются и действительно серьезные для миллионов американцев проблемы, но выпячивается все же «борьба за свободу личности». США пытаются представить «маяком свободы» в мире, хотя права человека попираются там на каждом шагу. Все дело в том, что лозунг прав человека сам по себе, абстрактно, очень привлекателен и обладает немалой внутренней энергией, подобно классическим буржуазным лозунгам свободы, равенства и братства. На первый взгляд, кампании в защиту прав человека свойственна определенная «наступательность». Но у нее имеются два аспекта. Кроме попыток расшатывания реального социализма, очернения гуманной внешней политики Советского Союза, она должна отвлечь внимание широких масс от глубочайшего кризиса, переживаемого Западом, от кричащих противоречий, от объективной невозможности решить такие социальные проблемы, как безработица, расовая дискриминация, неравноправие женщин, ущемление личных свобод граждан, рост преступности и т. п. Так что легко судить, о силе или о слабости эта кампания говорит.

Намечаются по крайней мере и два подхода в выборе средств. Одна, наиболее воинственно настроенная часть американских идеологов высказывается в пользу открытого навязывания своих рецептов подрыва общественно-политических основ социализма. Так называемый «свободный поток информации» представляется им наиболее подходящим средством. «Глобальная революция, происшедшая в средствах связи, — пишет известный исследователь политико-стратегических проблем У. Кинтнер, — это идеальный инструмент для экспорта американских форм управления и идеалов», для развертывания «крестовых походов» под флагом «защиты прав человека». Но и оппоненты Кинтнера, сторонники более сдержанного подхода, предлагающие осуществлять «руководство миром» прежде всего силой пресловутого «американского примера», в качестве главного поля «морального воздействия», выбирают все те же права человека.

Так или иначе, но, судя прежде всего по практическим делам, крен делается в пользу «высокоидеологизированного подхода». А сама кампания по правам человека проводится профессионально, синхронно, масштабно. Доказать «законность» ее проведения на официальном уровне невозможно. А заявления о том, что она-де есть проявление идеологической борьбы и не имеет отношения или, пользуясь языком американских теоретиков, «сцепления» с решением действительно важных вопросов, касающихся международного мира и безопасности,—такие заявления несостоятельны по существу. В идеологической борьбе ведь отстаиваются определенные философские и политические воззрения. А использование клеветы, дезинформации и шантажа называется «психологической войной». И тысячу раз был прав обозреватель газеты «Вашингтон пост», когда писал: «Для американцев наши ценности — наша гордость. Для других американские ценности представляют собой вызов существующим правительствам и режимам. Это не те карты, с помощью которых другие правительства легко пойдут на сотрудничество с США».

Против настойчивого проведения кампании по правам человека как составной части американской внешней политики неоднократно предостерегал и бывший государственный секретарь Г. Киссинджер. В своем выступлении в сентябре прошлого года он признал, что «эта ненужная критика (имеются в виду нападки на государственный строй СССР. — В. П.) не привела к практическим результатам, которых добивались США, а вызвала лишь усиление напряженности между двумя странами».

Иначе и быть не могло. Ведь «моральное лидерство» вылилось в своеобразный «идеологический интервенционизм», в попытки вмешательства во внутренние дела других стран. И социалистические государства дали им достойный отпор, увидев в них рецидив «холодной войны», угрозу разрядке и развитию нормальных отношений между СССР и США.

Верно, что в последнее время претензии на «моральное лидерство» стали звучать поскромнее. Из этого, однако, не следует, что внешнеполитические действия США утрачивают моралистскую окраску. Главная установка по-прежнему сохраняется. Но происходит, видимо, корректирование тактики. По словам редактора журнала «Форин афферс» Дж. Чейса, кампания по правам человека — «это такой крестовый поход, который вряд ли прекратится», и в дальнейшем следует ожидать меньше риторики, только и всего. Корректировка проявляется, в частности, и в том, что предпринимаются попытки расширить выдвинутую моральную платформу, включив в нее, помимо борьбы за гражданские права, такие вопросы, как национальное самоопределение народов, мир, справедливость... Разумеется, кампания в «защиту прав человека» и впредь будет идти параллельно с пропагандой милитаризма, усиленно подогреваемыми настроениями шовинизма и расизма. Можно предсказать, что наверняка не обойдется и без геополитической аргументации.

И «КОНВЕРГЕНЦИЯ», И «МОДЕРНИЗАЦИЯ»

Если кто-нибудь поинтересуется, существует ли вообще американский ответ на вопрос о путях социально-политического и экономического развития человечества, ему тотчас же укажут на теорию «модернизации». Это кое-что новое. По форме—набор отдельных положений буржуазной социологической науки. По существу — еще один прием или ход, рассчитанный на то, чтобы ослабить притягательность социализма, оградить Запад от социальных потрясений, обосновать необходимость капиталистического пути развития в условиях научно-технической революции. Профессор Колумбийского университета Р. Исаак прямо заявляет, что США обязаны как можно скорее «разработать модель экономической, политической и социальной модернизации», например, для стран «третьего мира», которая «могла бы успешно противостоять советской модели».

Теорию «модернизации» буржуазные идеологи считают более эффективной, нежели теорию «конвергенции». Почему? В отличие от «конвергенции», «модернизация» делает упор не на конечную цель, а на процесс продвижения к цели, хотя не подлежит никакому сомнению, что и для нее желаемой целью остается сохранение капитализма, «усовершенствованного», правда, благодаря достижениям науки и техники. «Модернизацией» буржуазные теоретики объявляют процесс перехода от так называемого «традиционного» к «современному» (модерн) обществу. «Преимущество такого понятия, как «модернизация», — признает С. Блэк, — состоит не в том, что оно шире, чем «вестернизация» (то есть развитие по западному образцу.— В. П.), «европеизация», «индустриализация» и даже «прогресс», а в том, что оно не перегружено содержанием».

Теория «модернизации» не могла появиться, скажем, десяток лет назад, как не могла она и на десяток лет запоздать, потому что именно сейчас потребовалось «обоснование» неоколониалистской стратегии империализма. Перед освободившимися странами встал вопрос: по какому пути пойти? Многие избрали путь некапиталистического развития, и в отдельных случаях поклонники «модернизации» вынуждены признавать (как это делает, например, профессор Д. Эптер), что страны социалистической ориентации способны лучше решать некоторые свои проблемы, нежели страны, идущие по капиталистическому пути. И мало сказать, что буржуазных теоретиков этот факт настораживает, — он их тревожит.

Пронизанная духом идеологической конфронтации, теория «модернизации» допускает и фальсификацию фактов, и клеветнические утверждения, принижающие опыт Советского Союза. Как отмечает сотрудник Калифорнийского университета Д. Типпс, теоретики «модернизации» озабочены прежде всего сохранением социальной и политической стабильности в мире. Им присущ сильно выраженный антикоммунизм. Они одобряют деятельность многонациональных корпораций, эксплуатирующих развивающиеся страны. Все это делает теорию «модернизации» приемлемой и для Белого дома, и для Пентагона, и для государственного департамента, и не в последнюю очередь для частных фирм.

Не секрет, что «модернизация» означает, говоря словами западногерманского историка В. Цапфа, «равнение на западные образцы». Но уж очень неприкрыто афишировать свое пристрастие к подобным «образцам» тактически невыгодно. Поэтому сторонники теории «модернизации» допускают возможность того, чтобы «модернизированное» общество в какой-то мере учитывало и особенности стран, не связанных с Западной Европой и Америкой, заимствовало бы, например, «японский опыт». При всем при том буржуазная демократия объявляется ими «высшим эталоном общественного развития». Всячески рекламируется «образ жизни», принятый в США. Свобода личности объявляется чуть ли не главным его признаком. А на то, что американские власти, крепко уверовавшие в «моральное лидерство» своей страны, нарушают элементарные гражданские права, — на это закрывают глаза. И вот, хотя попрание прав личности, массовая полицейская слежка, досье на миллионы граждан составляют подлинное содержание американской демократии, апологеты теории «модернизации» навязывают ее другим народам как образец для подражания. Собственно, в этом и заключается одна из функций «морального лидерства».

⁂

Моралистская ориентация современного внешнеполитического мышления в США говорит о возрастающем значении идеологической борьбы. Ищут наиболее эффективные средства продолжения такой борьбы в условиях разрядки. Налицо в связи с этим различие во взглядах внутри правящих кругов. Те, кто мыслит трезво, хотели бы умерить пыл новоявленных рыцарей идеологических «крестовых походов», отказаться от прямого и грубого вмешательства во внутренние дела социалистических стран на том здравом основании, что оно приносит ущерб прежде всего интересам самих США, не говоря уж о разрядке напряженности и оздоровлении международного климата в целом.

Идейная борьба, каких бы масштабов она ни достигала, предполагает открытое, научно обоснованное разъяснение взглядов и убеждений, сопоставление фундаментальных ценностей социализма и капитализма, недопущение фальсификации и клеветы, проповеди человеконенавистничества, расизма, вражды между народами. Иначе она превратится в «психологическую войну».

Еще в 1933 году при установлении дипломатических отношений между СССР и США обе стороны обменялись письмами, в которых обязались воздерживаться от вмешательства по идеологическим мотивам. И важнейший урок советско-американских отношений состоит вот в чем. Хотя различие идеологий не снимается, имеются с каждым годом увеличивающиеся возможности для их развития на принципах полного равноправия, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Об этом уроке нужно не только помнить — им нужно руководствоваться сегодня, завтра, послезавтра, всегда.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Богомил РАЙНОВ:

«ВЗВОЛНОВАТЬ, ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ, УВЛЕЧЬ»

ЕСЛИ БЫ Богомил Райнов был автором лишь поэтических сборников, то и тогда он занимал бы видное место в современной болгарской литературе. Но он создал еще ряд крупных прозаических полотен, принесших ему славу. И этим не исчерпывается его многогранный талант: он пишет сценарии и пьесы, выступает как литературный критик, публицист и искусствовед. Его произведения в этих жанрах также завоевали всеобщее признание.

Мало найдется в Болгарии писателей, которые обладали бы столь энциклопедическими знаниями, как Б. Райнов. Обычно исследователь и художник трудно уживаются в одном человеке, и обращение литератора к чуждой ему сфере подчас носит привкус дилетантства. Я не встречал у Богомила Райнова строк, которые не свидетельствовали бы о его компетентности, куда автор не вложил бы всю страстность своей богатой натуры, независимо от того, размышляет он о творчестве Пикассо или Христо Ботева, знакомит с новейшими тенденциями в криминальном романе или воскрешает атмосферу мира парижских букинистов. Богомил Райнов никогда не бывает скучным — ни в своей прозе, ни в исследованиях «массовой культуры» Запада.

— Мне кажется само собой разумеющимся, — сказал в нашей недавней беседе Б. Райнов, — что писатель самое сложное и запутанное должен стремиться выразить как можно яснее, потому что он, в конечном счете, обращается к читателю-собеседнику. Ведь бессмысленно беседовать с кем-либо, если у тебя нет желания быть понятым или потребности убедить в своей правоте. Я всегда относился с подозрением к так называемым «заумным», «герметичным», «непроницаемым» авторам, ибо мой читательский опыт научил меня, что за трудно разгадываемой литературной формой зачастую скрывается ничтожное содержание, не заслуживающее того, чтобы его разгадывать. Правда, есть крупные художники, понимание которых дается с трудом. Но даже такие авторы, как Достоевский, Фолкнер или Т. Манн, трудны не потому, что они неясны, а потому, что созданные ими образы многоплановы, насыщены предельно богатым содержанием, часть которого может пройти мимо внимания читателя, привыкшего следить лишь за развитием сюжетной интриги. Следовательно, эти художники вовсе не являются недоступными — их творчество лишь требует более напряженной работы мысли и воображения.

По-моему, литературное произведение, помимо богатства содержания и яркости авторской мысли, должно еще увлекать читателя. Это условие, по-моему, обязательно, потому что интерес читателя к произведению нельзя навязать. Единственный способ, чтобы книга дошла до читателей, — это «заставить» их прочитать ее до конца, сумев при этом взволновать, заинтересовать, увлечь...

Богомил Райнов прекрасно владеет искусством быть интересным. Его книги, несмотря на огромные тиражи, расходятся мгновенно. Читая детективные романы писателя, мы сначала увлекаемся решением логической загадки. Однако потом понимаем, что более ценным в них являются образы героев, а также то, что в их судьбах раскрывается столкновение двух миров с различной идеологией, с противоположной моралью.

— Это тема не только моих приключенческих романов, — поясняет писатель, — а, в сущности, всего моего творчества. Естественно, к ней можно подходить по-разному и разрабатывать на основе многообразных жизненных ситуаций, что, кстати, я всегда старался делать. В моих рассказах, посвященных капиталистическому обществу («Моя незнакомка», «Юнгфрау», «И синие цветы» и др.), в некоторых произведениях, освещающих современные проблемы нашей действительности, в разных аспектах показывается борьба двух миров. В одном случае она может быть раскрыта прямо, путем показа противоборства представителей различных разведок, в другом — как конфликт между старым и новым образом мыслей.

В течение последних лет Богомил Райнов работает над произведениями автобиографического характера («Тебечный человек», «Это странное ремесло», «Элегия о мертвых днях», «Третий путь» и др.). Их жанр определить непросто. Эти произведения, названные критиками «новой прозой», можно определить как исповеди, монологи писателя о его жизненном и творческом пути. Автор говорит о своем доме, об отце — Николае Райнове, видном литераторе и искусствоведе, рассказывает о друзьях юности, о людях, оказавших воздействие на формирование его личности гражданина и писателя. На первый взгляд «новая» проза Богомила Райнова выглядит субъективной мемуаристикой. Но он неизменно остается верен принципу, что любая индивидуальность не представляет никакой ценности вне общественного развития и борьбы идей. Перед нами в этих книгах — сокровенные мысли большого художника о формировании его писательской индивидуальности, о выборе им жизненного пути, и вместе с тем это раздумья о социальном призвании творца, о его месте в битве идей и революционных преобразованиях эпохи.

Атанас СВИЛЕНОВ

СОФИЯ

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР проведен советско-американский симпозиум на тему «Теоретические принципы подготовки истории национальных литератур». О его итогах рассказал нашему корреспонденту заместитель директора института, член-корреспондент АН СССР В. Р. ЩЕРБИНА:

Между академической комиссией по связям в области общественных наук и Американским советом (сокращенно АСПО) в 1975 году было заключено соглашение о многолетнем сотрудничестве по общественным и гуманитарным дисциплинам. Соглашение предусматривает совещания советских и американских историков, этнографов, археологов и литературоведов.

Первый литературоведческий советско-американский симпозиум, проходивший в США, был посвящен проблемам подготовки собраний сочинений писателей-классиков.

В повестку дня второго симпозиума, который проходил в Москве, поставлены были проблемы изучения истории литератур. Институт мировой литературы осуществил ряд изданий, без которых не обходится ни одна сколько-нибудь серьезная общественная, а также научная библиотека: трехтомная «История русской литературы», четырехтомная «История русской советской литературы», шеститомная «История советской многонациональной литературы». К этому необходимо добавить истории английской, французской, немецкой литератур, которые были подготовлены нашим институтом. Сейчас важнейшая задача института — завершение работы над «Историей всемирной литературы». Работают сотрудники института и над «Историей американской литературы». Таков научный багаж, с которым мы пришли на второй советско-американский симпозиум.

Из Соединенных Штатов к нам приехали профессора крупнейших американских университетов — Гарвардского, Принстонского и Ратжерского. Возглавлял делегацию профессор Ричард Людвиг. Недавно на прилавки наших книжных магазинов поступил третий, последний, том «Литературной истории Соединенных Штатов», которую в переводе на русский язык выпустило издательство «Прогресс». В свое время для подготовки этой «Истории» профессор Людвиг проделал большую библиографическую работу. Теперь он оказался непосредственным свидетелем успеха, выпавшего на долю русского издания американской «Литературной истории». В работе симпозиума участвовал научный руководитель этого издания, профессор Московского университета Я. Н. Засурский. Среди американских ученых — участников симпозиума были также профессора Зоннефельд, Пол Фассел, Дональд Фангер и Клаудио Гильен.

Советская делегация представила ряд докладов, и в первую очередь доклад руководителя коллективного труда «История всемирной литературы», члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Ю. Б. Виппера. С большим вниманием был прослушан доклад члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук Г. Н. Ломидзе о разработке истории советской многонациональной литературы, создаваемой на 75 языках. Оживленный обмен мнениями вызвали доклады профессора А. Н. Овчаренко об «Истории русской советской литературы» и заместителя директора института П. В. Палиевского о проблемах разработки истории русской литературы прошлого века. С докладом о работе над «Историей американской литературы» выступил профессор Я. Н. Засурский.

История литературы в широком смысле слова — одно из выражений того великого процесса, без которого было бы немыслимо духовное развитие человечества и который называют связью времен. Сотрудничество литературоведов разных стран при определении принципов изучения истории литератур необходимо также потому, что сами национальные литературы не являются замкнутыми в своем развитии, неотделимы от общего художественного прогресса эпохи. Очень важно, что рассмотрение всех этих вопросов шло в свете наиболее влиятельных историко-литературных концепций современности.

В общественных, гуманитарных науках самые специальные, академические вопросы неотделимы от кардинальных проблем эпохи. Именно такой подход к обсуждаемым проблемам сделал в принципе возможным и, как представляется, плодотворным общий разговор за «круглым столом» в Институте мировой литературы.

Следующий симпозиум советских и американских литературоведов намечено посвятить творчеству Антона Павловича Чехова.

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖО ХИЛЛА

ПЕСНИ ЕГО НУЖНЫ И СЕГОДНЯ

Всех стран рабочий класс,
объединись в боях,
Чтоб мир весь был у нас
в мозолистых руках.

В сентябре Пит Сигер пел эту песню Джо Хилла на съезде Объединенного профсоюза рабочих электро- и радиотехнической промышленности.

А пока Пит пел, я мысленно возвращался к драматической стачке, организованной «Индустриальными рабочими мира» в дни моей молодости.

Я стоял на овеваемом ветрами холме в Сан-Педро, штат Калифорния, что возвышается над гаванью. Вокруг меня тысячи бастовавших моряков и докеров действительно ощущали силу взять в свои мозолистые руки весь мир, когда они пели песню Джо Хилла...

Джо был убит по приказу хозяев медных рудников 19 ноября 1915 года. Его расстреляли в тюрьме штата Юта после суда по ложному обвинению в убийстве. Но его песни остались живы. Они живут и сейчас, когда мы отмечаем столетие со дня его рождения.

Делегаты съезда профсоюза электриков поднимались с мест и стоя вновь и вновь аплодировали Питу Сигеру. А потом присоединились к нему и все вместе, хором, спели песенку Джо Хилла про штрейкбрехера Кейси Джонса, которому в аду досталась работа «подбрасывать лопатой серу в вечный огонь» за то, что согласился в Сан-Педро стать «скэбом» и помогал хозяевам сорвать стачку. И так же дружно смеялись, подпевая Питу:

Проповедники
чушь все несут
Про грехи
да про Страшный суд.
Об еде ж заикнешься,
там нет,
Запоют они сладко в ответ:

«Хочешь есть — умирай,
В небе есть для вас рай.
Здесь трудись да молись,
Каравай вам в рай
бог подай!»

(Перевод М. ЗЕНКЕВИЧА)

Эта песенка Джо Хилла была сатирой на Армию спасения, чьи проповедники уговаривали голодных рабочих молиться, вместо того чтобы бороться за кусок хлеба.

Тепло встретили делегаты Говарда Да Сильва, когда тот взял микрофон, чтобы прочитать последние строки Джо Хилла — апелляцию в судебные органы штата Юта. Джо Хилл не просил пощады, нет. Он просто сказал им, этим черствым судейским чиновникам, слугам местных политиканов, что он, Джо Хилл, — ни в чем не виновный рабочий, который тяжко трудился, чтобы заработать себе на жизнь, и который в свободное время писал песни и рисовал картины.

...Многие американские профсоюзы и правительство Швеции старались спасти жизнь Джо Хиллу в 1915 году. В числе тех, кто возглавлял эту борьбу, были Юджин В. Дебс, Билл Хейвуд, Элен Келлер и Элизабет Герли Флинн, чей образ вдохновил Джо на сочинение знаменитой песенки «Девушка-бунтарка». Сегодня с требованием оправдать Джо Хилла выступают все новые и новые профсоюзы.

Кульминацией чествования Джо Хилла рабочими-электриками была, пожалуй, короткая речь бывшего президента этого профсоюза Альберта Фитцджеральда.

Фитцджеральд сказал делегатам, что съезд вспомнил о Джо Хилле не просто для «развлечения». Что когда-то сделали с Джо Хиллом, может быть сделано со всяким, кто руководит борьбой рабочего класса сейчас, сказал он. Ближайшие годы будут для рабочего движения США самым трудным периодом за все время с 1930-х годов.

Крупные монополии США готовы действовать беспощадно, так что стойкости и мужеству рабочих предстоит еще выдержать суровые испытания.

Арт ШИЛДС,
американский публицист
(«Дейли уорлд»)

Шарль **ДОБЖИНСКИЙ**
(ФРАНЦИЯ)

ЗЕМЛЯ

Известный французский поэт Шарль Добжинский на одном семинаре, проходившем в Москве более двадцати лет назад, сказал: «Поэзия, не ставящая перед собой иной цели, кроме себя самой, неизбежно порывает большинство невидимых токов, которые соединяют поэта и мир...»

Что же касается творчества самого Шарля Добжинского, то в нем эти «невидимые (впрочем, и очень даже видимые) токи» существуют постоянно и крепнут непрерывно.

Жизнь, заполненная событиями,— сложная, меняющаяся, непримиримая, всегда манящая жизнь — клокочет в его стихах, сердце и судьбе.

Ведь Добжинский-поэт неотделим от Добжинского — общественного деятеля, Добжинского — редактора журнала «Эроп», Добжинского — романиста, переводчика, публициста и литературного критика.

В каждой такой «смене жанров» Шарль Добжинский профессионален и мудр, талантлив и естествен. Однако, чем бы этот человек ни занимался, он остается поэтом. Поэтом навсегда.

И значит — снова пишет стихи. Пишет так, будто стихотворение, над которым он сейчас трудится,— самое первое в его жизни. Самое первое и самое последнее.

Только так и должно быть у настоящего поэта.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Земля сенокосная,
засыпать хорошо,
слушать мяту,
вдыхать боярышник.
Скарабеи, брильянтовые кулоны,
плевет ночь
на звездочки яркие.
Я с тобой как хмельной,
нет родней твоего нехоленого лона.
Земля ручейков молока парного,
полей унавоженных.
Земля скотины забитой,
трав луговых скошенных.
Небо, огромная лошадь,
смотрит в гладь колдовскую болот.
Пышна
твоя плоть, сосудов соломки,
колодцы вина.
Цыплячий пушок рассвета.
Петушиный гребень заката.
Я щепоть твоя,
щербинка.
Дымка распада
кутает землю с ночи,
зной отлетает, росы падают.
Земля послушна:
на подводах по ней раскатывают,
возят тачки,
плугом распахивают.

Стрекочут, стрекочут
сверчки,
в проводах гудят, в ушах сверчат.
Земля — ковер ворсистый людской работы,
перемешаны масти, поделены куски.
Узел гордиев моих дум.
Земля — мозолистый, сучковатый
колдун,
караулит у речки прачек-лун.
Земля — промокашка,
снов разводы узорные.

Во рту ощущенья забытые:
утра желтые
свеклы корченой.
Капельки патоки, смерти испарина,
хрипло кашляя, комья падают.
По венам твоим, сквозь поры,
речной травою
проникает в тебя снов моих власть,
плющ опускается цепким пологом,
за гроздью гроздь.
Воспоминания. Трескотня насекомых,
перезвон эфира,
в решето превративших
экран голубой
голоса моего.
Вдоль дорог клювы вороньи.
Я снова рождаюсь. Я делаюсь чище,
солнца лучи холят меня спросонья.
Земля зеленая,
первая любимая,
мякоть влажная чернозема, зорька
в прожилочках,
взор голубицы.
Домотканая холстина прохладная
к ранам моим —
бабочки,
изувеченной градом.
Я нахожу сокровенные клады истоков,
свет зарождения,
дымок над фермой,
костер в овражке,
снопы, волов, что тянут небосвод
к иным берегам.
Человек с деревом в одной упряжке.
Человек с колесом рядом.
катится жизнь вперед,
подгоняют вожжами — время жать,
в деле каждом
свой
урожай.

Я вижу миг собственного рождения,
Но не узнать струнам своего звона.
Память моя, словно мать, каждое утро
меня голубому миру рожает.
Земля скудна
надеждой, дрожжами,
твердь скальная,
небо строгое —
ни света, ни бога.
Земля — пружина,
жизни порог,
с какой радостью хотя бы раз еще я озером
стану,
чтоб чирки надо мной закружили!
В родах земля без роздыха,
и стара ты, и молода,
лета румяного молотьба,
хлеба, самородные зерна нетленного золота.
Осень, олово, без рубахи
крестьянин,
кучи гниющей картошки вспученные.
От тяжелого запаха вянет луна.
Суровая сторона
лемехов, трещин —
следов от ободьев солнечных,
если бы
я тебя не любил —
подул ветерок свежий, расходится скверна,
дух твой заполнил душу —
что про любовь бы я знал!
В навозных ямах на твоих полях
я был удобреньем на грядущие времена.
Что про себя бы я знал,
не знай я любви твоей,
мельничиха-земля,
так тебе хочется научить людей
хлебом делиться и солью.

Перевел с французского
Александр КАРЛОВ

Ф. БУРТАШОВ

«СВОБОДНЫЙ МИР». СУДЬБЫ ИСКУССТВА

В ЩУПАЛЬЦАХ РАСИЗМА

ЛЕТОМ этого года в список изданий, запрещенных для печатания, распространения и чтения в ЮАР, который регулярно публикует управление по делам издательства, внесено еще одно дополнение — роман «Дочь Бюрхера», принадлежащий перу известной прогрессивной писательницы Надин Гордимер. Еще бы, главная героиня этой вышедшей в Лондоне книги — дочь белого южноафриканского коммуниста, партийного руководителя.

Бесконечен включающий в себе тысячи и тысячи названий список запретов. В него внесены и вносятся художественные произведения и научные труды, написанные национальными и зарубежными авторами. Они неугодны защитникам апартеида по самым разным причинам: то ли промелькнет в книге хотя бы частичка правды о том, что происходит в стране-застенке; то ли размышления и взгляды автора могут, по мнению адвокатов расистской системы, утвердить читателя в «крамольных» мыслях о вопиющем нарушении в ЮАР всех, даже самых элементарных, прав человека; то ли попросту фамилия писателя или выходные данные книги покажут, что последние увидали свет в социалистических странах и потому несут бациллу «красной заразы». Всеми способами расисты пытаются отсрочить неизбежный конец своего режима, и борьба против правдивой и честной литературы, запрет ее — одна из тех соломинок, за которые в отчаянии и страхе они спешат ухватиться, чтобы хоть как-нибудь удержаться над поверхностью захлестывающего их моря народного гнева.

Сама Надин Гордимер в связи с запрещением уже не первой из своих книг заявила: «Если мы хотим избавиться от цензуры, надо прежде избавиться от апартеида».

В книге «Становление южноафриканского рейха» известный публицист Брайен Бантинг так писал о «культурных» позициях правящих расистских кругов ЮАР: «В борьбе против свободной мысли и слова они не жалеют сил, отдаваясь ей со всей решимостью и отчаянием людей, играющих ва-банк... Но спросите у них, какими идеями могут они оправдать свой режим в глазах мировой общественности, — и тотчас же обнаружится их полное банкротство. Слишком тяжелые страдания несет жителям Южной Африки апартеид, чтобы человечество могло с ним примириться».

Сурова и трагична судьба честного писателя в стране, которая давно удерживает многие трагические рекорды, в том числе мировой рекорд по числу смертных казней в год.

Особенно тяжела жизнь южноафриканского литератора с небелой кожей. Сколько их, небелых юношей и девушек, рожденных стать поэтами и художниками, не смогли состояться в душной атмосфере апартеида. Лишенные в большинстве своем возможности нормально учиться, приобщиться к достижениям национальной, африканской и мировой культуры, увидеть, услышать, прочитать то лучшее, чем законно гордится человечество, они вынуждены навсегда оставаться безвестными узниками расистского режима.

Можно назвать отдельные фамилии небелых писателей и поэтов, певцов и художников, чьи творческие возможности как-то реализовались. Но и большинству из этих более «удачливых» пришлось столкнуться лицом к лицу с машиной апартеида, трагически ломавшей жизни людей. Отказ от творчества, самоубийства, тюрьмы, многолетние заключения под домашним арестом и — часто как «лучшая» доля — прощание с родиной, друзьями, семьями, жизнь в эмиграции. Некоторые, более сильные, находят свое место в рядах борцов против расизма, другие отказываются и от борьбы, и от литературы.

Белый писатель, согласившийся с предписаниями своего клана, становится его пленником и защитником одновременно. Он должен отстаивать навязанные ему методы человеконенавистничества, принижения и оглупления всех небелых и несогласных с постулатами расизма граждан. Стараясь возвысить себя над небелыми, не своими, он все глубже увязает в тине апартеида и гибнет как творческая индивидуальность. Не случайно ни один литератор, согласившийся с догмами расистского правления, не «сделал себе имени» в литературе, не известен за пределами узкого круга своих единомышленников.

Вот лишь одно имя из мартиролога жертв апартеида — поэтесса Ингрид Йонкер, писавшая на языке африкаанс, тонкая, очень глубокая творческая личность. Но она была безоружна в столкновении с произволом расистского меньшинства, к которому принадлежала по рождению. Нет, ее не настигла полицейская пуля — удел многих известных и безвестных граждан ее страны, — она не умерла в застенках тюрьмы или в нищей деревушке в одном из бантустанов — фактически огромных концлагерей, созданных расистами для африканских жителей государства. Несогласная с бездушной системой расового неравенства и всеми ее ядовитыми последствиями, она не нашла своего пути к активной борьбе с ненавистным миром угнетения. Среди ее последних строк, написанных в день перед смертью, были такие: «Я не могу что-либо изменить, я не могу больше вынести все это...» Она ушла из жизни, уплыв в ночное море недалеко от любимого ею Кейптауна.

Все те, кто хочет остаться честным, в ком еще не заглох голос совести, рвут со своим кланом и расизмом. «...Южная Африка потеряла многих писателей... и вообще интеллигентов, включая все ядро вновь появившихся черных африканских писателей... Если я или какой-либо другой пишущий на английском языке белый южноафриканец должен будет покинуть родину, то это будет сделано по той же причине, по которой это сделали другие: не потому, что они боятся черного человека, а из-за того, что их сердце изнывает от лжи, обмана, интеллектуальной софистики, болит от жестокостей, совершаемых от имени белых». Эти горькие и честные слова принадлежат той же, хорошо известной в Советском Союзе писательнице Надин Гордимер. Под ними могли бы подписаться многие южноафриканские деятели культуры.

Без преувеличения можно сказать, что все лучшие южноафриканские литераторы наших дней живут в эмиграции. Среди них мастера слова, чье творчество пользуется популярностью у мирового, в том числе и советского, читателя. Здесь можно назвать и тех, кто покинул родину давно — Питер Абрахамс, Льюис Нкози, Энтони Делиус, уже умершие Лоуренс ван дер Пост и Уильям Плумер, и тех, кто уехал недавно. Именно о них, об изгнанниках, проникновенно писал один из крупнейших современных южноафриканских поэтов Деннис Брутус:

«...усталые, озабоченные,
забывшие про улыбки,
чужие в сотнях
приютивших вас городов
мои товарищи и друзья!
Как долго еще может
длиться все это?
Как долго еще будут
мучить нас
спазмы в горле, слезы
у глаз
при звуках далеких,
забытых слов —
Фиатас, Гальвандаль,
Вудстон?
Как долго еще мы будем
топтаться
в прихожих или на
сквозняках у порогов
в чужеземных краях,
далеко, далеко?
Как долго еще будет
длиться
страшнейшая из агоний?

Мучительно давно покинули родину Алекс Ла Гума и тот же Деннис Брутус, их друзья и товарищи по литературе Мазиси Кунене и С. Дж. Драйвер, Блок Модисане и Кеорапетсе Кгоситсиле, Тодд Матчикиза и Барри Фейнберг, А. Н. К. Кумало и Филис Альман, Космо Питерс и Джойс Сихакане, Нони Джабаву и Исмаил Чунара. Он длинен, этот список изгнанников.

Многие из уехавших, изгнанных ушли из жизни, не выдержав этой пытки изгнания, не сумев устоять в трудной, длящейся десятилетиями борьбе за право говорить честное, правдивое, нужное народу слово. Их уже нет — и тонкого мастера коротких рассказов Кэна Тембы, и отважного публициста, писателя и общественного деятеля Альфреда Хатчинсона, и блистательного поэта Артура Нортье, — надежды и гордости южноафриканской литературы, ушедшего из жизни в 28 лет. И этот перечень преждевременных потерь далеко не полон.

А сколько южноафриканских литераторов прошли через тюремные застенки или провели годы в страшном безмолвии под превентивным домашним арестом, длящимся порою долгие годы, когда человек, рожденный писать, говорить, общаться с людьми, оказывается запертым властями в четырех стенах и ему запрещено не только писать, но и общаться с друзьями, даже с близкими и семьей.

Люди, знакомые с южноафриканской действительностью, помнят, как два года назад расисты бросили в тюрьму одного из наиболее известных современных поэтов страны Б. Брейтенбаха.

Небелые и белые литераторы Южной Африки определяют и уже определили, по какую сторону баррикад национально-освободительной борьбы находится их творчество. В ЮАР, где, по словам известного ученого, профессора права Натальского университета Барренда Никерка, «нет ни одного основного права человека, ни одного параграфа гражданского права, который не был бы в какой-то степени попран», происходит размежевание сил. Все больше деятелей культуры Южной Африки становится под знамена патриотов, ведущих сражение против расистского режима.

Еще в 1968 году английский композитор Алан Буш написал оперу «Джо Хилл: человек, который никогда не умирал» на основе одноименной пьесы американского драматурга Барри Стэвиса. Премьера оперы состоялась в 1970 году в Берлинском государственном оперном театре. В дни столетия со дня рождения Джо Хилла эту оперу снова услышат жители Германской Демократической Республики. А соотечественники Джо Хилла — американцы?

«Где же найти в США постановщиков, которые могли бы сделать оперу о рабочем классе достоянием американского народа?» — задает вопрос обозреватель газеты «Дейли уорлд» Уильям Помрой. Ответ на этот вопрос ясен: в сегодняшней Америке пока «не нашлось» человека, который рискнул бы поставить оперу, написанную композитором-коммунистом о жизни и борьбе рабочего и поэта, убитого властями американского штата Юта.

На снимке: **композитор Алан Буш и драматург Барри Стэвис на премьере оперы «Джо Хилл» в Берлине**

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ПАРОДИИ

Мих. РАСКАТОВ

Не сомневайся!

Обовью
тебя словами —
Думай,
что живешь в раю.
(Александр ГОВОРОВ)

Вот приду домой
с работы,
На диван взберусь
едва —
Недарю тебя
без счета
Драгоценные слова.

Ты пока займись
делами,
Я пока поговорю...
Обовью тебя
словами —
Думай, что я щи варю!

Ты не моешь,
ты не драишь,
Драю я, любовь моя,
Думай, что не ты
стираешь,
Думай, что стираю я!

Не стремись обратно
к маме,
Пожалей мой
сильный пол.
Обовью тебе
словами —
Думай, что я мою пол!

Ничего, что ты устала,
Что ложишься
не заре, —
Разных слов еще
немало,
Их сто тысяч
в словаре.

Сладко нежусь
на диване,
Без причины
не встаю...
Обовью тебя
словами —
Думай, что живешь
в раю.

ФРАЗЫ

● *За душой ничего, зато за пазухой камень.*

● *Мир был создан за шесть дней. Пятидневку ввели позднее.*

● *Мавр! Сделал свое дело — помоги товарищу!*

Александр **ДОМОВЕЦ**
ВОЛГОГРАД

● *На допросе у следователя продавец взвешивал каждое слово..*

● *Иные надежды вселяются без прописки.*

● *Пока мы видим сучок в чужом глазу, со зрением все в порядке.*

Петр **КИРЧИКОВ**
ОДЕССА

● *Никогда не поздно начать новую жизнь. Всегда поздно менять старую..*

Лариса **БЕЛАЯ**

● *Из характеристики: умеет правильно расписаться в своей безграмотности.*

● *На всякое тело действуют с удесятеренной силой вытесненные им другие тела.*

Владилен **ПРУДОВСКИЙ**
ЗАПОРОЖЬЕ

Три рисунка из цикла «Службе движения «Клуба ДС»

В. ДУБОВ

драмы «Клуба ДС»

Ал. ПУТЯЕВ

ДОЧЬ СОЛНЦА

У НЕЕ были огромные, роскошные, в несколько десятков карат, изумрудные глаза. Ее огненные волосы трепал ветер. И вся она была похожа на белое-белое облако, на плечи которого был небрежно наброшен черный бархатный плащ.

Мы всегда встречались в одном и том же месте, на углу Большой и Маленькой улиц. На одной из них была расположена столовая, куда я ходил обедать, на другой — место моей работы.

С этой девушкой я никогда бы не решился заговорить первым. Кем был я? Простым чертежником. Кем она? Дочерью Солнца. Да, да, не удивляйтесь! Как-то, невольно следуя за ней, я стал свидетелем того, как некий юноша в светозащитных очках, грубо схватив ее за плечо, сказал:

— Привет, Светило! Стольник приволокла?

Я плохо вникал в смысл сказанного им, но мне было ясно одно: такую фамильярность я бы себе не позволил.

Вечером, выпив чашку кофе, я рисовал в своем воображении такую картину: крутится Черный Диск, по нему шагает Дочь Солнца, и я, не боясь обжечься навсегда, целую беззащитную светящуюся точку...

Под утро мне приснился дурацкий сон: будто меня посмертно приняли в кооператив. Снам я не верю. Я верю в вечное продолжение луча, в желтые листья осенних аллей...

Листья прошуршали под ногами, аллея кончилась. Я перешел дорогу и лицом к лицу столкнулся с Дочерью Солнца. Взглядом она остановила меня:

— Диски, джинсы... нужны?

Я плохо понимал ее язык и потому молчал.

— Ну, стольник есть? Сто рублей у тебя есть? — спросила она.

Дома у меня были деньги. Я попросил:

— Вы подождете? Я сейчас принесу.

Я бежал по аллее и думал: «Какая удача! Она просит у меня взаймы денег.. Наверное, они ей нужны, чтобы купить какую-нибудь старинную книгу о вращении планет...»

Вернулся я быстро. Рука со светящейся точкой на безымянном пальце легла на мое плечо.

— Так, — пересчитала она деньги, — все правильно. Носи на здоровье

С этими словами Дочь Солнца сунула мне под мышку какой-то сверток и скрылась в толпе. Я даже не успел предложить ей яблоко, которое мама положила в портфель на случай, если мне некогда будет пообедать.

Дождавшись двух часов, я, не в силах побороть любопытство, развернул сверток. В нем были небесного цвета, вытертые до дыр штаны примерно так пятидесятого размера, пятый рост..

И мне стало грустно: «Это она дает понять, что любит высоких и стройных мужчин... А я? Кто я? Простой чертежник, верящий в желтые листья осенних аллей..»

ВОПРОСЫ РЕБРАМИ

● Удобрять почву на даче — это работа или отдых!
● Существуют ли льготные путевки в жизнь!
● Можно ли бороться с ветряными мельницами, если лить на них воду!

Анатолий РАС

● Как же смотреть трезво на вещи, если истина в вине!
● Может ли внутренний голос заглушить голос разума!

Т. АЛЕКСАНДРОВ

● Можно ли правила уличного движения заменять правилами хорошего тона!
● Кто должен выносить сор из избы — муж или жена!

Вадим ПРОХОРОВ

КУБИНКА
Московской обл.

Леонид НАУМОВ

НЕХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

ВСЕ СОТРУДНИКИ работой довольны. Действительно — создали условия, ничего не скажешь! Здание хорошее, благоустроенное, светлое, потолки в кабинетах высокие, воздуха много. Буфет не закрывается ни на минуту. Ешь — не хочу! По средам привозят промтовары, книжный киоск торгует дефицитом. Чего, спрашивается, надо?!

Коллектив подобрался хоть куда! Что ни работник — золото. Чуткие, вежливые, предупредительные и дело знают. Прелесть, а не люди!

Начальство — лучше не сыскать! В мелочи не лезет, по пустякам не отвлекает, мыслит перспективно. Сказка, а не начальство!

На собраниях или совещаниях — полный ажур. Критика сплошь доброжелательная, предложения конкретные и по существу. Жаль, редко собираются. Стиль такой создался — все решать в рабочем порядке и оперативно.

В общем, все было бы хорошо и даже чудесно, если бы не одно обстоятельство. Всегда почему-то случается, что, когда уже совсем прекрасно, обязательно возникает это проклятое «если бы». И ничего не поделаешь, поскольку за ним стоит диалектика от противного. Отсюда и пятна на солнце, и розы имеют шипы, и в бочке меда непременно найдется ложка дегтя.

Так вот. Завелся в учреждении нехороший человек по фамилии Мосолов и стал все критиковать. Послушать его, так все вокруг плохо и, больше того, вообще никуда не годится. Поговорить с ним, выходит, что все, чем восхищались остальные, гроша ломаного не стоит. Помещение неразумно большое и используется нерационально, работники ленивые и скверные, заняты в основном личными делами, в буфете обсчитывают и обвешивают, а книги и промтовары отпускают лишь по знакомству и не без корысти. А про начальство и передать страшно. Если верить Мосолову, приходится только удивляться, почему такое начальство до сих пор не сняли и не направили на самую что ни на есть низовую работу, далекую от руководящей деятельности.

Натурально, такие высказывания вызывали непонимание и некоторый ужас. Чего, мол, человеку не хватает?! Почему на рожон лезет?!

А потом привыкли.

— Пусть его! — говорили одни. — На сердитых воду возят!

— Характер вредный! — кивали другие. — Не может промолчать. Есть люди, у которых языки мозгам не подчиняются! Вот и он такой!

— Он не вредный! — возражали третьи. — Вредный бы молчал и пакостил. У Мосолова душа нараспашку! И совсем у нас не так уж замечательно, как кажется!

А один из отдельских прямо в глаза Мосолову бухнул:

— Все-то тебе не нравится! Все недостатки выискиваешь! Неужто сам святой?! Себя бы разок покритиковал!

— И покритикую! — стукнул кулаком по столу Мосолов. — Думаешь, испугаюсь?!.

Ждать пришлось недолго.

Рис. Н. НАРИЖНОГО

На первом же общем собрании, не обращая внимания на прибывшего представителя из треста, Мосолов попросил слова. Не сразу, конечно, а почти под занавес. Собрание текло, как подсолнечное масло. Журчал докладчик, нежно шелестели про достигнутые успехи и предстоящие трудности дежурные ораторы из отделов, перешептывались девушки в зале, как на стандартный вопрос председателя «Кто еще желает?» поднялся Мосолов:

— Я желаю!

Все смолкли.

— Я никого не собираюсь критиковать! — бросил Мосолов с трибуны в изумленно притихший зал. — Одно — кулуарные разговоры, а другое — критика на собрании. Это дело ответственное. Прежде чем критиковать других, необходимо посмотреть на самого себя. Я хочу рассказать о собственных недостатках со всей откровенностью...

Мосолов гремел, прерываемый одобрительными возгласами и аплодисментами, начальство улыбалось, представитель треста жал директору руку, и вообще было легко и приятно, как в лесу после грозы

Назавтра только и говорили о выступлении Мосолова. Его поздравляли, хлопали по плечу, называли Васей, хотя по паспорту он значился Евгением Ивановичем, — словом, всячески выражали свое удовольствие. Некоторые, не очень морально устойчивые, даже сбегали в обеденный перерыв за пивом, чтобы отметить столь смелое начинание.

Через несколько дней восторги несколько поутихли. Началось с того, что машинистка, древняя Изольда Тристановна осуждающе произнесла:

— Нечем тут восхищаться! Лажа это! Кадрит ваш Мосолов руководство! Не иначе, прет в надворные советники!..

Может быть, не эти слова сыграли главную роль, но разговоры стали иными.

— Ишь придумал, себя критиковать! — говорил один. — Глубоко копнул, скотина! Теперь потребуют, чтобы каждый говорил о своих недостатках. А он в стороне. Уже откритиковался! Причем первым, в присутствии представителя треста. Хитер, бродяга!

— Угу! — печально соглашался другой. — Не будет покоя! Далеко смотрел, прохиндей! Б-а-а-льшую ему вырыл!

— Шизик! — вещал третий. — Маньяк! Скоро кусаться начнет! В психиатричку его надо!

Вскоре Мосолов оказался в вакууме. Ему не подавали руки, к нему не обращались даже по делу, на его вопросы не отвечали. Отдельское начальство, принимая от него документы, старалось глядеть в сторону или хваталось за телефонную трубку.

Иногда при нем острили:

— Лидочка! Вы опять яркий маникюр сделали? Не забудьте покритиковать себя на собрании. А то со стороны вмешаются, обвинят в легкомыслии!

Вокруг раздавался злой хохот.

Мосолов терпел-терпел, а потом не выдержал и уволился по собственному желанию.

— Черт с вами! — сказал он напоследок. — Продолжайте киснуть в своем болоте! Так и помрете без свежего воздуха!

Дела в учреждении идут хорошо. По-прежнему работает буфет, торгует киоск и по средам привозят промтовары. Сотрудники усердно трудятся на своих местах. Самокритикой никто не балуется, но на собраниях иных критикуют. Однако столь доброжелательно, что объект нападок жмурится от приятности.

О Мосолове вспоминают редко, особенно если что-нибудь не ладится с буфетом или промтоварами.

И некоторые при этом почему-то вздыхают.

ПЕРЕСМЕШНИК

Владимир ГРЕЧАНИНОВ

Как Карл у Клары украл кораллы

Сценарий зарубежного исторического кинофильма

В СОЛНЕЧНОЙ Франции царит мрак средневековья. Лувр сотрясают заговоры. Бурным потоком льется голубая дворянская кровь.

На троне малолетний капризный Людовик, опекаемый верной герцогиней Кларой. Коварный кардинал герцог де Морзанини плетет интриги, пытаясь посадить на трон своего племянника, принца де Тандема, отъявленного негодяя, дуэлянта и ловеласа. Погрязший в пороках де Тандем находится под каблуком честолюбивой и беспринципной фаворитки — девицы де Гулял. Хитрая де Гулял всячески настраивает Людовика против Клары, кормящей короля ненавистной ему манной кашей.

Малочисленную партию сторонников короля возглавляет маркиз Крюшонский, предательски убиваемый любимым наемником кардинала Карлом де Кобре. Совершенно случайно на месте злодеяния оказывается Жан де Мохре, мелкопоместный дворянин, но честный человек. Не в силах вынести такого вероломства, он тут же дает клятву отомстить убийцам и, надев личину злодея, проникает в секретное логово заговорщиков.

А в это время вероломный де Кобре похищает у Клары четки из кораллов, любимую игрушку короля, подарок набожной Анны Австрийской, в прошлом королевы. Подозрение падает на Клару, и, скомпрометированная, она удаляется в изгнание. Больше не будет манной каши. Сторонники принца торжествуют.

А неутомимый де Мохре тем временем завладевает совершенно секретным письмом де Тандема, разоблачающим преступные замыслы последнего, — оставшийся без присмотра Клары, король будет отравлен на балу антрекотом. Спешащий в Лувр де Мохре попадает в ловушку, подстроенную предателем — трактирщиком Бульонини.

А во дворце уже садятся за стол. В центре внимания роковой антрекот — кардинал так и поедает его глазами. Занесена вилка, но вдруг в оркестре слышится фальшивая, режущая слух нота. Это верная Клара, [illegible] любимый королем [illegible] на гобой, любимый кардиналом. Король в гневе. Верхом на лошади появляется де Мохре и, чтобы окончательно разоблачить [illegible] кардинала, заставляет своего [illegible] съесть антрекот. Верный конь, с отвращением сжевав антрекот, падает, придавив собой кардинала и [illegible]. Благодарный и благородный король обнимает одной рукой Клару, другой — де Мохре, а те оставшимися руками обнимают друг друга. Все танцуют и едят манную кашу. Над солнечной Францией в очередной раз встает солнце.

ВОПРОСЫ РЕБРАМИ

● Когда же тишина станет криком моды!
● Этично ли пользоваться подсказками, если подсказывает совесть!
● Кто помог первому человеку выйти в люди!

В. ТУРЕНКО

ВОЛОДАРСК
Горьковской обл.

● Должны ли кузнецы своего счастья соблюдать технику безопасности!

Леонид КРАЙНОВ

гор. ГОРЬКИЙ

● Что пожнешь, если посеешь трын-траву!

Эмилия ОРЛОВСКАЯ

ЗАПОРОЖЬЕ

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

Евг. ТАРАСОВ (ЭЛЕКТРОГОРСК Московской обл.)

ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА

ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ МОЛОДЦОВ, тренер команды «Маховик», печально смотрел на футбольное поле и размышлял:

— Сколько же я для этих ребят сделал! Сдружил их. Сплотил и развил. Мастерами стали. На выдумку. Какие вечера отдыха организуем! Какие «КВН» и «А ну-ка, парни!». Какие «Голубые огоньки»!

У Лешки Косоворотова, левого полукрайнего, талант карикатуриста обнаружил

А Юрка Сычев на всех вечерах поет не своим голосом. Отменный пародист, наш полузащитник!

Генку Маслова, центрального защитника, увлек оригинальным жанром. Огонь теперь может глотать. Живьем!

Крайние защитники у нас — мастера мимики и жеста. А Сема Хромов, правый край, он теперь не то что там на гвоздях, он же не дышать может. Сколько хочешь. И не двигаться. Йог он! Хатхой занимается. А также раджой.

Капитан наш Коля Дубовиков мастером разговорного жанра стал. А у тройки нападения драматический талант проявился.

Костя Плюхин, вратарь, самый молодой, но до чего способный! Все схватывает на лету. Кроме мячей, к сожалению.

Все у них есть. И поле, и спортивная база, и молодость. Даже второй тренер. Играющий. На гитаре.

И вот смотрю я на ребят своих и в толк взять не могу — как же это мы дошли до жизни такой? Помню, когда в зону ехали, болельщики требовали голос ветерана нашего Кольки Лавровишнева записать на долгоиграющую пластинку. Всю тройку нападения на руках носили. Целый год. Так что они теперь и ходить разучились. То есть бегать. Представления, вишь ты, на поле разыгрывают.

Дубовиков все больше в разговорном жанре себя проявляет. Все с судьями отношения выясняет.

У Лавровишнева игра давно уже ни в какие ворота не укладывается. Позабыл ветеран, для чего они, ворота.

А Сычев — тот вообще одну пародию на игру показывает. «Я есть кто? — заявляет. — Полузащитник я. Дайте еще полставки, защитником сыграю. На полную катушку».

А защитники — те только головы свои норовят защитить. Слишком у них головы талантливые оказались. В аппаратуру, что ли, метят?!

Но широкий зритель негодует. Обзоры и репортажи нас только недобрым словом поминают. Общественные организации категорически желают, чтобы игра вратаря Плюхина оставляла незабываемое впечатление.

— Пора решаться, — еще больше опечалился тренер. — Пока за меня не решили. Уводить надо из большого спорта. В большое искусство. В областную филармонию. А что? — воспрянул духом тренер. — Какую программу можно отгрохать! Целый мюзик-холл. И название хорошее есть — «Дружные ребята». Всем талантам спортивным там дело найдется. Всем ребятам моим!

ЧУДАКИ

В. ВОХМИН

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

«ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...»

Администрация «Клуба ДС» внимательно следит за всеми сатирическими изданиями, выходящими не только в столице, но и в других городах и весях. Не удивительно поэтому, что она сразу заметила вышедшую только что в Киеве, в издательстве «Радянський письменник» новую книгу своего давнего знакомого и автора 16-й полосы Юрия Ивакина под названием «Від великого до смішного...». Будучи широко образованной в лингвистическом отношении, администрация, почти не прибегая к словарю, довольно быстро перевела это название с украинского языка и догадалась, что оно означает «От великого до смешного...».

Новую книгу Юрия Ивакина составляют юмористические рассказы, литературные фельетоны и пародии. Автор — известный украинский советский писатель и ученый-филолог затрагивает в них отдельные вопросы современного литературного процесса, критикуя типичные, а также и не очень типичные недостатки, имеющие, к сожалению, место в упомянутом процессе. А произведения, вошедшие в цикл «Антиисторические рассказы», направлены против врагов мира, прогресса и разрядки, и автор достигает здесь большой сатирической силы.

Администрация с удовлетворением отметила, что манера письма Юрия Ивакина, как и в его предыдущих книгах и газетных публикациях, отличается тонким чувством слова и стиля, изяществом, остроумием. И что особенно приятно сердцу администрации — то, что некоторые из вошедших в книгу произведений, как, например, литературный фельетон «Приемы полемического карате», она впервые прочитала у себя на 16-й полосе «Литгазеты». И взяла эти самые приемы себе на вооружение. За что автору наше большое мерси боку!

Вл. ВОЛИН,
дежурный администратор «Клуба ДС»

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **СМЕЛАЯ ЖЕНЩИНА**

Прямо из-под колеса вытащила гражданка Г. Стукина своего мужа Сергея Ивановича.

— Колесо обозрения не для пьяных, — строго заметила она мужу, покидая городской парк культуры.

● **СОВЕТЫ ЛОГОПЕДА**

Если вы плохо выговариваете букву «л», старайтесь говорить такие фразы, в которых буква «л» не встречается

○ **ИХ НРАВЫ**

Когда в многосерийной развлекательной программе заграничного телевидения «Бистро де трэз табль» («Ресторанчик 13 столов») звучат песни на русском языке в записи А. Пугачевой, Р. Рымбаевой, Л. Лещенко и других наших популярных певцов, то участвующим в программе, не умеющим петь и не знающим иностранных языков драматическим артистам остается только не всегда синхронно открывать рот под фонограмму.

А. ЛЕОНОВ (УХТА Коми АССР)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва, Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 200-23-63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А — 09892
Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30
Зак. 828
ИНДЕКС 50067